

**МОНОГРАФИИ
НГТУ**

Серия основана в 2001 году

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «МОНОГРАФИИ НГТУ»

д-р техн. наук, проф. (председатель) *А.А. Батаев*
д-р техн. наук, проф. (зам. председателя) *А.Г. Вострецов*
д-р техн. наук, проф. (отв. секретарь) *В.Н. Васюков*

д-р техн. наук, проф. *А.А. Воевода*
д-р физ.-мат. наук, проф. *А.К. Дмитриев*
д-р физ.-мат. наук, проф. *В.Г. Дубровский*
д-р филос. наук, проф. *В.И. Игнатьев*
д-р физ.-мат. наук, проф. *О.В. Кибис*
д-р социол. наук, проф. *Л.А. Осъмук*
д-р техн. наук, проф. *Н.В. Пустовой*
д-р техн. наук, проф. *Г.И. Расторгуев*
д-р физ.-мат. наук, проф. *В.А. Селезнев*
д-р техн. наук, проф. *Ю.Г. Соловейчик*
д-р техн. наук, проф. *А.А. Спектор*
д-р техн. наук, доц. *В.С. Тимофеев*
д-р техн. наук, проф. *А.Г. Фишов*
д-р экон. наук, проф. *М.В. Хайруллина*
д-р техн. наук, проф. *В.А. Хрусталеv*
д-р техн. наук, проф. *А.Ф. Шевченко*

Э. А. ВОРОБЬЕВА

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО
СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
1904–1905 гг.

НОВОСИБИРСК
2020

ББК 63.3(25)531-68
В 751

Рецензенты:

М.В. Шиловский, д-р ист. наук, профессор Гуманитарного института НГУ, заведующий сектором истории второй половины XVI – начала XX века Института истории СО РАН

А.К. Кириллов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН

Воробьева Э.А.

В 751 Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. : монография / Э.А. Воробьева. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. – 252 с. – (Монографии НГТУ).

ISBN 978-5-7782-4213-5

Монография посвящена теме влияния Русско-японской войны на внутреннее положение Сибири и Дальнего Востока. Рассматривается широкий спектр проблем, которые вызвала эта война (рост цен, продовольственные кризисы, содержание раненых и т. д.), а также общественное мнение сибирского и дальневосточного общества в годы войны. Впервые в отечественной историографии анализируются не только проблемы, вызванные войной, но и действия властей по их решению. На широком архивном материале, в том числе с привлечением ранее не публиковавшихся источников, рассмотрена деятельность органов власти по решению продовольственного вопроса. Раскрываются механизмы взаимодействия общества и властных структур, анализируется эффективность деятельности местных органов власти. Также всесторонне, с привлечением широкого архивного материала рассматривается проблема обеспечения семей запасных нижних чинов и помощь населения армии, в том числе затрагиваются такие аспекты, как требования военного ведомства к населению региона, мобилизационные расходы городов Сибири и Дальнего Востока, сложности с приемом раненых и т. д. В целом монография посвящена рассмотрению вопроса, чем пришлось заплатить за Русско-японскую войну населению Сибири и Дальнего Востока и каким было отношение власти к армии и населению.

ББК 63.3(25)531-68

ISBN 978-5-7782-4213-5

© Воробьева Э.А., 2020

© Новосибирский государственный
технический университет, 2020

E. A. VOROBYEVA

WAR AND SOCIETY
SIBERIA AND THE FAR EAST
IN THE YEARS
OF THE RUSSO-JAPANESE WAR
OF 1904–1905

NOVOSIBIRSK
2020

БКБ 63.3(25)531-68

В 751

Reviewers:

M.V. Shilovsky, D.Sc. (History), NSU Humanities Institute; SB RAS Institute of History, professor; sector of the second half of the 16th – the beginning of the 20th century history, head

A.K. Kirillov, PhD (History), SB RAS Institute of History, senior research fellow

Vorobyeva E.A.

В 751 War and Society. Siberia and the Far East in the years of the Russo-Japanese War of 1904–1905 : monograph / E.A. Vorobyeva. – Novosibirsk : NSTU Publisher, 2020. – 252 p. – (NSTU Monographs).

ISBN 978-5-7782-4213-5

The monograph addresses the issue of the impact of the Russo-Japanese War on the situation in Siberia and the Far East. A wide range of problems caused by this war such as growth of prices, food crises, medical maintenance of the wounded, etc. as well as public opinion of Siberian and Far Eastern societies in the war time are considered in the monograph. Not only the problems caused by the war but also the measures taken by the authorities to solve them are analyzed for the first time in the Russian historiography. Efforts of the authorities to solve the food problem are investigated based on a wide variety of archive materials including earlier unpublished sources. The mechanisms of society-authorities interaction are revealed and the efficiency of local authorities activities is analyzed. The problem of family provisions of reservist lower ranks and the population assistance to the army including such aspects as requirements of the military establishment to the regional population, mobilization expenses of Siberian and Far Eastern cities, difficulties of reception of the wounded, etc. are extensively studied with the involvement of a wide variety of archive materials. As a whole the monograph is devoted to the consideration of the issue of the price the population of Siberia and the Far East had to pay for the Russo-Japanese war and what the attitude of the authorities to the army and the population was.

БКБ 63.3(25)531-68

ISBN 978-5-7782-4213-5

© Vorobyeva E.A., 2020

© Novosibirsk State Technical University, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Русско-японская война 1904–1905 гг. с самого начала привлекла к себе внимание исследователей. Историография войны насчитывает тысячи работ и охватывает период с 1904 г. по настоящее время. Однако из всех возможных аспектов войны больше всего изучены военный и политический. Внешнеполитическая ситуация кануна конфликта, борьба различных группировок вокруг вопроса о проникновении России в Корею и Китай, состояние русской армии и флота в преддверии и во время войны, ход боевых действий, причины военных неудач – вот круг тем, которые чаще всего поднимают исследователи. При этом на периферии исследовательского внимания оказался один из интереснейших и, безусловно, очень важных аспектов – влияние войны на общество и внутреннее положение страны, вызванные войной социальные трансформации, в том числе изменение общественного мнения, окончательное оформление противостояния между обществом и элитой и т. п.

Практически «общим местом» многих исследований на тему Русско-японской войны (начиная с дореволюционных работ В.И. Ленина и заканчивая современной историографией) стало утверждение, что Русско-японская война послужила катализатором Первой русской революции 1905–1907 гг. Однако недостаточно изученным, на наш взгляд, остается вопрос, почему это произошло. Да, Русско-японская война 1904–1905 гг. была проиграна. Но Крымская кампания 1853–1856 гг. тоже была проиграна, и это вызвало в обществе мощное движение за реформирование существующей политической системы и отмену крепостного права, но это движение не вылилось в революцию. Русско-японская война негативно повлияла на внутреннее положение страны, особенно Сибири и Дальнего Востока. Но практически любая

война, которая велась Россией, вызывала те или иные экономические и социальные трудности. Значит, дело не только в этом.

Территориальные рамки данного исследования ограничены Сибирью и Дальним Востоком. Наше обращение именно к этому региону не случайно. Будучи частью Российской империи, Сибирь и Дальний Восток в целом оказывались в русле тех же идейных течений, что и вся остальная страна. В наиболее явном виде это проявлялось в региональной периодике, которая содержала в себе огромное количество заимствований из центральной прессы. Вместе с тем именно на Сибирь и Дальний Восток пришлась основная тяжесть войны, а значит, процессы, запущенные ею, протекали здесь более выражено. Из Сибири и Дальнего Востока началась мобилизация запасных нижних чинов на войну (и приобрела здесь весьма значительные масштабы). Сибирь и Дальний Восток приняли огромное количество раненых, в том числе ущемляя интересы основного населения. Во многом за счет населения Сибири и Дальнего Востока совершалось снабжение русской армии продовольствием, в том числе интендантские закупки. Фактически Сибирь и Дальний Восток стали непосредственным тылом Маньчжурской армии. В годы войны это прекрасно осознавалось местным обществом и отражалось и на страницах региональной периодики, и в высказываниях людей. «Сибирь воюет, а Россия лишь помогает деньгами» – вот квинтэссенция оценки вклада сибиряков и дальневосточников в Русско-японскую войну (под Сибирью здесь понимался весь регион, включая Приамурское генерал-губернаторство, т. е. нынешний Дальний Восток). «Тяжела настоящая война, а для Сибири сугубо», – писал редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов.

Таким образом, изучение влияния Русско-японской войны на Сибирь и Дальний Восток могло бы помочь найти ответ на многие вопросы, связанные с рассмотрением войны как провокатора социальных изменений в обществе.

Но тема «Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны» изучена всё еще недостаточно, хотя в последние десятилетия историки всё чаще обращаются к ней. О народном характере Русско-японской войны, героизме сибиряков, их вкладе в войну (в тылу и на полях сражений) писали Г.В. Еремин, Г.И. Воробьева,

А.А. Воронина, Ю.А. Фабрика, А.К. Кутник, Н.Н. Смирнов, Н.К. Струк, Б.В. Михеев, О.В. Окорокова и другие¹. Главный вывод, который делают авторы: причина поражения в войне не русские воины, а та государственная система, которая привела их к позору проигранной войны.

Сибирскому тылу посвящена серия работ Ю.П. Горелова, из которых наиболее значима монография «Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века»². Рассматривая вопросы мобилизации, организации помощи раненым, семьям запасных, сиротам погибших воинов и другие, Ю.П. Горелов констатировал существенные масштабы сибирской благотворительности на нужды армии, исследовал особенности поведения сибиряков на полях сражений и их работу на армию в тылу.

Особенностям мобилизации во время Русско-японской войны в Сибири и отношению сибиряков к войне посвящены публикации

¹ *Еремин Г.В.* Мокшанский полк на сопках Маньчжурии // Воен.-ист. жур-нал. 1992. № 10. С. 83–85; *Воробьева Г.И.* Красный крест в Омске в период Русско-японской войны (по архивным материалам) // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1995. С. 135–137; *Воронина А.А., Фабрика Ю.А.* Русское военное духовенство в годы Русско-японской войны // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 93–96; *Фабрика Ю.А.* А для Сибири сугубо... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 45–58; *Фабрика Ю.А.* Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001; *Кутник А.К.* Сибирские казаки в Русско-японской войне // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 114–116; *Смирнов Н.Н.* Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994; *Струк Н.К.* Восточная Сибирь в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1971; *Михеев Б.В.* Участие населения Забайкальской области в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2012. № 8. С. 204–207; *Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.)* // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4. Т. 2 (76). С. 168–171.

² *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003.

В.И. Баяндина³, отмечавшего масштабность мобилизаций, отрицательное влияние Русско-японской войны на положение дел в Сибири, рост революционных настроений среди воинов Маньчжурской армии.

О тяготах, которые испытала Сибирь в Русско-японскую войну, сложностях решения вопросов, связанных с помощью раненым и семьям запасных нижних чинов, со снабжением продовольствием населения и армии, писали М.В. Шиловский, Ю.А. Фабрика, А.А. Голик, Т.А. Катцина, М.А. Ширшов⁴. М.В. Шиловский отмечал, что процесс изучения воздействия войны на Сибирь в недавнем прошлом подменялся рассмотрением событий революции 1905–1907 гг., и в настоящее время требуется специальный анализ и пересмотр стереотипов.

Наконец, проблеме отношения к войне в русском обществе уделено внимание как в монографиях, посвященных русскому консерватизму и либерализму⁵, так и в специальных работах. Особенно выделяется в этом отношении исследование О.Р. Айрапетова, посвященное

³ Баяндин В.И. Русско-японская война: мобилизация и демобилизация войск в Сибири // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 38–45; Баяндин В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 7–12.

⁴ Шиловский М.В. Русско-японская война и Сибирь // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 33–37; Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12–16; Фабрика Ю.А. А для Сибири сугубо... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 45–58; Голик А.А. Дальневосточное казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 22–28; Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 68–79; Ширшов М.А. Организация призрения семей воинских чинов, призванных на действительную службу в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Вопросы студенческой науки. 2018. № 6 (22). С. 139–143.

⁵ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Либерализм в России. М., 1996, и другие.

политике, стратегии и тактике России в Русско-японскую войну⁶. По мнению автора, к войне привели отсутствие единой внешней политики и переоценка возможностей страны. А к причинам поражения в ней можно отнести как традиционно освещаемые (техническая отсталость России, недостатки командования и т. д.), так и «идеологические» (негативное отношение общества к армии, незнание дальневосточных реалий, рост критических настроений в ходе войны, общее искаженное понимание патриотизма, когда в поражениях русской армии стали видеть некое проявление социальной справедливости, и т. д.). Русско-японскую войну как стимулирующий фактор возобновления и углубления российской модернизации рассматривал Г.Л. Олех⁷.

Среди работ, посвященных теме воздействия войны на общественное сознание, можно выделить диссертационное исследование Е.А. Гладкой⁸. Автор рассматривает отношение к Русско-японской войне в контексте «оборонного сознания», свойственного в целом русскому обществу. Уникальность ее, по мнению Е.А. Гладкой, состоит в том, что впервые отношение к войне (популярная / непопулярная) изменилось непосредственно в процессе войны, при этом «образ врага» с Японии и японцев был перенесен на российское самодержавие. В числе причин, вызвавших изменение отношения к войне, автор рассматривает неудачное пропагандистское воздействие на общество со стороны правящих кругов.

В исследовании Т.В. Чибиковой⁹ также анализируется образ войны и «образ врага» на страницах западносибирских периодиче-

⁶ Айрапетов О.Р. На сопках Маньчжурии... Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004. С. 355–502.

⁷ Олех Г.Л. Русско-японская война как зеркало российской модернизации // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 7–14.

⁸ Гладкая Е.А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

⁹ Чибикова Т.В. Развитие западносибирской легальной периодической печати и ее общественно-политическая проблематика в период 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004.

ских изданий. Автор прослеживает эволюцию общественного мнения относительно Русско-японской войны и считает, что ключевыми для изменения отношения к власти стали поражения под Мукденом и в Цусимском проливе.

Тем не менее исследования, которое рассматривало бы весь комплекс проблем, вызванных в регионе (в Сибири и на Дальнем Востоке) войной, а также произошедшие в связи с этим социальные трансформации, изменение общественного мнения, позицию власти (как местной, так центральной), формирование противостояния между элитой и обществом и другие вопросы, всё еще нет. В существующих работах рассматриваются либо отдельные аспекты темы, либо отдельные территории (скажем, только Иркутская область). Настоящая монография призвана заполнить данный пробел в отечественной историографии Русско-японской войны.

Война вызвала в регионе целый ряд проблем (продовольственные кризисы, рост цен, проблемы с содержанием семей запасных нижних чинов, необходимость приема и содержания раненых и другие). То, каким образом эти проблемы возникали и, самое главное, каким образом власти пытались их решить, – весьма показательно и позволяет, во-первых, рассмотреть механизмы взаимодействия между властными структурами и обществом, а во-вторых, понять некоторые аспекты формирования и изменения общественного мнения. Анализ основных форм проявления общественного мнения Сибири и Дальнего Востока во время Русско-японской войны и факторов, влиявших на общественное сознание сибиряков и дальневосточников, позволяет выявить те аспекты в восприятии обществом войны, которые обычно не вызывают интереса исследователей. В частности, анализ этих факторов позволяет объяснить, почему война, ставшая полностью непопулярной, тем не менее продолжала оставаться народной по своему характеру. Одновременно это показывает и то, почему Русско-японская война стала катализатором начала Первой русской революции. Пример Сибири и Дальнего Востока интересен с точки зрения формирования и восприятия «образа врага», а также видения перспектив войны. Здесь «ответы» дальневосточного и сибирского общества расходились, и выяснение причин этого расхождения важно для понимания процессов формирования и динамики общественного мнения.

Таким образом, целью настоящего исследования является анализ влияния Русско-японской войны на общество (на примере общества Сибири и Дальнего Востока) и на внутреннее положение дел в регионе, выявление произведенных войной социальных трансформаций, причин возникновения и «точек» конфронтации между элитой и обществом, возникших в ходе войны.

Задачи исследования:

- 1) выявить весь комплекс проблем, которые Русско-японская война вызвала в изучаемом регионе;
- 2) рассмотреть, как эти проблемы решались органами власти на местном уровне, насколько эффективными или неэффективными оказывались предлагаемые методы решения и почему;
- 3) рассмотреть отношение высшей власти (элиты) к проблемам, вызванным войной;
- 4) ответить на вопрос, насколько элита осознавала текущую ситуацию как проблемную, что предпринималось для ее изменения;
- 5) рассмотреть восприятие населением региона ситуации, вызванной войной; ответить на вопрос, можно ли считать Русско-японскую войну катализатором социального кризиса в регионе;
- 6) рассмотреть формирование и динамику общественного мнения в годы войны, проанализировать причины его изменения;
- 7) рассмотреть конкретные формы проявления общественного мнения (в том числе участие населения в дружинах, пожертвования на нужды армии и т. д.); выяснить, было ли это участие добровольным или вынужденным;
- 8) рассмотреть усилия власти по формированию образа Русско-японской войны, а также образа врага (Японии и японцев); насколько эти усилия увенчались успехом, как и за счет чего происходила трансформация образа врага и Русско-японской войны в общественном сознании.

В качестве основной гипотезы, которая рассматривается в данном исследовании, служит предположение, что перерастание Русско-японской войны в революцию вызвали не только и не сколько поражение в войне и порожденные ею бедствия как таковые, а позиция правящих кругов. В годы войны впервые была предпринята широкомасштабная попытка формирования общественного мнения в

нужном для верхов ключе, войну долгое время пытались изображать как «маленькую и победоносную», несмотря на все отступления и провалы. Развенчание этого образа после падения Порт-Артура, а также поражения под Мукденом и в Цусимском проливе вызвали в обществе шок и полное падение доверия к власти. Еще большую конфронтацию между обществом и элитой вызвало игнорирование высшей властью возникших в ходе войны проблем, а также стремление переложить на плечи населения максимальное количество расходов, связанных с ведением войны (вплоть до снабжения действующей армии). К концу Русско-японской войны общество, пожертвовав буквально всем на нужды войны, оказалось перед жестоким экономическим и социальным кризисом, а власть, позорно проиграв войну, не нашла ничего лучше, как уверять, что всё будет хорошо, стоит только еще немного напрячься. При этом элита фактически отказалась от выполнения негласного общественного договора (Российское государство как государство патерналистское), продемонстрировав заодно и управленческий кризис. Ответом общества стало требование изменения и/или ликвидации существующей политической системы, а высказывались эти требования в ходе революции 1905–1907 гг.

Среди источниковой базы исследования ведущее место занимают, во-первых, материалы РГИА ДВ (фонды 153, 159, 429, 470, 718, 719, 702, 766, 1259, 1338, в том числе фонд Приамурского генерал-губернаторства, фонды городских дум Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, переписка по продовольственному вопросу и т. д.), во-вторых, три ведущие газеты Сибири и Дальнего Востока: «Сибирская жизнь», «Восточное обозрение», «Дальний Восток». Обращение к периодике как ведущему источнику обусловлено тем, что в рассматриваемый нами период пресса исполняла двоякую функцию: с одной стороны, она формировала общественное мнение, с другой – была основным каналом его выражения. Причем в данном качестве выступала, главным образом, частная либеральная пресса, официозные и правые издания почти не пользовались влиянием.

Что касается выбора конкретных газет из числа частных либеральных изданий Сибири и Дальнего Востока, то он был обусловлен рядом критериев. На Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1904 г. издава-

лось в общей сложности 25 газет и журналов, среди них 6 являлись специализированными изданиями («Известия Восточного института» и др.), 6 изданий носили официальный характер («Приамурские и Забайкальские областные ведомости»; «Благовещенские епархиальные ведомости», «Владивостокские епархиальные ведомости», «Забайкальские епархиальные ведомости»; «Вестник Маньчжурской армии»), еще 2 издания носили монархический характер («Восточный Вестник», «Новый край»). Из оставшихся 11 частных либеральных периодических изданий к началу Русско-японской войны 9 издавались непродолжительное время (от нескольких месяцев до четырех лет) и/или имели ограниченный ареал распространения с периодичностью выпуска от одного до трех раз в неделю. Наиболее авторитетными были издания, выходившие во Владивостоке, – это газеты «Владивосток» (годы издания 1883–1906) и «Дальний Восток» (годы издания 1892–1917). Однако если «Дальний Восток» выходил ежедневно, то «Владивосток» – только один раз в неделю. Таким образом, ведущим либеральным изданием в регионе стал именно «Дальний Восток»¹⁰. Его редакторами были В.А. Панов и Е.А. Панова. В своей общественной деятельности газета старалась придерживаться «золотой середины»: обращение к острым политическим вопросам, критика недостатков сочетались в ней со стремлением сохранить в пределах законности отношения с органами государственной власти (говоря проще, газета стремилась привлекать читателя злободневными темами, но так, чтобы издание не закрыла цензура). По мнению И.А. Шаховой, «Дальний Восток» был крупнейшим периодическим изданием региона, существенно влиявшим на общественную жизнь. Вообще влияние частной периодики на общественное сознание было весьма интенсивным – социальные факты и идеи, представленные читателям со страниц газет, преобразовывались в убеждения и в конечном итоге становились основой моральных норм общественной жизни Дальнего Востока¹¹.

¹⁰ Составлено по: Стрюченко И.Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861–1917 гг.): аннотир. библиограф. указатель. Владивосток, 1983. 121 с.

¹¹ Шахова И.А. Периодическая печать и органы государственной власти Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. С. 20–23.

В Сибири на момент начала Русско-японской войны издавалось 15 официальных изданий («Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости», «Известия городских дум» и т. д.) и ряд специализированных. Из числа частных либеральных газет по одной издавалось в Омске, Тобольске, Тюмени, Кургане, Барнауле, Иркутске; 2 газеты выходили в Красноярске, 6 – в Томске¹². Однако в числе газет, выходявших длительное время, было только 4 издания: «Восточное обозрение» (Иркутск, 1888–1906), «Сибирская жизнь» (Томск, 1897–1917), «Сибирский листок» (Тобольск, 1890–1917), «Степной край» (Омск, 1893–1905). Но «Сибирский листок» выходил всего лишь 2 раза в месяц и был известен в основном в пределах Тобольской губернии. Аналогично газета «Степной край» выходила 2-3 раза в неделю, ареал ее распространения ограничивался Омском¹³. Ведущими повременными изданиями в регионе, таким образом, были газеты «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь».

Редакторами «Сибирской жизни» в годы войны были П.И. Макушин и А.И. Макушин. Одно только краткое перечисление их биографических данных может многое сказать нам об этом издании. Так, П.И. Макушин – известный сибирский предприниматель, общественный деятель, просветитель, меценат. В 1871 г. в Томске открыл частную публичную библиотеку (ее фонд составил в итоге 40 тыс. томов), в 1873 г. – первый в Сибири книжный магазин (к 1920 г. в нем продавалось до 50 тыс. наименований книг), в 1876 г. – типографию. С 1881 г. издавал первую в Томске частную «Сибирскую газету», закрытую в 1888 г. за «вредное направление» (критика властей, рассмотрение недостатков общественной жизни и т. д.). Последовательно издавал «Томский справочный листок», «Томский листок», «Сибирскую жизнь». По инициативе П.И. Макушина в 1882 г. открылось Общество попечения о начальном образовании, в 1901 г. – Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии. Также содействовал созда-

¹² Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): указатель газет и журналов / сост.: Е.Н. Косых и др. Томск, 2001. С. 76–77.

¹³ Составлено по: Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): указатель газет и журналов / сост.: Е.Н. Косых и др. Томск, 2001. 92 с.

нию в Томске Народного университета, сам внес 100 тыс. рублей на его строительство, помогал различным образовательным и просветительским учреждениям, издавал научные труды. Почетный гражданин г. Томска (1910 г.) и Сибири (1919 г.)¹⁴.

Его брат, А.И. Макушин, с 1879 по 1901 г. работал врачом, неоднократно избирался мировым судьей и гласным Томской городской думы. В 1902 г. был избран томским городским головой. Много сделал для развития и благоустройства Томска, в годы Русско-японской войны организовал прием и помощь раненым. После разгона полицией демонстрации томских учащихся 18 октября 1905 г. потребовал от губернатора предать суду полицмейстера, прекратил финансирование полиции. Во время черносотенного погрома в Томске 20–22 октября 1905 г. вынужден был скрыться, уехал в Петербург. Был депутатом 1-й Государственной думы от Томской губернии¹⁵. Неудивительно, что «Сибирская жизнь» отличалась широким охватом материала, чутко отзывалась на общественные проблемы и вопросы, способствовала росту самосознания и оппозиционных настроений в сибирском обществе. Тираж газеты в годы Русско-японской войны достиг максимального в Сибири – 15 тыс. экземпляров, ее читали по всей Сибири. По мнению исследователя С.И. Гольдфарба, «Сибирская жизнь» была распространена не только среди сибирской интеллигенции, купечества и чиновничества, но и среди «малообразованной публики»¹⁶. Несомненно, «Сибирская жизнь» пользовалась в регионе огромным авторитетом и влиянием.

Весьма интересным изданием было и «Восточное обозрение». Его первым редактором-издателем был известный общественный деятель и просветитель Н.М. Ядринцев, затем одновременно В.Я. Ошурков, Д.А. Клеменец, А.Н. Ушаков, И.Г. Шешунов. В 1894 г. (незадолго до смерти Н.М. Ядринцева) редактором газеты стал бывший политический ссыльный, народник И.И. Попов, который опре-

¹⁴ Косых Е.Н. Макушин П.И. (1844–1926) // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 199.

¹⁵ Косых Е.Н. Макушин А.И. // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 199.

¹⁶ Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. С. 59.

делил направление газеты как «социалистическо-народническое», но более адекватной была бы оценка «демократическое». За критические публикации редактора газеты И.И. Попова более 20 раз привлекали к суду, штрафовали и даже подвергали тюремному заключению. Среди корреспондентов «Восточного обозрения» было много ссыльных – народников, анархистов, социал-демократов, эсеров. Среди авторов газеты были писатели Н.Г. Гарин-Михайловский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, К.М. Станюкович; этнографы и литераторы Ф.Я. Кон, Э.Ю. Петри, Г.А. Стуков; историк и публицист Н.Н. Козьмин, а также геолог и писатель В.А. Обручев. Тираж газеты постоянно рос, составив в 1904–1905 гг. примерно 12 тыс. экземпляров¹⁷. В конце 1905 г. «Восточное обозрение» сделало попытку включиться в активную политическую борьбу, за что почти сразу было закрыто. До августа 1906 г. газета пыталась издаваться под другими названиями («Сибирское обозрение», «Молодая Сибирь», «Восточный край»), но всё же возродить газету не удалось¹⁸. В целом представленные издания активно участвовали в формировании общественного мнения и были весьма авторитетны среди населения. Они содержали и массу ценного фактического материала по экономическому, политическому и социальному состоянию Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны.

Таким образом, мы имеем значительный корпус источников, различных по содержанию и форме. Они составляют солидную источниковую базу, позволяющую ответить на вопросы настоящего исследования.

Как нам представляется, Русско-японская война продемонстрировала неспособность власти адекватно ответить на вызовы времени и непонимание того, что старая имперская политика уже не работает. Особенно зримо это видно на примере Сибири и Дальнего Востока с целым комплексом проблем, вызванных войной. К сожалению, уроки из этого вынесены не были, и всё повторилось в Первую мировую войну с совершенно катастрофическими последствиями.

¹⁷ *Петряев Е.Д.* Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирского сборника» (1862–1906). Киров, 1987. С. 4.

¹⁸ *Петряев Е.Д.* Сотрудники «Восточного обозрения»... С. 6.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМЫ, ПОРОЖДЕННЫЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ, И ПОПЫТКИ ИХ РЕШЕНИЯ

§ 1. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КРИЗИСЫ В ГОРОДАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Массовая перевозка войск по Транссибирской магистрали, которая в то время была еще однопутной и к тому же недостроенной (ее разделял на две части Байкал), привела в начале Русско-японской войны к полному прекращению перевозки коммерческих и частных грузов (частично она возобновилась только к лету 1904 г.). Снабжение Сибири и Дальнего Востока разнообразными товарами (в том числе продуктами и предметами первой необходимости) было затруднено, а в ряде мест оно почти полностью прекратилось. При этом местное производство в силу дефицита рабочих рук сократилось, а местную сельхозпродукцию (если она была) активно скупало интендантство. Всё вместе породило рост цен и многочисленные «товарные кризисы», которые еще больше усиливались из-за политики самих промышленников, которые с началом войны открыли беззастенчивую спекуляцию.

Уже с февраля 1904 г. по региону начался активный рост цен. За февраль–март на 25...50 % выросли цены на основные продукты питания в Омске, Томске, Красноярске и Якутии, на 40...50 % – в Каинске (например, цена на чай поднялась с 85 коп. до 1 руб. 25 коп. за «кирпич», на сахар – с 18 до 25 коп. за фунт, на муку –

с 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 10 коп. за пуд¹⁹). На 50...100 % поднялись цены по Кругобайкальской железной дороге, фунт черного хлеба стал стоить 6-7 коп., фунт сахара – 25-30 коп., пуд муки ржаной – 1 руб. 50 коп., пуд крупчатки – 3 руб. (2-й сорт) и 2 руб. 40 коп. (3-й сорт), пуд мяса – 6 руб., «кирпич» чая – 1 руб. 25 коп., пуд овса – 1 руб. 10 коп., пуд сена – 75 коп.²⁰ Вдвое-втрое поднялись цены в Забайкалье, Владивостоке и Уссурийском крае. Например, в Селенгинской волости Забайкальской обл., по сообщению «Сибирской жизни», цены на хлеб выросли с 80 коп. до 1 руб. 40 коп. за пуд, на мясо – с 1 руб. 20 коп. до 3 руб. 60 коп. за пуд (в три раза!), стоимость воза сена дошла до 8 руб., соломы – до 4,5 руб., что сразу же отразилось на состоянии скота: от бескормизы начался падеж поголовья²¹. В Верхнеудинском уезде, по сообщению газеты «Восточное обозрение», «жены запасных нижних чинов, ушедших на войну, чуть не помирают с голоду», поскольку сена на рынке не стало вовсе, стоимость воза соломы дошла до 8 руб., пуда муки – до 1 руб. 40 коп.²²

Особенно тяжело приходилось селам, где подорожали хлеб, овес, мясо, но особенно поднялись цены на привозные товары, а именно на чай, сахар, керосин, свечи и т. п. Как писало на эту тему «Восточное обозрение», «со времени объявления войны прошли какие-нибудь две недели, а житель деревни уже вопиет от ее последствий. Нет спичек, нет керосина, нет свеч, сахару, масла, муки... (нет подвоза)». А если добавить к этому пустую кассу в волостном правлении («с кого будешь собирать подать, когда в редком доме нет прорехи, оставленной уходом члена семьи на службу») и резко подскочившие цены на предметы первой необходимости – «картина становится совсем безрадостной»²³.

Забайкальское областное по крестьянским делам присутствие констатировало в марте 1904 г., что «вследствие открытия военных

¹⁹ Сибирская жизнь. 1904. № 49 (3 марта).

²⁰ Восточное обозрение. 1904. № 30 (5 февраля).

²¹ Сибирская жизнь. 1904. № 68 (25 марта).

²² Восточное обозрение. 1904. № 81 (6 апреля).

²³ Восточное обозрение. 1904. № 42 (19 февраля).

действий и отнятия значительного количества рабочей силы и лошадей для нужд армии экономическое положение населения сильно пострадало» и предусмотренных прежними решениями продовольственных средств уже недостаточно, поэтому необходимо закупить для нужд населения 50 тыс. пудов ржи²⁴.

Характерны отзывы региональной прессы на тему дороговизны. Так, уже в номере «Сибирской жизни» от 18 февраля 1904 г. появились сразу две заметки, посвященные повышению цен: «Корреспонденция из Красноярска» и «К вопросу о дороговизне в Томске». В обоих случаях авторы пришли к одному и тому же выводу: торговцы намеренно (и искусственно) поднимают цены на товары, так как единственная причина, которую они называют, – прекращение подвоза товаров – еще не могла начать действовать, поскольку у торговцев должны оставаться «старые» (довоенные) запасы товара. Таким образом, имеет место быть спекуляция, которой власти должны активно противодействовать. В статье «К вопросу о дороговизне в Томске» указывалось, что если сахар, крупы, гастрономические продукты, керосин, свечи и чай в Томск действительно привозят из европейской части России железной дорогой, то снабжение города хлебом, мясом, рыбой и дичью ведется гужевым транспортом из Алтайского округа, так что прекращение железной дорогой приема коммерческих грузов никак не должно влиять на рост цен, а он есть.

В номере «Сибирской жизни» от 22 февраля 1904 г. отмечалось, что население выражает сильное недовольство ростом цен, пока что ничем не оправданное. Автор заметки задавался риторическим вопросом: «неужели эти люди не понимают, что в такие исторические моменты, как настоящий, когда весь русский народ несет жертвы на алтарь отечества, обирать в лице потребителя свою родину должно быть бесчестным? Кто же в таком случае наши купцы: японцы или русские? А если русские, то почему они держат себя как в завоеванной стране?»²⁵ Параллельно рассматривалась и ситуация с пожертвованиями: «Фирма N пожертвовала (сообщают газе-

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 168–169.

²⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 41 (22 февраля).

ты) в пользу Красного Креста 500 руб. и накинула (знаем без газет!) по 2 руб. на пуд сахара. При годовом обороте в 15-20 тысяч пудов это очень выгодная комбинация!»²⁶

«Восточное обозрение» обрушилось на спекулянтов с еще большей критикой, указывая, что пока одни проливают свою кровь, другие жертвуют последнее, что у них есть, трети наживаются на народном горе и бедствии: «надо неуклонно бороться с этими паразитами войны, с жалкими торгашами, снимающими сливки с общественного бедствия, – это одна из практических задач печати»²⁷.

Сообщения сибирской и дальневосточной печати о росте цен зачастую были полны едкого и горького юмора. Например, «Никольск-Уссурийский листок» писал: «Чувствительнее всех к войне оказался торговый класс, который буквально в тот же день, как получила телеграмма генерала Линевиича о минной атаке японцев на наш флот в Порт-Артуре, тотчас же проявил высоко патриотические тенденции, выразившиеся в поднятии цен на все товары»²⁸. А газета «Забайкалье» иронично замечала: «Мобилизация отозвалась даже на омулях; они дошли до 10-12 и даже 14 руб. за сотню, а в прошлом году сотня стоила только 4-6 руб.»²⁹

Тема дороговизны и кризисов не покидала страниц газет и в дальнейшем, причем торговцев неизменно награждали нелюбезными эпитетами типа «хунхузы», «разбойники», «акулы», «волки в овечьей шкуре» и т. д. В корреспонденции из Барнаула в «Сибирской жизни» автор замечал, что там особенно отличились сахарозаводчики, которые даже не скрывали своей выгоды и откровенно заявляли: «Почему не поднять цен, когда можно воспользоваться представившимся случаем?»³⁰ В другом случае «Сибирская жизнь», сообщая, что цены на сахар доходят до 22 коп. за фунт, причем некоторые магазины продают сахар только вместе с чаем

²⁶ Сибирская жизнь. 1904. № 38 (19 февраля).

²⁷ Восточное обозрение. 1904. № 64 (16 марта).

²⁸ Цит. по: Восточное обозрение. 1904. № 91 (17 апреля).

²⁹ Цит. по: Восточное обозрение. 1904. № 161 (8 июля).

³⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 77 (11 апреля).

(тоже недешевым), а другие совсем не продают, вопрошала: «Не пора укротить хотя немного аппетита господ торговцев?»³¹ И подобных заметок на страницах региональных изданий было немало.

Откликаясь на недовольство населения (в том числе выражаемое посредством СМИ), большинство городских дум пошло по пути установления такс (фиксированных цен) на товары. Например, на заседании иркутской думы гласный Г.Б. Патушинский, возложив вину за повышение цен на местных торговцев, которые, «пользуясь народным бедствием, безбожно набавляют цену на свои товары», предложил, во-первых, «воздействовать на купцов принудительной таксой», а во-вторых, «воспользоваться проездом министра путей сообщения для личного перед ним ходатайства о том, чтобы город Иркутск имел, хотя бы в небольших размерах, возможность получать по железной дороге жизненные продукты»³².

Однако чаще всего установление таксы вело скорее к негативным последствиям, чем к позитивным. В ряде случаев такса устанавливалась в пользу промышленников, а не населения. Так, в феврале 1904 г. красноярская дума, по настоянию гласного Калугина, установила таксу на мясо в размере 10 коп. за фунт (на мясо осеннего забоя – 9 коп. за фунт). Позже выяснилось, что запасы мяса в городе велики, а гласный Калугин, сам мясоторговец, радел вовсе не о благе красноярцев, а за свой карман, так что такса была установлена в пользу мясоторговцев. В марте дума вновь рассматривала вопрос о таксе на мясо, причем мнения разделились: часть гласных поддержала повышение цен, часть – нет, мотивируя это тем, что объективных условий для повышения цен нет, мясо идет из Минусинского уезда по зимнику Енисея. После бурных дебатов пришли к своеобразному компромиссу: цена на мясо осеннего забоя была оставлена прежняя (9 коп. за фунт), а на мясо свежего забоя устанавливалась такая, как просили мясники (12 коп. за фунт). Итогом всего этого «процесса» стали жалобы красноярцев на то, что такса выгодна одним лишь мясникам и что за два месяца войны цена на

³¹ Сибирская жизнь. 1904. № 184 (24 августа).

³² Сибирская жизнь. 1905. № 30.

мясо выросла в 2 раза от довоенного уровня. Осенью 1904 г. в Красноярске снова был поднят вопрос о таксе на мясо. «Мясная оппозиция» в думе доказывала, что ее следует повысить, иначе мясоторговцы увезут мясо в другие места, где за него дают дороже, а город останется без мяса; дебаты закончились утверждением прежней таксы³³, после чего в скором времени в Красноярске стал ощущаться дефицит мяса.

Хабаровская городская дума уже на заседании 29 января 1904 г. также установила высокую таксу на мясо (передняя часть – 7 руб. 20 коп. за пуд, задняя часть – 8 руб. за пуд), аргументируя это тем, что «по заявлениям мясоторговцев, они ввиду существующей ныне таксы (5 руб. 60 коп. передняя и 6 руб. 40 коп. задняя) воздерживаются от заготовки этого продукта, ибо, продавая его по существующей цене, они не оправдают расходов, а также в видах вызвать подвоз мяса из окрестных селений, городская дума находит, по случаю вздорожания вообще всех продуктов и предметов, необходимым повысить существующую таксу на мясо»³⁴. Таким образом, дума сразу разрешила поднять мясоторговцам цену на мясо на 1 руб. 20 коп. за пуд. В апреле 1904 г. Хабаровская дума, рассмотрев очередную просьбу мясоторговцев о повышении мясной таксы, дабы «этим вызвать подвоз мяса в город», решила установить таксу на переднюю часть туши 8 руб. 80 коп. за пуд (20 коп. за фунт), заднюю часть – 10 руб. за пуд (25 коп. за фунт)³⁵, в июне 1904 г., оставив прежнюю таксу на мясо в пуде, увеличила таксу на переднюю часть в фунтах (22 коп. за фунт)³⁶. Однако в дальнейшем дума отклоняла ходатайства мясоторговцев о повышении таксы, находя их заявления об увеличении цен на скот голословными. В целом при высоких таксах на мясо оно в городе было, но население жаловалось на дороговизну, а когда цены стали придерживать, начался дефицит.

³³ Сибирская жизнь. 1904. № 44 (26 февраля), № 67 (24 марта), № 138 (27 июня), № 250 (14 ноября).

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 76а. Л. 10.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 76а. Л. 26.

³⁶ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 76а. Л. 36.

В тех случаях, когда таксу сразу устанавливали исходя из потребностей населения (меньше, чем просили торговцы), это приводило к полному исчезновению данного товара из продажи, так как промышленники предпочитали продавать его «на сторону», т. е. вывозить в те места, где товар можно было продать дороже. Так, газеты отмечали, что установление «мясной» таксы привело к исчезновению мяса из продажи в Чите, Никольск-Уссурийском и Благовещенске; в Мысовой в ответ на таксу мясоторговцы устроили стачку, закрыв с 21 апреля 1904 г. все мясные лавки³⁷. В случаях, когда полиция находила мясо и пускала в продажу, его расхватывали (по выражению СМИ) мгновенно, «с боем и записыванием в очередь», как это, например, происходило в Чите. По мнению «Восточного обозрения», причиной тревожений послужило то, что читинские мясники не хотели продавать мясо по таксе (4 руб. 50 коп. за пуд), а предпочитали пускать его на сторону – например, военному ведомству, которое брало мясо по 5 руб. 60 коп. за пуд³⁸. Впрочем, обращаться в интендантство было не обязательно, обычно более высокие цены на продукцию (в том числе по таксе) были у соседей, о чем дает представление табл. 1.

Таблица 1

**Таксы, установленные на основные товары в феврале 1904 г.
в разных городах Дальнего Востока³⁹**

Товары	Такса за товар			
	Благовещенск	Николаевск	Хабаровск	Владивосток
Хлеб из муки 1-го сорта	5 коп. за фунт	-	6 коп. за фунт	-
Хлеб из муки 2-го сорта	4½ коп. за фунт	-	5 коп. за фунт	5 коп. за фунт
Хлеб из муки 3-го сорта и яричной	4 коп. за фунт	-	4 коп. за фунт	4 коп. за фунт

³⁷ Сибирская жизнь. 1904. № 98 (8 мая).

³⁸ Восточное обозрение. 1904. № 103 (1 мая).

³⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 450. Л. 38, 67. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 108-109. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 141, 143-144.

Окончание табл. 1

Товары	Такса за товар			
	Благовещенск	Николаевск	Хабаровск	Владивосток
Мука 1-го сорта	1 руб. 90 коп. за пуд	-	-	2 руб. 45 коп. за пуд
Мука 2-го сорта	1 руб. 60 коп. за пуд	-	2 руб. за пуд	-
Мука 3-го сорта	1 руб. 40 коп. за пуд	1 руб. 60 коп. за пуд	1 руб. 80 коп. за пуд	1 руб. 60 коп. за пуд
Крупа гречневая	-	2 руб. за пуд	1 руб. 50 коп. за пуд	5 коп. за фунт
Рис	-	2 руб. 40 коп. – 3 руб. 20 коп. за пуд	-	3 руб. 20 коп. за пуд
Мясо 1-го сорта	16 коп. за фунт, 6 руб. 40 коп. за пуд	10 руб. 80 коп. за пуд	20 коп. за фунт, 8 руб. за пуд	18 коп. за фунт
Мясо 2-го сорта	14 коп. за фунт., 5 руб. 40 коп. за пуд	10 руб. за пуд	18 коп. за фунт, 7 руб. 20 коп. за пуд	16 коп. за фунт
Масло сливочное	-	20 руб. за пуд	60 коп. за фунт	60 коп. за фунт
Сахар	19-20 коп. за фунт	8 руб. 80 коп. за пуд	25 коп. за фунт	25 коп. за фунт
Соль	90 коп. за пуд, 2½ коп. за фунт	1 руб. 20 коп. за пуд	1 руб. 20 коп. за пуд	65 коп. за пуд
Керосин	5 руб. 75 коп. за ящик	5 руб. 50 коп. за ящик	-	5 руб. за ящик
Свечи	33 коп. за фунт	-	35 коп. за фунт	30 коп. за фунт
Рыба кета	7-8 коп. за фунт	2 руб. 40 коп. за пуд	10 коп. за фунт	9 коп. за фунт
Дрова	4 руб. за са- жень	5 руб. 50 коп. за сажень	-	-
Овес	-	1 руб. 20 коп. за пуд	1 руб. за пуд	-

В апреле 1904 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П.И. Кутайсов принял постановление, по которому воспрещались

«всякого рода стачки, сделки и другие соглашения между торгующими, направленные к повышению цен на предметы первой необходимости» (муку, крупу, мясо, молочные продукты, чай, сахар, дрова, керосин, свечи и т. д.). Торговцы постановлению, мягко говоря, не вняли. Весной 1904 г. по Сибири прогремело так называемое «дело мясного короля Лонгоцкого». Он отличился тем, что скупил в Чите и округе всё мясо, включая военных поставщиков (причем сам прикрывался военными подрядами), после чего взвинтил на него цены. Если по таксе цена на мясо 1-го сорта была 5 руб. за пуд, 2-го сорта – 4 руб. 40 коп. за пуд, 3-го сорта – 4 руб. за пуд, то Лонгоцкий на ст. Чита продавал мясо от 6 руб. 40 коп. за пуд. Исполняющий дела губернатора Забайкальской области И.В. Холщевников в докладе от 24 апреля 1904 г. на имя Приамурского генерал-губернатора просил принять против Лонгоцкого меры, также отметив, что «в области от недостатка питания уже появилась цинга, случаи эти констатированы и в Чите»⁴⁰. Цены на другие продукты питания в апреле 1904 г. в Чите, к слову, тоже были немаленькие: пуд сена стоил от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 80 коп., мука ржаная – 1 руб. 80 коп. за пуд, мука пшеничная – 2 руб. 50 коп. за пуд, керосин – от 5 руб. до 5 руб. 50 коп. за ящик, сахар – от 9 руб. 50 коп. до 10 руб. за пуд (24–25 коп. за фунт), масло – 24...30 руб. за пуд, овес – от 1 руб. 80 коп. до 1 руб. 90 коп. за пуд, яйца – 13 руб. за сотню.

За свои «подвиги» Лонгоцкий «удостоился» внимания командующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина, который приказал его арестовать и отправить в Тобольскую губернию до окончания войны, а мясо реквизировать в пользу населения. Таким же образом предписывалось поступать в аналогичных случаях. Конфискованное у Лонгоцкого мясо (5465 пудов) пустили в продажу по 12,5 коп. за фунт, ажиотаж населения был полный, с очередями и драками⁴¹. Пресса удовлетворенно констатировала, что на спекулянтов наконец-то нашли управу, но вскоре вынуж-

⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 203–204.

⁴¹ Восточное обозрение. 1904. № 123 (25 мая); Сибирская жизнь. 1904. № 105; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 146 об.

дена была признать, что «крестовый поход» против спекулянтов потерпел полное фиаско: через два месяца в Чите разразились кризисы «мясной, мучной и базарный»: на базаре не продавали ничего, кроме карасей, и так до тех пор, пока цены снова не подскочили вверх⁴².

Военный губернатор Забайкальской области вынужден был признать в докладе от 12 июля 1904 г.: «Вопрос о продовольствии мясом... получил острый характер в г. Чите, ст. Сретенской, Нерчинском заводе и Мысовске. Причиною сего были не недостаток запасов, а искусственное повышение цен. В Нерчинско-Заводском уезде благодаря вывозу мяса в Маньчжурию, в Сретенске – приготовлению солонины для вывоза на Амур, в частности в г. Николаевск, а в Чите и Мысовске вследствие скупки некоторыми скотопромышленниками по ценам, превышающим установленную таксу, прикрываясь контрактами с воинскими частями. Свои остатки они отказывались продавать по таксе»⁴³.

В Нерчинске установление таксы на хлеб и мясо, как писало «Восточное обозрение», «повлекло за собою для горожан невозможность достать себе и того и другого. Цены на всё чрезмерные»⁴⁴. По сообщениям газет, на одних «рыбке и ягодах» осталось население Канска, в Чите из-за спекуляций сложилась настолько напряженная ситуация с мукой, что население разгромило мучную лавку, в Иркутске на почве кризиса начались грабежи среди бела дня и повальное воровство. И это только несколько примеров из десятков подобных.

Местная пресса раскрывала механизм спекулятивного роста цен. Так, газета «Амурский край» писала о проделках купцов в Благовещенске, рисуя следующую картину с натуры: некий покупатель *N* приходит в лавку и спрашивает керосин. Ему отвечают, что керосина давно нет и не будет, *N* умоляет приказчика что-нибудь сделать, поскольку керосин нужен до зарезу. Приказчик направляет покупателя к частному лицу *B*, которое продает керосин, но... не дешевле

⁴² Сибирская жизнь. 1904. № 163 (29 июля).

⁴³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 146.

⁴⁴ Восточное обозрение. 1904. № 139 (12 июня).

10 руб. за ящик!⁴⁵ Эта же газета сообщала о «спичечном вопросе»: местная фабрика остановила производство спичек за неимением материала, запас спичек продает неохотно (в больших магазинах продают по пачке в руки за 20 коп., в других магазинах спичек и вовсе нет). «Хороший обычай еще у нас остался, как раз подходящий к настоящему спичечному кризису: закуривание папиросы у знакомых и незнакомых. Всё же лишняя спичка сохранится»⁴⁶.

«Восточное обозрение» описывало на своих страницах следующий механизм поднятия цен на товары: сначала товар *N* пропадает из продажи вовсе, его нет день, два, неделю, две. Потом товар *N* появляется у торговца *X* за повышенную цену. Покупатель, измученный нехваткой, хватается за ту цену, что запрашивает торговец *X*, да еще и благодарит. Еще недели через две товар *N* появляется во всех лавках по повышенной цене, а покупатели, уже привыкшие к ней, берут⁴⁷.

Летом положение не улучшилось. Так, в Иркутске в июне 1904 г. по таксе (!) мука стоила 1 руб. 90 коп. за пуд, мясо осеннего забоя – 12 коп. за фунт и свежее – 16 коп. за фунт. В Сретенске в августе стоимость яричной муки дошла до 1 руб. 50 коп. за пуд, крупчатной – до 2 руб. 50 коп. за пуд, сахар стал стоить 30 коп. за фунт, свечи – 35 коп. за фунт, керосин вообще пропал из продажи. Как написал по этому поводу корреспондент газеты, «всё стало невозможно дорого, и жизнь, особенно для бедного люда, стала положительно невозможна»⁴⁸. В Чите в июле 1904 г. ржаная мука стоила от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 40 коп. за пуд, крупчатка – 2 руб. за пуд и сахар 10 руб. за пуд⁴⁹. Цены на ржаную муку по Забайкальской области в июле 1904 г. были еще выше: в Нерчинско-Заводском уезде мука стоила 1 руб. 50 коп. за пуд; в Акшанском, Селенгинском и Баргузинском уездах – 1 руб. 80 коп. за пуд; в Нерчинске – 1 руб. 80 коп. за пуд; в Верхнеудинске – 1 руб. 90 коп. за пуд; в Троицкосавском

⁴⁵ Цит. по: Сибирская жизнь. 1904. № 170 (6 августа).

⁴⁶ Цит. по: Сибирская жизнь. 1904. № 209 (25 сентября).

⁴⁷ Восточное обозрение. 1904. № 285, 303 (30 ноября, 21 декабря).

⁴⁸ Восточное обозрение. 1904. № 189 (10 августа).

⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 146.

уезде – 2 руб. за пуд. Пуд крупы стоил в Нерчинске и Акше 2 руб. 40 коп., в Чите – 2 руб. 80 коп., в Верхнеудинске и Баргузине – 3 руб.⁵⁰

Летом же региональные газеты и местные власти забили тревогу по поводу продовольственных кризисов, вызванных сокращением или прекращением подвоза коммерческих грузов из-за войны. Так, пресса отмечала недостаток в сахаре, керосине, масле, муке и многих других продуктах в Южно-Уссурийском крае; пропажу муки, мяса, овса и многих других товаров из сел Иркутской губернии; недостаток овса и сена по реке Лене, вследствие которого начали болеть и погибать лошади («ямщицкая жизнь дошла до беспощадности»). Комиссар по финансовой части Квантунской области доносил 14 августа 1904 г. наместнику на Дальнем Востоке о ситуации в Николаевске: «наличие продовольственных запасов в городе столь незначительно, что некоторых припасов первой необходимости хватит лишь на один или два месяца, а других (чай, масло, сахар, свечи) уже и теперь ощущается недостаток, так, например, цена мяса таксирована в 34 к. фунт»⁵¹. В июне 1904 г. такса на мясо 2-го сорта в Николаевске дошла до 31 коп. за фунт и 1-го сорта – 34 коп. за фунт⁵².

Особенно тяжелое положение, по оценке региональных СМИ, сложилось в Забайкалье. «Сибирская жизнь» писала, что его жители не знают, «где достать хлеба и мяса», не говоря уж о чем-то большем. Дороговизна в этом крае баснословная. Сахар, табак, свечи, керосин в Чите нельзя достать ни за какие деньги. Расходы жителей значительно увеличились, а доходы всё те же, так что жителям приходилось во всём себе отказывать. Причины дороговизны – прекращение подвоза товаров на фоне увеличения населения за счет беженцев, больных, раненых. Раненых и больных везут, не думая о том, что Забайкалье и раньше не отличалось обилием своих пищевых продуктов, в мирное время их еле-еле хватало для местного населения⁵³.

⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 138.

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 232 об.

⁵² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 467. Л. 293 об.

⁵³ Сибирская жизнь. 1904. № 132 (20 июня), № 209 (25 сентября).

«Восточное обозрение» с тревогой отмечало, что население Забайкалья не сможет этим летом-осенью обойтись без правительственной ссуды; между тем долг уже большой, а будет просто колоссальным. Крестьянские хозяйства края обречены на упадок, так как даже при благоприятных условиях (хороший урожай) выплатить долг не смогут, а между тем условия неблагоприятные, рабочих рук нет, запашка везде сокращена и т. п. Долина реки Джиды переживает настоящий голод, нужна масштабная помощь, а ее вследствие войны совершенно недостаточно⁵⁴.

Забайкальские газеты с болью и горечью писали о нужде, которую переживала область. В течение полугода «оставались неудовлетворенными самые насущные нужды Забайкалья, оставлены втуне все дела и более или менее жгучие вопросы текущей жизни»; население ждет подвоза товаров, «все стонут от всяческих недостатков как следствие прекращения движения». «Байкал» констатировал исчезновение с рынка многих товаров: «сахар и свечи скоро станут раритетной редкостью», об этом же писали «Забайкальские областные ведомости»⁵⁵.

Представители власти также били тревогу. Так, генерал-майор Кузьмин-Караваев писал в своем отчете в июне 1904 г., что на Забайкальской железной дороге очень плохое обеспечение продовольствием населения, а также железнодорожных служащих и рабочих, «степень нужды последних представляется крайнею, отсутствие муки почти полное, и на наименее обеспеченных участках развилась поголовная цинга»⁵⁶.

Причины столь бедственного положения вещей хорошо прослеживаются из материалов доклада военного губернатора Забайкальской области И.В. Холщевникова от 12 июля 1904 г. Он писал, в частности, что с началом войны железная дорога отказывалась принимать частные грузы, и лично просил у министра путей сообщения разрешение на пропуск в Забайкальскую область по два вагона ежедневно, но «воспользоваться этим разрешением, за пере-

⁵⁴ Восточное обозрение. 1904. № 161 (8 июля).

⁵⁵ Цит. по: Восточное обозрение. 1904. № 178 (28 июля).

⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 210.

ходом железной дороги в военное ведомство, не представилось возможным». Далее И.В. Холщевников просил Управление военных сообщений разрешить провоз в Читку закупленных в начале мобилизации и задержанных 27 вагонов муки, 18 вагонов овса, семи вагонов крупчатки, двух вагонов сахара, двух вагонов керосина. Разрешение было получено, но реально до Читы дошли только два вагона овса и один вагон муки. И.В. Холщевников обратился к приамурскому генерал-губернатору с просьбой посодействовать пропуску вагонов, тот согласился пропускать в Читку по 5 вагонов в день и предложил составить список первоочередных грузов. Список был составлен и подан в Управление военных сообщений. Всего с января по 25 июня 1904 г. было запрошено к провозу 676 вагонов, из них разрешено к провозу 386, а реально получено 82⁵⁷. Итого Забайкальская область получила за первые полгода войны 12 % от необходимого количества вагонов. Неудивительно, что по всей области не было продовольствия и товаров.

Впрочем, страдало не только Забайкалье, но и вся Сибирь и Дальний Восток. Начальник полевого штаба наместника 4 сентября 1904 г. телеграфировал в Петербург генерал-лейтенанту Левашеву, что на Сибирской железной дороге постоянно задерживаются грузы, «по сведениям, всех задержанных за Байкалом вагонов находится до двух тысяч»⁵⁸. Дальше положение с вагонами только ухудшалось, к февралю 1905 г. по Забайкальской железной дороге было задержано уже 2400 вагонов, а в целом по Сибирской железной дороге – 5400⁵⁹. Согласно отчетам, публикуемым в местных СМИ, по Сибирской железной дороге, занятой военными перевозками, за 1904 г. перевезено коммерческих грузов на 7 587 838 пудов меньше, чем в 1903 г., в том числе значительно меньше было перевезено чая, бакалейных товаров, сала, керосина, мяса, соли и т. п.⁶⁰

Продовольственное снабжение края также непрестанно ухудшалось. Например, в Чите в сентябре 1904 г. сахар стал стоить

⁵⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 144–144 об.

⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 280.

⁵⁹ Летопись г. Иркутска, 1905, с. 48.

⁶⁰ Сибирская жизнь. 1905. № 84 (17 апреля).

35 коп. (вместо 17 коп. до войны) за фунт, сажень дров – 10 руб., а стоимость пуда керосина дошла до 16 руб.! По сообщениям «Восточного обозрения», на читинских рынках запрашивали «несообразные цены на овощи», поскольку спрос на них оказался большой (в городе 5 госпиталей и 3 лазарета), а предложение невелико, так как местное население из-за сокращения площади посевных «всё свое упование на пропитание возложило на огородные продукты»⁶¹. Аналогичная ситуация, по информации газеты, сложилась в Нерчинске, где картофель стал стоить от 70 коп. до одного рубля за пуд (осенью 1903 г. он стоил 25 коп. за пуд), «цены доходят до того, что выгоднее выписать всё из столиц, уплачивая по 20 коп. за фунт почтовой пересылки»⁶². В Хабаровске осенью 1904 г. сахар стал стоить 30 коп. за фунт, свечи – 40 коп. за фунт, овес – 1 руб. 30 коп. за пуд, мука – 1 руб. 75 коп. за пуд, дрова – 7 руб. за сажень⁶³.

Еще сложнее, по сообщениям региональных газет, стала ситуация с нехваткой продуктов и товаров. По данным СМИ, осенью 1904 г. случился дровяной кризис в Красноярске; в Уяне Иркутской губернии не осталось в продаже керосина, сахара, спичек, табака; в Иркутске к 20 сентября 1904 г. полностью закончился керосин, разразились мясной и дровяной кризисы; Приамурский край страдал от недостатка соли (соответственно, нечем стало солить рыбу – один из важнейших источников существования); в Благовещенске не осталось сахара и керосина; на станции Зима в октябре и ноябре вообще не продавали муку, сахар и хлеб; в Чите в сентябре не было табака, свечей, масла и керосина, в ноябре не осталось муки и черной бакалеи (продукты из ржаной муки); в Канске сахар и керосин в ноябре выдавали по одному фунту в руки, крупчатки и табака не было вообще. Характерны и оценки прессы по поводу кризисов: «Принципалы торговых предприятий взвинтили безбожно цены на предметы первой необходимости и действуют уже несколько месяцев настолько развязно, что потребители посылают по адресу наших Разуваевых трехэтажные проклятия. Кроме сахарного кри-

⁶¹ Восточное обозрение. 1904. № 228 (24 сентября).

⁶² Восточное обозрение. 1904. № 233 (30 сентября).

⁶³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 476. Л. 293.

зиса наступил теперь еще и керосиновый – в присутственных местах уже не зажигают ламп, а сидят за одинокими мерцающими свечами, бедняки же, с закрытием ставен, просиживают осенние вечера за традиционной лучиной и жирником»⁶⁴.

Городские продовольственные комиссии в сентябре–ноябре 1904 г. показывали недостаток запасов практически всех основных продуктов питания в Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Николаевске, Владивостоке⁶⁵. В Иркутске специальная комиссия «по выяснению нужд города в предметах первой необходимости» 29 октября зафиксировала, что в наличии имеется всего 63 тыс. пудов мяса (требуется на месяц 35 тыс. пудов, на 8 месяцев – 280 тыс. пудов), к февралю 1905 г. нужно подвезти не менее 217 тыс. пудов, а разрешено к провозу только 23 вагона (69 800 пудов); керосина же вообще нет, в пути (от г. Самары до ст. Обь) находится 36 цистерн, но когда они смогут прибыть, неизвестно⁶⁶.

Необычайная дороговизна и отсутствие многих товаров практически по всей Сибири и Дальнему Востоку вызвали огромное количество разбоев и грабежей. Как писали в газетах, «крадут часто, много и положительно всё». На станции Зима, к примеру, жители не отваживались выходить из дома после семи вечера, так как громилы шайками по 3-5 человек устраивали облавы на обывателей и грабили подчистую⁶⁷. По линии Сибирской железной дороги от станции Оловянной (Забайкалье) до станции Маньчжурия наблюдались массовые грабежи со стороны проезжающих войск, так как поезда шли по трое-четверо суток вместо положенных одних, а продовольственных пунктов по пути не было предусмотрено; в результате голодные солдаты, стоя по 12 часов на разъездах, «обшаривали» станции и забирали у служащих продовольствие и скот⁶⁸. В Иркутске в октябре 1904 г. во многих учреждениях отменяли вечерние занятия «ввиду частых случаев разбоя, грабежа и ограбле-

⁶⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 254 (19 ноября).

⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 476. Л. 156–158, 222–223, 234–235, 237.

⁶⁶ Восточное обозрение. 1904. № 263 (4 ноября).

⁶⁷ Восточное обозрение. 1904. № 250 (20 октября).

⁶⁸ Восточное обозрение. 1904. № 248 (17 октября).

ний»⁶⁹. В ноябре домовладельцев обязали выставлять караульных в ночное время из расчета, что один охраняемый участок должен составлять 200 сажен по прямой линии или 150 – по изогнутой; иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов отдал приказ о передаче части уголовных дел в ведение военного суда – настолько серьезный урон наносили грабежи, разбои и убийства⁷⁰.

К зиме цены в городах Сибири и Дальнего Востока увеличились от довоенного уровня на 200...400 %, в отдельных случаях цена на продукт могла быть буквально «бешеной» (12 руб. за сотню яиц просили во Владивостоке, 2 руб. за пуд картофеля – в Забайкалье, 4 руб. за пару гусей или индеек – в Иркутске, 5-8 руб. за пуд ржаной муки – в районе реки Индигирки и т. д.).

В Чите зимой 1904/1905 г. разразился дровяной кризис, куб лиственницы стал стоить 48 руб. Гимназисты учились, не снимая шуб, поскольку печи в школах топили еле-еле «за неимением в городе дров, продавцов которых приходится ловить и упрашивать»⁷¹. Городская дума попробовала установить таксу на дрова в 32 руб. за куб, но, как образно выразились СМИ, «обыватель в тимпаны ударил, но – настал день второй, и на базаре не оказалось в привозе ни одного полена»⁷². Аналогичная ситуация сложилась в Омске, Иркутске и особенно остро – в Приморье. В Хабаровске за кубическую сажень дров просили до 90 руб.! (Заметим, что топливный кризис породил за Байкалом чудовищное опустошение леса, на дрова стали вырубать бесценный кедрач.)

Во Владивостоке городская дума разрешила населению бесплатную рубку дров для своих надобностей в городских дачах, причем было решено сообщить господину коменданту крепости Владивосток, что «ввиду острой нужды в топливе и непомерно высоких цен город немедленно приступит к заготовке дров в городских дачах в местах вырубki военным ведомством, не ожидая ре-

⁶⁹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 43.

⁷⁰ Восточное обозрение. 1904. № 266 (7 ноября), № 267 (9 ноября).

⁷¹ Сибирская жизнь. 1905. № 18 (23 января).

⁷² Сибирская жизнь. 1905. № 11 (15 января).

зультатов возбужденной по этому поводу переписки с военным ведомством»⁷³.

Чем дальше, тем тревожней становился тон местных газет относительно роста цен и кризисов. «Сибирская жизнь» писала в ноябре 1904 г. по поводу ситуации в Охотске, что «положение края становится безвыходным»⁷⁴. «Восточное обозрение» зимой 1905 г. писало о всё более ухудшающейся ситуации в Иркутске. В декабре свинина стоила 12 руб. за пуд, за пару уток просили 3 руб., за пару гусей – 4 руб.; недоставало свечей, круп, риса, вообще не продавали сахар⁷⁵. Иркутская дума, обсудив продовольственный кризис, постановила представить начальнику управления военных сообщений генералу Левашеву докладную записку о продовольственном кризисе в городе и ходатайствовать перед ним о сообщении городскому общественному управлению точных сведений о количестве вагонов для подвоза товаров первой необходимости. Левашев, однако, выполнять просьбу иркутской думы не торопился.

В январе городская продовольственная комиссия заявила о прекращении своей деятельности, потому что никак не может влиять на снабжение Иркутска, зависящее исключительно от того, сколько вагонов для провоза товаров выделит заведующий передвижением войск генерал-лейтенант Левашев. Последний же заявлял, что «никаких обязательств по отправке грузов в пределы генерал-губернаторства принять на себя не может», поскольку должен в первую очередь выполнять требования армии, поэтому «наряды для генерал-губернаторства желательно ограничить строгой необходимостью»⁷⁶.

4 февраля 1905 г. гласные Иркутской думы поставили вопрос о продовольственном кризисе: стоимость ржаной муки дошла до 1 руб. 75 коп. за пуд, лавки и пекарни закрывались. Гласный Г.Б. Патушинский выступил с заявлением, что городу необходимо

⁷³ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 153.

⁷⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 248 (12 ноября).

⁷⁵ Восточное обозрение. 1904. № 303 (21 декабря).

⁷⁶ Восточное обозрение. 1905. № 14 (18 января).

обеспечить бедное население и урегулировать цену на хлеб; гласный В.В. Жирников заявил, что «городу грозит голодовка»; гласный И.И. Попов (редактор газеты «Восточное обозрение»), охарактеризовав положение в городе как невозможное, заявил, что «дума должна вполне открыто, не стесняясь, заявить о трагическом положении», и это тем более необходимо, так как Иркутскую думу «шельмуют» в «Новом времени». Причинами кризиса, по мнению гласных думы, стали «неподвоз хлебных грузов и скупка их на городских и сельских рынках военным ведомством в неограниченном количестве». По итогам заседания было принято решение «довести до сведения начальника края, что Иркутская дума слагает с себя всякую ответственность перед населением за происшедшее, если выясненные ею продовольственные нужды жителей не встречают отклика, несмотря на ряд ходатайств думы о них». Кроме того, было принято решение об ассигновании 30 тыс. руб. на закупку хлеба в Нижнеудинском округе и его доставку⁷⁷.

14 февраля 1905 г. Иркутская дума, обсудив перспективы грозящего городу голода, решила просить иркутского генерал-губернатора созвать представителей военного, административного, железнодорожного и промышленного мира, а также представителей города и решить продовольственный вопрос. «Восточное обозрение» писало по поводу кризиса, что в Иркутске закрыты все мучные лавки, нет самых необходимых предметов, а на станции Иннокентьевская стоит более 800 вагонов, «в думе открыто говорят, что существует такса за сообщение сведений о вагоне, за подачу его и т. д.». По оценке газеты, в ситуации, сложившейся в Иркутске, виноваты те, кто «не сумел распорядиться и упорядочить передвижение по железной дороге, бюрократический режим, который руководствуется только бумагами». «В полуголодающий город хотят бросить 20 тысяч раненых. Что это, бюрократическая тупость или нечто худшее?»⁷⁸ Совет Медведниковской больницы 15 февраля официально заявил, что больных нечем кормить.

⁷⁷ Восточное обозрение. 1905. № 30 (5 февраля).

⁷⁸ Восточное обозрение. 1905. № 38 (16 февраля).

17 февраля И.И. Попов послал в газеты «Русские ведомости» и «Русское слово» телеграммы о бедственном положении Иркутска: «Наличность пищевых продуктов на 2-3 недели. Подвоза по железной дороге нет. Иннокентьевская забита сотнями вагонов. Железнодорожная администрация не пропускает и не дает разгрузить на месте. Ходатайства думы и представления местного начальства в Петербург игнорируются. Положение безвыходное. Голод неизбежен»⁷⁹.

Иркутская дума решила через главного начальника края обратиться к министру путей сообщения о возбуждении следствия по поводу задержки грузов. Специальная комиссия по выяснению запасов пищевых продуктов определила, что в Иркутске имеется в наличии 4790 пудов крупчатки, 4654 пудов ржаной муки, 15 501 пуд мяса, 1833 пуда сахара, 2922 пуда крупы, 11 588 пудов керосина. Этого запаса хватит всего на несколько дней, подвоз необходим срочно, так как никаких скрытых запасов нет. Городская дума обратилась к Левашеву, который посоветовал организовать гужевую перевозку, но в условиях «катастрофической нехватки рабочих рук и лошадей» это оказалось невозможно. И.И. Попов заявил на заседании думы: «мы накануне народных волнений», на Иннокентьевской станции скопилось до 800 вагонов, на станции Иркутск – 90, но к ним нельзя подойти: «железнодорожная администрация, благодаря своим порядкам, на Иннокентьевской станции устроила для города и движения такую баррикаду, которую и японцы не могли бы сделать». Он же обнародовал факты взяточничества (чтобы «выручить» вагон, надо заплатить за него 25 руб.) и призвал донести всё это до сведения высших властей и государя.

18 января Иркутская дума послала на имя министра путей сообщения телеграмму: «Иркутская городская дума, констатируя полную для нее безнадежность благополучного разрешения продовольственного вопроса, что грозит для Иркутска гибельными последствиями, в то же время находя, что Сибирская железная дорога является причиной этого обстоятельства, забивая станции вагонами, просит о назначении строжайшего расследования для выясне-

⁷⁹ Восточное обозрение. 1905. № 39 (17 февраля).

ния причин, тормозящих провоз грузов, и немедленного распоряжения Вашего Сиятельства о разгрузении Иннокентьевской станции и доставке вагонов с предметами первой необходимости в Иркутск»⁸⁰. В тот же день «Восточное обозрение» сообщило, что «бабы отбили у возчика, везшего через базар муку, 3 куля муки, тут же поделили ее и разбежались». Этот случай, напоминающий анекдот, тем не менее свидетельствует о том крайне бедственном положении, которое сложилось в Иркутске.

Благодаря энергичным действиям Иркутской думы, газеты «Восточное обозрение», а также содействию иркутского генерал-губернатора П.И. Кутайсова ситуацию с продовольствием всё-таки удалось стабилизировать, и 22 февраля генерал Левашев наконец-то внял призывам Иркутской думы и «назначил» по нарядам Иркутской губернии 24 вагона с продовольствием и 2 поезда с крупчаткой. Положение со снабжением медленно начало выправляться⁸¹.

Тем не менее Иркутску предстояло жить в напряжении всю весну. Муку, сахар и другие продукты в городские лавки завозили, что называется, «с колес», о запасах товара не шло и речи. «Восточное обозрение» отмечало, что «у лавок, продающих хлеб, происходит нечто невероятное. Толпы в несколько сот человек теснятся к двери плотной массой. От дверей несутся крики, стоны, визг. Время от времени городские, стоящие у двери, расступаются и вся толпа, как бы обезумев, изо всех сил начинает напирать». В результате несколько человек погибло⁸². В апреле горожане разгромили мучную лавку Г. Грейсера, который продавал муку по 4 руб. за пуд, «толпа унесла всю муку, товар и даже кассу»⁸³.

В местной прессе постоянно обсуждались и неудовлетворительная работа Сибирской железной дороги (вагоны ожидают очереди к выгрузке по 7–19 дней, даже до полутора месяцев), и мздоимство ее администрации. По оценке «Восточного обозрения», «Иркутску, Якутской области и Забайкалью грозит голод самый безапелляци-

⁸⁰ Восточное обозрение. 1905. № 40 (18 февраля).

⁸¹ Восточное обозрение. 1905. № 43 (22 февраля).

⁸² Восточное обозрение. 1905. № 58 (17 марта).

⁸³ Восточное обозрение. 1905. № 81 (14 апреля).

онный и тяжелый, а на станциях прекрасно устраиваемой Сибирской железной дороги стали страдать, очевидно от переутомления, вагоны». Средство от «болезни вагонов» называлось тут же: 50–100 руб. начальнику станции – и вагон спокойно проходит несколько перегонов⁸⁴.

Весной и летом 1905 г. продолжение войны стало оцениваться местной прессой как смертельное для региона. Например, «Сибирская жизнь» в мае 1905 г. дала положению дел в Сибири и на Дальнем Востоке следующую ужасающую характеристику: «На Сахалине голод. В Охотске не хватило рыбных запасов до весны и население стало питаться собаками. Были случаи голодной смерти. Муки совсем нет. То же по всей Камчатке, которая брошена на произвол судьбы. В Благовещенске нет самых необходимых лекарств. В Амурской области – полная безработица и всюду бродит нищета. Многие казачьи станицы почти опустели. Среди орочон, живущих по побережью татарского пролива, голод уже давно. Это из местных газет. В действительности же положение края еще печальнее, и если война продолжится еще несколько месяцев, то настанет всеобщий голод во всей окраине. Краю грозит полное разорение, выйти из которого возможно будет только при многомиллионных затратах государства»⁸⁵.

Вторило ей и «Восточное обозрение»: Сибирь переживает «беспримерно тяжелое время», большинство семей лишились своих кормильцев вследствие мобилизации, сократилась площадь запашки, во многих местах хлеб не был убран. Ожидали солдат к весне, но их не будет. Приближается начало работ, но сил и средств для них нет, запасы истощились: «Редко в какой семье поэтому не царит мрачное отчаянье за близкое будущее; у порога некогда зажиточных стоят тяжелые лишения, и слышится мертвящее дыхание беспощадного царя, имя которому голод»⁸⁶. По мнению газеты, Сибири нужно готовиться к обязательной государственной помощи населению, к продовольственной кампании, но опыт прежних лет

⁸⁴ Восточное обозрение. 1905. № 58 (17 марта).

⁸⁵ Сибирская жизнь. 1905. № 109 (26 мая).

⁸⁶ Восточное обозрение. 1905. № 80 (13 апреля).

показывает, что местная администрация не сможет с этим справиться, поэтому необходима организация населения на началах общественной самодеятельности, только это «в состоянии облегчить тяжесть переживаемого народного бедствия»⁸⁷.

«Никольск-Уссурийский листок» в июне 1905 г. писал, что влияние войны на положение «инородцев» совершенно ужасно, многие из них уже погибли, но если война продолжится и дальше, то «можно смело быть уверенным, что значительная часть инородческого населения вымрет»⁸⁸.

«Амурская газета» указывала на безвыходное положение области. Из-за войны доставка морем прекратилась, железная дорога почти закрыта для частных грузов, Маньчжурия и Забайкалье отдают всё армии. Запасы исчерпаны, еще 3-4 месяца – и область останется без всего необходимого⁸⁹.

Многочисленные примеры роста цен, которые приводились в местных СМИ, ужасают. Так, в Никольск-Уссурийском весной 1905 г. картофель продавали по 1 руб. 30 коп. за пуд (довоенная цена – 8 коп.!), во Владивостоке корову – за 350 руб. (довоенная цена – 20 руб.); на Сахалине сахар стал стоить 1 руб. 50 коп. за фунт, в Иркутске в июне 1905 г. столько же просили за курицу, а за мешок картофеля – от 3 руб. до 3 руб. 20 коп. По р. Аргунь в марте 1904 г. сахар стоил 40 коп. за фунт, свечи – 60 коп. за фунт, мука – 2 руб. 50 коп. за пуд. «Население положительно стонет от этих цен и ждет не дождется окончания войны, которая так сильно подорвала его экономическое благосостояние»⁹⁰. В Верхоянске в мае пуд муки стал стоить 6 руб. 20 коп., в Уссурийске – 12 руб., в Верхоянске ржаная мука весной 1905 г. продавалась по 6 руб. 20 коп. за пуд, в Нерчинске в апреле за пуд картофеля просили 2 руб., за пуд капусты – 4 руб., сахар стоил 30 коп. за фунт, сливочное масло – 50 коп., яйца – 4 руб. за сотню, свечи – 45 коп. за фунт. По Забайкальской железной дороге в июне мясо стоило 40 коп. за фунт, са-

⁸⁷ Восточное обозрение. 1905. № 80 (13 апреля).

⁸⁸ Цит. по: Сибирская жизнь. 1905. № 119 (9 июня).

⁸⁹ Цит. по: Сибирская жизнь. 1905. № 126 (17 июня).

⁹⁰ Восточное обозрение. 1905. № 49 (2 марта).

хар – 45–50 коп. за фунт, сотня яиц – 7–8 руб.; в Селенгинске сахар продавали по 40 коп. за фунт, соль – по 7–10 коп. за фунт, говядины не было вовсе, баранину продавали по 18 коп. за фунт⁹¹.

Общую картину роста цен за период Русско-японской войны дает пример Никольск-Уссурийска, данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика роста цен на продукты питания и товары первой необходимости в Никольск-Уссурийске во время Русско-японской войны⁹²

Товар	Довоенная цена	Цена ноября 1904 г.	Цена декабря 1904 г.	Цена июня 1905 г.	Увеличение от довоенного уровня, в %
Мясо, фунт	12–15 коп.	22–25 коп.	23–25 коп.	32–33 коп.	240
Картофель, пуд	8–12 коп.	60 коп.	70–90 коп.	1 руб. 60 коп.	2000
Свекла, пуд	20 коп.	–	–	1 руб.	500
Морковь, пуд	1 руб. 50 коп.	–	–	5 руб.	330
Лук, пуд	1 руб. 60 коп.	–	–	14 руб.	875
Сахар, фунт	15–20 коп.	35 коп.	44–45 коп.	32 коп.	180
Масло, пуд	18 руб.	24 руб.	–	28 руб.	155
Соль, фунт	2 коп.	6 коп.	–	15 коп.	750
Свечи	27–30 коп. фунт	16 руб. пуд	40–45 коп. фунт	–	–
Спички, коробка	10 коп.	25 коп.	–	25 коп.	250
Керосин, пуд	4 руб. 50 коп.	–	8 руб.	8 руб. 50 коп.	190
Мыло	12–15 коп. фунт	7 руб. пуд	20–25 коп. фунт	–	–
Овес, пуд	30 коп.	90 коп.	–	1 руб. 50 коп.	500

⁹¹ Сибирская жизнь. 1905. № 59 (16 марта); Восточное обозрение. 1905. № 91 (27 апреля), № 99 (6 мая), № 129 (16 июня), № 134 (22 июня), № 145 (6 июля).

⁹² Сибирская жизнь. 1904. № 283 (29 декабря); 1905. № 121 (11 июня). РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 467. Л. 222.

Окончание табл. 2

Товар	Довоенная цена	Цена ноября 1904 г.	Цена декабря 1904 г.	Цена июня 1905 г.	Увеличение от довоенного уровня, в %
Сено, пуд	18 коп.	20 коп.	–	55–60 коп.	320
Дрова, сажень	6–7 руб.	8–9 руб.	12–14 руб.	–	–
Кета	3 руб. пуд	15 коп. фунт	3 руб. пуд	3 руб. пуд	–

Многие местные газеты передавали реакцию населения на подорожание: «население положительно стонет от этих цен и ждет не дождется окончания войны, которая сильно подорвала его экономическое благосостояние»⁹³. Думаем, данная характеристика вполне соответствовала действительности: сложно ожидать оптимизма при подъеме цен в 3–5, а по ряду товаров – в 16 раз!

Продолжались и продовольственные кризисы, вызванные недостаточным подвозом товаров. Особенно тяжелое положение сложилось в городах Приморья (Николаевск, Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский). Николаевский городской голова Курбатов в мае 1905 г. слал панические телеграммы военному губернатору Приморской области А.М. Коллюбакину о том, что «в городе нет мяса, рыбы, сахару, крупы, овса, ячменя, отрубей, жмыхов, сена»⁹⁴ и просил у последнего содействия в деле подвоза товаров в город. А.М. Коллюбакин, в свою очередь, телеграфировал приамурскому генерал-губернатору о ситуации в Николаевске, вот одна из его характерных телеграмм: «Ваше В-во просили начальника главного управления предоставить Николаевской городской управе всего 9 вагонов. В настоящее время председатель продовольственной комиссии телеграфирует: комиссионеры Москвы братья Зензийновы сообщают, что разрешения отправки эшелонам городских вагонов до сих пор не получено; при нераз-

⁹³ Восточное обозрение. 1905. № 49 (2 марта).

⁹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 149.

решении и долгом ожидании комиссионеры отказываются от взятого обязательства исполнить поручения Николаевска. Усердно прошу возбудить ходатайство ускорить наряд вагонов для Николаевска, отправить военными эшелонами, известив братьев Зензийновых в Москву и Николаевскую городскую управу о времени наряда вагонов. Прошу о том же по отношению остальных ходатайств николаевских торговцев. Телеграммой от 25 марта № 683 я обращался к начальнику сообщений, просил ввиду исключительно неблагоприятных условий речных сообщений в низовьях Амура о скорейшем, не в очередь, наряде вагонов, но не получил ответа. Свидетельствую о тяжелом положении Николаевска, могущего при замедлении наряда вагонов и своевременной отправке остаться без крайне необходимого»⁹⁵.

Собственно, в этой телеграмме отражалось всё, что касалось снабжения Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны. Для города давным-давно закуплены необходимые товары, но разрешения на пропуск вагонов нет, комиссионеры готовы отказаться от взятых обязательств, военный губернатор области обращался к начальнику сообщений, но не получил ответа, теперь обращается к генерал-губернатору, который, в свою очередь, будет обращаться с ходатайствами выше по инстанциям: «свидетельствую о тяжелом положении города Николаевска», товаров нет, перспективы подвоза не ясны. В июне 1905 г. Хабаровская городская дума примет постановление о командировании городского главы И.Н. Фомина в г. Сретенск «для закупки скота и изыскания способов по снабжению г. Хабаровска мясом и другими продуктами»⁹⁶, а Благовещенская городская дума будет просить предоставить вагоны для срочной перевозки соли и думать, где добыть муку и мясо (муку в лавках продают не более двух пудов в руки за высшую плату, что «вызывает страшный ропот и недовольство в народе, доходящее до возмущения»⁹⁷). И подобных примеров немало.

⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 477. Л. 69–70.

⁹⁶ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 83. Л. 60 об.

⁹⁷ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 141.

Итак, Русско-японская война вызвала в Сибири и на Дальнем Востоке продовольственный кризис. Цены на продукты питания и товары первого потребления выросли в 3–5, а по отдельным позициям – в 10–20 раз. Практически по всему региону наблюдался дефицит продуктов и товаров первого потребления вплоть до полного их исчезновения из продажи. Причинами столь бедственного положения стали: сокращение (местами прекращение) подвоза товаров в населенные пункты региона вследствие того, что Транссибирская (Сибирская) железнодорожная магистраль была занята военными перевозками; закупки продовольствия в регионе военным интендантством для снабжения армии; прекращение поступления продовольствия из Маньчжурии (с целью первоочередного обеспечения снабжения армии); увеличение населения региона за счет притока беженцев и раненых; сокращение сельхозпроизводства вследствие проведенной в регионе мобилизации запасных нижних чинов, а также реквизиции лошадей; злоупотребления со стороны администрации Сибирской железной дороги; спекуляция местных торговцев.

Несомненно, вызванные войной рост цен и продовольственные кризисы способствовали всё большему недовольству и раздражению населения, стремлению к окончанию войны. Со стороны местной прессы они также служили аргументом за скорейшее прекращение войны, поскольку война грозила обернуться для края экономической катастрофой. Характерно, что, называя среди виновников дороговизны и кризисов торговцев-спекулянтов и нечистоплотную администрацию Сибирской железной дороги, пресса констатировала и факт полной неспособности администрации (и местной, и центральной) справиться с ситуацией (укротить «аппетиты» спекулянтов, прекратить взяточничество со стороны дирекции железной дороги, добиться своевременного подвоза товаров и т. д.). Встает вопрос: что предпринимали органы власти (как местные, так и центральные) для решения продовольственного вопроса в Сибири и на Дальнем Востоке в годы войны и почему их деятельность, как видно из приведенных выше фактов, не увенчалась успехом?

§ 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО РЕШЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА

Острота продовольственного вопроса в Сибири и на Дальнем Востоке, который, как мы видели, возник сразу с началом Русско-японской войны, требовала принять соответствующие меры. Нельзя сказать, что местная администрация не обратила внимания на проблему. С началом войны по распоряжению губернаторов областей и/или генерал-губернаторов стали создаваться так называемые продовольственные комиссии (уездные, городские и областные). Названия могли варьироваться (продовольственная комиссия, продовольственный комитет, комиссия по выяснению запасов и другие), но суть этих учреждений оставалась одна – они должны были постоянно отслеживать состояние запасов продуктов и товаров во вверенном им уезде / городе / области и докладывать об этом выше по инстанциям (в городские управы и думы, в центральный продовольственный комитет, губернатору области и т. д.). Продовольственные комиссии также подписывали разрешения на вывоз товаров за пределы города и области.

Общими вопросами снабжения населения занимались местные городские думы и городские управы (как их распорядительный орган) вкупе с городским головой. Столкнувшись с ростом цен, городские думы, как мы уже видели, обычно шли по пути установления фиксированных цен на товары. Вопросы нехватки товаров решались путем организации закупок товаров в разных местах (для чего часто требовалось сначала получить ссуду), а после закупки требовалось добиться у военного ведомства разрешения на пропуск вагонов из пункта, где товары закуплены, в пункт назначения. И здесь городские думы и даже местная администрация (включая губернаторов областей и генерал-губернаторов) выступали исключительно в роли просителей. Всё, что они могли сделать, – непрерывно посылать ходатайства и ждать, когда их просьбы будут наконец услышаны.

В свою очередь, губернатор области, с одной стороны, выступал как лицо, наделенное властью (утверждал цены, выдвинутые думами; мог запретить или разрешить вывоз товаров из города и области; выдавал разрешения конкретным лицам на вывоз товаров и т. п.), с другой стороны, выступал в роли просителя, сопровождая ходатайства городских дум своими просьбами и обращаясь в вышестоящие инстанции. Решения военного губернатора области могли быть поддержаны, а могли быть остановлены генерал-губернатором, который также выступал и как лицо, наделенное властью, и в роли просителя. В конечном итоге всё замыкалось на командующем Маньчжурской армией, Управлении военных сообщений, Министерстве путей сообщения и министерстве финансов. Любое ходатайство проходило длинную бюрократическую цепочку и, даже будучи удовлетворенным на бумаге, далеко не всегда было выполнено в реальности. Как же действовал весь этот механизм?

Проследить деятельность органов власти по решению продовольственного вопроса можно на ряде примеров. Рассмотрим сначала более простой случай – повышение местными торговцами цен и борьба с ним путем установления такс (фиксированных цен на товары). В качестве примера можно взять решение «мясного вопроса» в г. Благовещенске. На заседании 3 февраля 1904 г. Благовещенская городская дума рассмотрела вопрос о том, что местные торговцы поднимают цены на все жизненные припасы (муку, мясо, сахар, свечи и т. д.), и решила установить таксы на продукты (табл. 3), а также просить военного губернатора Амурской области запретить винокуренным заводам закупать хлеб в случаях, когда не будет подвоза пшеницы⁹⁸. Военный губернатор Амурской области генерал-майор Д.В. Путята утвердил цены, предложенные городской думой, кроме цен на мясо. Он установил более низкие цены, а именно: мясо 1-го сорта – 14 коп. за фунт, 5 руб. 50 коп. за пуд, мясо 2-го сорта – 13 коп. за фунт, 5 руб. за пуд⁹⁹.

⁹⁸ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 41–42.

⁹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 108–109.

**Таксы, установленные на продукты потребления городской думой
в г. Благовещенске¹⁰⁰**

Продукты и товары	Февраль 1904 г.	Март–май 1904 г.	Июнь 1904 г.	Январь– февраль 1905 г.
Хлеб из муки 1-го сорта	5 коп. за фунт	5½ коп. за фунт	5½ коп. за фунт	-
Хлеб из муки 2-го сорта	4½ коп. за фунт	5 коп. за фунт	5 коп. за фунт	-
Хлеб из муки 3-го сорта и ярич- ной	4 коп. за фунт	4½ коп. за фунт	4½ коп. за фунт	-
Мука 1-го сорта	1 руб. 90 коп. за пуд	2 руб. за пуд	2 руб. за пуд	2 руб. за пуд
Мука 2-го сорта	1 руб. 60 коп. за пуд	1 руб. 80 коп. за пуд	1 руб. 80 коп. за пуд	1 руб. 80 коп. за пуд
Мука 3-го сорта	1 руб. 40 коп. за пуд	1 руб. 60 коп. за пуд	1 руб. 60 коп. за пуд	1 руб. 60 коп. за пуд
Мясо 1-го сорта	16 коп. за фунт, 6 руб. 40 коп. за пуд	17 коп. за фунт, 6 руб. 70 коп. за пуд	21 коп. за фунт, 8 руб. 20 коп. за пуд	21 коп. за фунт, 8 руб. 20 коп. за пуд
Мясо 2-го сорта	14 коп. за фунт, 5 руб. 40 коп. за пуд	15 коп. за фунт, 5 руб. 90 коп. за пуд	19 коп. за фунт, 7 руб. 40 коп. за пуд	19 коп. за фунт, 7 руб. 40 коп. за пуд
Сахар головной	19 коп. за фунт	21 коп. за фунт	21 коп. за фунт	34 коп. за фунт
Сахар пиленый	20 коп. за фунт	23 коп. за фунт	23 коп. за фунт	35 коп. за фунт
Соль	90 коп. за пуд, 2½ коп. за фунт	1 руб. за пуд, 3 коп. за фунт	1 руб. 20 коп. за пуд	2 руб. за пуд
Керосин	5 руб. 75 коп. за ящик	5 руб. 75 коп. за ящик	Нет в продаже	5 руб. 75 коп. за ящик
Свечи	33 коп. за фунт	35 коп. за фунт	Нет в продаже	42 коп. за фунт
Рыба кета	7-8 коп. за фунт	8-9 коп. за фунт	8-9 коп. за фунт	-
Дрова сосновые	-	4 руб. за сажень	-	-
Дрова березовые	-	6 руб. за сажень	-	-

¹⁰⁰ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 41–42, 62–63, 184–184 об.; РГИА ДВ. Ф. 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 82–83.

На заседании 2 марта 1904 г. городская дума рассмотрела прошения торговцев о повышении цен на сахар, керосин, свечи, рыбу и утвердила в сторону повышения очередные таксы на продукты потребления (см. табл. 3). В качестве аргумента гласные думы заявили, что «увеличение цен на мясо вызывается сильным поднятием таковых в Цицикаре и, кроме того, тем обстоятельством, что из заготовленного осенью мяса осталось в городе для продажи очень немного»¹⁰¹. В прениях гласные говорили, что дума «призвана охранять интересы потребителей, а не торговцев» и что торговцы искусственно завышают цены (например, Александровское товарищество сахар продавало по 6 руб. 50 коп. за пуд, а с 1 февраля начало продавать по 7 руб. 50 коп. за пуд, «воспользовавшись войной, т. е. народным бедствием»¹⁰²). Военный губернатор Амурской области генерал-майор Д.В. Путята утвердил предложенные Благовещенской городской думой таксы, кроме таксы на мясо: на мясо 1-го сорта была установлена цена 16 коп. за фунт, 6 руб. 40 коп. за пуд; на мясо 2-го сорта – 14 коп. за фунт, 5 руб. 60 коп. за пуд¹⁰³.

Дополнительно на заседании 22 марта рассматривался вопрос о таксе на хлеб. Хлебопеки жаловались, что такса на хлеб из яричной муки для них убыточна, так как пуд яричной муки стоит уже 1 руб. 45 коп., а хлеб из нее обходится в 1 руб. 70 коп., поэтому просили поднять таксу до 5 коп., с чем дума и согласилась¹⁰⁴.

На заседании 9 апреля 1904 г. городская дума рассмотрела требования мясоторговцев поднять таксу на мясо с аргументацией последних, что зимнее мясо уже всё распродано, скот из Маньчжурии закуплен военным ведомством и стоит уже по 99 руб. за голову (7 руб. 50 коп. за пуд) плюс расходы на доставку скота в Благовещенск. Мясоторговцы просили установить таксу на мясо 1-го сорта 26 коп. за фунт, 10 руб. 40 коп. за пуд; мясо 2-го сорта – 24 коп. за фунт, 9 руб. 60 коп. за пуд, а «в случае неудовлетворения их прось-

¹⁰¹ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 63.

¹⁰² РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 63.

¹⁰³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 108–109.

¹⁰⁴ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 102–102 об.

бы они в явный убыток продавать мясо не в состоянии»¹⁰⁵. Городская дума постановила зафиксировать таксу на мясо 1-го сорта 25 коп. за фунт, мясо 2-го сорта – 23 коп. за фунт, т. е. несколько меньше, чем просили мясоторговцы. Однако военный губернатор Амурской области генерал-майор Д.В. Путята оставил таксы, утвержденные в марте, на период до 10 мая 1904 г., т. е. мясо 1-го сорта продолжало стоить 16 коп. за фунт, 6 руб. 40 коп. за пуд (вместо 26 коп., как просили мясоторговцы) и 14 коп. за фунт, 5 руб. 60 коп. за пуд мяса 2-го сорта (вместо 24 коп., как просили мясоторговцы). Поскольку мясоторговцам было невыгодно продавать мясо по установленной таксе, они стали активно пускать его «на сторону» (продавать интендантству или в другие города), а в самом Благовещенске из «официальной торговли» мясо почти исчезло.

В июне 1904 г. городская дума установила очередные таксы на продукты, частично повысив предыдущие¹⁰⁶ (см. табл. 3), а в августе 1904 г. рассмотрела вопрос об организации мясного дела в Благовещенске. Гласные констатировали, что мясное дело в городе сосредоточено в руках двух скотопромышленных товариществ, которые, пользуясь своим монопольным положением, «задрали цены», а поэтому стоит закупить скот в Маньчжурии и Монголии, для чего требуется 60 тыс. руб. на 1600 голов скота. Соответственно, дума постановила ходатайствовать перед Военным губернатором Амурской области о выдаче городу Благовещенску ссуды на 60 тыс. руб.¹⁰⁷

Д.В. Путята поддержал ходатайство думы, и ссуда была городу выдана, но то, что последовало дальше, больше всего напомнило плохой анекдот. На заседании 21 сентября 1904 г. городская дума постановила устроить торги на организацию мясной торговли при условии сохранения таксы на мясо (1-й сорт – 20 коп. за фунт, 2-й сорт – 18 коп. за фунт). Торги были объявлены, но мясоторговцы на них не явились. Сумма в 60 тыс. руб. их не прельстила, поскольку продавать мясо на сторону всё равно оставалось выгоднее. Тогда дума предложила взять подряд на мясо промышленнику

¹⁰⁵ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 110.

¹⁰⁶ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 184–184 об.

¹⁰⁷ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 29. Л. 47.

Б.И. Кузнецову, уже находившемуся в Цицикаре. Но на условиях думы (такса на мясо) он брать подряд отказался. Дума решила отдать подряд В.В. Лукину, но тот тоже отказался¹⁰⁸.

На заседании 12 октября 1904 г. мясоторговцы В.П. Соколов и представители Амурского скотопромышленного товарищества заявили, что могли бы взять подряд на мясо на 2 тыс. пудов в месяц с условием продажи его в период с 10 декабря 1904 г. по 10 мая 1905 г. по 23 коп. за фунт 1-го сорта, 21 коп. за фунт 2-го сорта. Городская дума после жарких дебатов постановила открыть торги на данных условиях. Торги состоялись, но их утверждение отложили до 25 октября, а на заседании 25 октября не утвердили, так как Амурское скотопромышленное общество было признано монополистом¹⁰⁹.

На заседании 22 ноября были разработаны условия нового подряда (продажа 6 тыс. пудов мяса в апреле–мае 1905 г. по цене 23 коп. за фунт – 1-й сорт, 21 коп. за фунт – 2-й сорт), подряд был предложен Селечжану, однако он от него отказался¹¹⁰.

На заседании 17 декабря 1904 г. было доложено, что Благовещенское скотопромышленное товарищество и Амурское скотопромышленное товарищество заявили о желании взять подряд на мясо с условиями продажи 11 тыс. пудов с 1 февраля по 31 мая 1905 г. по таксе: в феврале 22 коп. за фунт мяса 1-го сорта, 19 коп. за фунт 2-го сорта; в марте 23 коп. за фунт 1-го сорта, 20 коп. за фунт 2-го сорта; в апреле и мае 25 коп. за фунт 1-го сорта, 22 коп. за фунт 2-го сорта. Дума назначила торги, «но за неявкою желающих торговаться торги не состоялись»¹¹¹.

На заседании 7 января 1905 г. были назначены очередные торги на мясо, но желающих не нашлось. Впрочем, так дело обстояло не только с мясом. На заседании 21 января 1905 г. городской голова докладывал, что он «приглашал коммерсантов и предлагал им вагоны для перевозки предметов первой необходимости, но желаю-

¹⁰⁸ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 29. Л. 70–72 об., 86–87 об., 93–94 об.

¹⁰⁹ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 29. Л. 100–103, 122–123.

¹¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 29. Л. 153–153 об.

¹¹¹ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 29. Л. 175–176 об.

щих воспользоваться этим предложением не нашлось вследствие того, что Думою назначены слишком низкие цены на означенные предметы»¹¹². Таксы на продукты и товары, установленные на январь-февраль 1905 г., см. в табл. 3.

На заседании 14 февраля 1905 г., рассмотрев вопрос об обеспечении горожан мясом, городская дума констатировала, что пока есть запасы, но летом «можно ожидать в городе полного мясного кризиса и дороговизны на мясо, если не будут своевременно приняты против этого меры»¹¹³. Покупные цены на скот высокие, такса на продажу мяса низкая, поэтому промышленникам невыгодно продавать мясо в Благовещенске, а выгодно сбывать его интендантству. После долгих споров гласных думы о том, повышать ли таксу, или искать новых желающих на мясной подряд, остановились на последнем. Но на заседании 18 февраля 1905 г. городской голова доложил, что торги не состоялись «вследствие нежелания мясоторговцев торговаться»¹¹⁴. Подряд был предложен А.С. Назарову.

21 февраля мясоторговцы потребовали увеличения таксы на мясо до 24 коп. за фунт мяса 1-го сорта и 22 коп. за фунт – 2-го сорта, но дума требование отклонила. А.С. Назаров соглашался продавать мясо 1-го сорта по 22 коп. за фунт и 2-го сорта – по 20 коп. за фунт, но не более 2 тыс. пудов в месяц, поэтому подряд 4 марта 1905 г. был передан Е.Т. Назаровой. Однако у нее не нашлось поручителей, и городская дума на заседании 1 апреля 1905 г. решила вопрос о поставке мяса передать в продовольственную комиссию и увеличить цены на мясо свежей побойки¹¹⁵.

На заседаниях 4 и 12 мая 1905 г. опять рассматривался вопрос о мясе. Городская управа предложила открыть свои городские мясные лавки (закупить скот в Монголии поручили одному из членов управы) либо отдать подряд на мясо Б.И. Кузнецову и Е.Т. Назаровой. Городская дума приняла последнее предложение с выдачей ссуды на закупку мяса: Б.И. Кузнецову – 20 тыс. руб. и Е.Т. Назаро-

¹¹² РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 13 об.

¹¹³ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 46.

¹¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 49.

¹¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 59–59 об., 64–65, 72, 90–90 об.

вой – 5 тыс. руб. Реальная цена на мясо к этому моменту была 26 коп. за фунт 1-го сорта и 24 коп. за фунт 2-го сорта¹¹⁶.

Однако на заседании 18 мая 1905 г. было решено, что Б.И. Кузнецов обещает поставить слишком мало мяса городу (24–36 пудов в день, хотя требуется 200–250 пудов), а денег просит много, поэтому ему надо отказать, а чтобы население не осталось без мяса, городская управа должна открыть городскую мясную лавку, а таксу на мясо отменить. Также нужно просить военного губернатора Амурской области о разрешении прогона скота из Маньчжурии в Благовещенск и о предоставлении 25 вагонов для перевозки мяса¹¹⁷.

Мясная лавка начала работать, продавая мясо по таксе 26 коп. за фунт 1-го сорта и 24 коп. за фунт 2-го сорта. Однако очень скоро обнаружилось, что расходы на содержание лавки превышают доходы от нее (дефицит к 1 августа 1905 г. составил 997 руб. 65 коп.), а поэтому требуется либо закрыть лавку, либо увеличить цены на мясо. В постановлении Благовещенской городской думы от 1 августа 1905 г. гласные просили военного губернатора Амурской области Д.В. Путяту разрешить поднять цены на мясо, в противном случае «городу ничего другого не остается, как только закрыть мясную торговлю и имеющийся скот продать для Хабаровска»¹¹⁸.

В августе 1905 г. сначала в Амурском областном продовольственном комитете, а затем в Благовещенской городской думе рассматривался вопрос о повышении таксы на мясо. Члены комитета указывали на то, что «по имеющимся сведениям, на днях ожидается пригон гуртов скота из Маньчжурии. Легко возможно, эти гурты могут миновать Благовещенск, а потому казалось бы вполне целесообразным ныне существующую таксу (26 и 24 коп.) до зимней побойки в видах привлечения в город скота временно с половины августа на сентябрь и октябрь месяцы повесить, распространив новую таксу и на мясо, продаваемое городом»¹¹⁹. Однако и часть чле-

¹¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 105–106 об., 110–111.

¹¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 116–117 об.

¹¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 136–137.

¹¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.

нов комитета, и большинство гласных думы высказались против повышения таксы на мясо.

В целом ситуация с «мясным кризисом» продемонстрировала беспомощность городской думы в решении этого вопроса. С одной стороны, каждый раз находились торговцы, желающие поднять цены как можно выше и не соглашающиеся продавать мясо по таксам, установленным думой и военным губернатором области. С другой стороны, дума и военный губернатор в заботе о населении хотя бы сдерживали официальный рост цен, но приводило это только к тому, что таксированный товар неизменно оказывался дефицитным (так как торговцам было выгоднее продавать мясо не горожанам по таксе, а «на сторону» по гораздо более высокой цене). В итоге официальная торговля почти отсутствовала, а цена на мясо на черном рынке бесконтрольно росла. Чтобы наладить собственную торговлю мясом, Благовещенской думе потребовалось полтора года, но и эта попытка вышла неудачной. К тому же в действиях думы постоянно «правая рука не знала, что делает левая», и в августе 1905 г. гласные думы сначала требовали повысить таксу на мясо и следом принимали решение не повышать. По некоторым косвенным данным выясняется, что одна часть гласных думы занималась лоббированием интересов промышленников, а другая выступала в роли «защитника интересов простого обывателя», но общий итог деятельности думы по решению продовольственного (в данном случае мясного) вопроса оказался неутешительным.

Примерно так же, как было изложено в предыдущем параграфе, заканчивались попытки установить таксы и в других городах и селениях Сибири и Дальнего Востока. Низкая такса на товары стала причиной стачек торговцев (они отказывались продавать товар по таксе, предпочитая пускать его на сторону) и, как следствие, исчезновения товара из продажи, а высокая такса вызывала недовольство населения. В целом думы вынуждены были непрерывно повышать таксы, чтобы хоть как-то сохранить местную торговлю. Конечно, вина за рост цен лежала в первую очередь на торговцах, которые спекулятивно повышали их и пользовались возникшей кризисной ситуацией, когда не свои, так чужие готовы были платить за продукты почти любую цену.

Поскольку снабжение Сибири и Дальнего Востока сильно зависело от подвоза необходимых товаров из Европейской России и Маньчжурии (а он с началом войны был сильно затруднен, а то и вовсе прекращался), да еще и интендантство активно закупало продовольствие для армии, ситуация дефицита была практически запрограммированной. Городские думы прекрасно понимали это и с самого начала войны предприняли ряд шагов. Например, Хабаровская городская дума на заседании 29 января 1904 г. приняла решение ходатайствовать о запрещении вывоза наличных запасов продуктов из города Хабаровска и о предоставлении Хабаровску товарного поезда хотя бы раз в месяц (от Москвы до Сретенска)¹²⁰. Кроме того, Хабаровская дума просила дать ей продовольственную ссуду на закупку необходимого для города продовольствия в размере 200 тыс. руб.¹²¹ Ссуда городу была предоставлена, но ее оказалось недостаточно, и в июле 1905 г. Хабаровская городская дума приняла решение ходатайствовать о кредите еще в 300 тыс. руб. на закупку продовольствия для населения¹²².

Что касается доставки в город необходимого продовольствия, то Хабаровская продовольственная комиссия непрерывно контролировала наличие в городе запасов и докладывала об их количестве в городскую управу и думу. Далее следовали многочисленные прошения в канцелярию Приамурского генерал-губернатора о разрешении на вывоз из определенных пунктов некоторого количества товара и на выдачу вагонов для этих целей. Как удовлетворялись подобные прошения, мы показали в предыдущем параграфе, так что ситуация с продовольствием в Хабаровске была сложной всю войну. В конечном итоге всё решал человеческий фактор: дело сдвигалось с мертвой точки либо благодаря взяткам, либо благодаря личному содействию высокопоставленного лица. Так, на заседании 23 августа 1905 г. Хабаровская городская дума официально выразила благодарность Приамурскому генерал-губернатору, коменданту крепости Владивосток, и полковнику

¹²⁰ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 76а. Л. 11.

¹²¹ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 76а. Л. 21.

¹²² РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 83. Л. 76.

Карпову, «способствовавшим к отпуску и отправке в город Хабаровск соли»¹²³. В постановлении думы было написано, что Хабаровск смог получить соль только «благодаря отзывчивости на местные нужды господина Приамурского генерал-губернатора, коменданта крепости Владивосток и крепостного интенданта полковника Карпова»¹²⁴.

Во Владивостоке городская дума с самого начала решила пойти по пути создания необходимого запаса продовольствия (на случай осады города). Показательно, каким образом дума рассчитала необходимое количество продуктов. Городская управа подготовила доклад, согласно которому продовольствие надо было рассчитать на 5 тыс. человек обывателей (русских жителей больше не останется, китайцы и корейцы едят собственную свинину, войска довольствуются особо). «Так как осадное положение представляет собой явление исключительное, с которым неизбежно соединены всякого рода лишения и при которых нет никакой возможности оставаться при обычных нормах питания, а возможно рассчитывать лишь на минимум потребностей, то вполне резонно допустить достаточным на это время расчет мясного довольствия для обывателей по $\frac{1}{2}$ фунта в день на душу, перенеся главное довольствие на хлеб, крупу, чай и вкусовые приправы. По такому расчету на 5000 человек потребуется ежедневно около 1700 фунтов, или кругло 5 голов, следовательно, при осаде Владивостока гурта в сто голов должно хватить на 20 дней»¹²⁵. Дума приняла решение приобрести этот гурт и заодно посчитала, сколько он будет стоить: сам гурт – 500 руб., расходы на его содержание – 1250 руб. на период с февраля по апрель 1904 г. и 500 руб. на период с мая до конца лета¹²⁶.

Закупка скота была поручена городскому ветеринарному врачу Горбачеву совместно с гласными А.Д. Золотухиным и Яковлевым-Орловым. Также было решено обратиться к мясоторговцам Новаку, Циммерману и другим с вопросом, не возьмутся ли они увеличить

¹²³ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 83. Л. 87.

¹²⁴ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 83. Л. 86 об.

¹²⁵ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.

¹²⁶ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 7. Л. 5 об.

запас мяса для жителей города по тем же ценам, как для морского и военного ведомств. Согласно постановлению думы, гурт скота, закупаемый городом, следовало «держать на случай перерыва сообщения с городом. Закуп скота производить не дороже установленных цен на мясо»¹²⁷.

Однако на заседании 6 февраля Владивостокская городская дума приняла решение вместо закупки гурта живого скота (расходы на содержание которого в несколько раз превышали стоимость самого гурта) приобрести 5000 пудов ржаной и 5000 пудов пшеничной местной муки и 2500 пудов гречневой крупы. «Расходы по этой заготовке, до 22 тысяч рублей, отнести на наличные средства городской кассы; приобрести в запас горох, 500 пудов примерно на 1500 рублей; кругло ассигновать на все это до 25 тысяч рублей... запас этот хранить все время неприкосновенным на случай осады»¹²⁸.

Но кроме запаса требовалось обеспечивать текущее снабжение горожан. Помимо сложностей с доставкой продуктов были и сложности с финансированием этого процесса. Так, на заседании 30 декабря 1904 г. Владивостокская городская дума постановила «поручить городской управе навести справки и доложить думе об изыскании кредитов и о способах заготовки муки для жителей города на 40 тысяч человек на 8 месяцев. Доклад представить к 8 января 1905 г.»¹²⁹.

В феврале 1905 г. Владивостокская городская дума была вынуждена отказать от предложения интендантства о приобретении мороженого мяса и соленой рыбы. В постановлении думы было указано, что «отказ мотивируется неимением свободных городских средств, соответствующих помещений для хранения мяса и рыбы, полную ненадежностью всей операции, пересолкою на солонину и крупными потерями, какие могут грозить вследствие истощенной и без того городской кассой, вынужденной сберегать все суммы для покрытия расходов по воинскому расквартированию»¹³⁰.

¹²⁷ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 143–144.

¹²⁸ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 144–145.

¹²⁹ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 142.

¹³⁰ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 145.

В марте 1905 г. Владивостокская городская дума приняла очередное постановление об организации на время осады города «неприкосновенного склада запасов продовольствия на 5 тысяч человек жителей на 6 месяцев». Причем и здесь главным вопросом был вопрос финансовый, поэтому дума постановила «просить у правительства через коменданта крепости беспроцентную ссуду для заготовки необходимого продовольствия в качестве неприкосновенного запаса на случай осады по расчету на 5000 человек на 6 месяцев, если возможно натурою, и сверх того, двойную против приведенной нормы сумму денег для образования при складе расходной части продуктов на текущее до осады время»¹³¹.

Размер ссуды был определен в 1 млн руб. и благодаря коменданту крепости Владивосток Г.Н. Казбеку был оперативно получен. На эти деньги думой было решено заготовить в неприкосновенный запас мясные консервы, сало, гурт скота в 100 голов, свиней 100 голов, горох, сахар, чай; «в расходном запасе не заготавливать соленой рыбы и чаю, но заготовить небольшое количество дешевых сортов табаку, махорки, лимонной кислоты, уксусу, клюквенной эссенции, дров и каменного угля, сена, овса, бобовых жмыхов и других припасов и предметов по мере надобности. Завести или собственные огороды или войти в соглашение с огородниками»¹³².

Другие города тоже просили ссуды. Например, Благовещенская городская дума в июне 1904 г. ходатайствовала о выдаче ссуды в размере 250 тыс. руб.¹³³, в августе – о выдаче дополнительной ссуды на закупку мяса (60 тыс. руб.)¹³⁴, 10 декабря – о выдаче ссуды в 32 160 руб. «для заготовления предметов первой необходимости», а в феврале 1905 г., рассмотрев вопрос о количестве необходимых городу продуктов на ближайшие 7-8 месяцев (до нового завоза) и приняв во внимание цены на них, стала просить на эти нужды уже 170 тыс. руб.¹³⁵ Ходатайство о ссуде было направлено военному

¹³¹ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 145.

¹³² РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 146.

¹³³ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 184 об.

¹³⁴ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 29. Л. 47.

¹³⁵ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 342.

губернатору Амурской области в марте 1905 г., затем в апреле 1905 г. Дополнительно в марте 1905 г. дума вновь ходатайствовала о выдаче городу ссуды в 250 тыс. руб. «для покрытия дефицита и удовлетворения неотложных нужд города»¹³⁶. Ссуду на мясо Благовещенску дали, но в ссуде 250 тыс. руб. отказали. Как объяснил военный губернатор Амурской области Д.В. Путята, Министерство внутренних дел «вследствие тяжелого финансового положения государственного казначейства... не нашло возможным поддерживать ходатайства общественных управлений о правительственных ссудах на удовлетворение первостепенных нужд городов»¹³⁷. Между тем, пока ходатайства неспешно рассматривались, ситуация ухудшалась.

К лету в Благовещенске наблюдался дефицит мяса, муку в лавках продавали не более двух пудов в руки, не хватало и других продуктов. Особенно тяжелое положение сложилось с солью, запас практически подошел к концу, остатки продавали по 20 коп. за фунт. Городской голова П.П. Попов 28 июня 1905 г. писал Приамурскому генерал-губернатору Р.А. Хрещатицкому, что «в Благовещенске сильное народное возмущение по случаю соляного кризиса», и просил разрешить пропуск соли из Николаевска, а также дать 15 вагонов для перевозки соли с Урала и ссуду в 170 тыс. руб.¹³⁸

Генерал-губернатор, что характерно, отказал на основании того, что у него уже «испрошены наряды на 105 вагонов на доставку соли в Благовещенск». Городские власти обращались с просьбами продать соль в Нерчинск, Сретенск, Читу, Усолье, Николаевск-на-Амуре, и везде им отказали, аргументируя тем, что у самих ее нет.

11 июля 1905 г. городской голова П.П. Попов телеграфировал командующему Маньчжурской армией Н.П. Линевичу, что в Благовещенске нет соли (а скоро предстоит засолка, и «если не будут заготовлены овощи и рыба, население может испытывать голод»),

¹³⁶ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 61 об.

¹³⁷ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 83.

¹³⁸ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 342 об.

и попросил 20 вагонов для перевозки соли из Оренбурга до Сретенска и далее в Благовещенск. Н.П. Линевиц наконец дал добро¹³⁹.

Приговор мещанского схода г. Благовещенска от 3 июля 1905 г. подвел итоги деятельности местных органов власти по вопросу продовольственного снабжения населения. На сходе обсуждался вопрос о продовольственном кризисе и констатировалось, что «в последнее время кризис настолько обострился, что многоплодной корпорации мещан приходится самой позаботиться о себе и найти выход из невыносимо тяжелых условий существования, угрожающих многим семьям мещан голодом в ближайшем будущем»¹⁴⁰.

Далее ставился риторический вопрос: «Кто же, спрашивается, виноват в том, что городская касса пустует и в нужное время оказывается бессильной помочь населению – что для большинства жителей мясо стало недоступною роскошью, что бывают дни, когда мучные лавки закрыты и на базаре нет хлеба? Кто допустил до того, что в городе нет такого продукта, как соль, и дает себя знать недостаток и в других насущных предметах потребления – кому обязаны мы баснословными ценами на лес, на дрова и прочее?»¹⁴¹

Ответственность за создавшееся положение мещанский сход возложил на городскую управу вкупе с городским главой, что они не взыскивали недоимки по налогам, не препятствовали вывозу продовольствия и предметов потребления в Харбин, не остановили спекулянтов. Итогом этого, по мнению мещанского схода, стали стачки промышленников, «мясные лавки закрыты, сотни, если не тысячи голов скота на наших глазах стали ушлывать из города... в результате плохо орудующая городская мясная лавка, начинающая свое дело с ходатайства о повышении цены на мясо»¹⁴². Мещанское общество постановило привлечь городскую управу к ответственности, а саму управу переизбрать.

Городская управа в ответном докладе указала, что вследствие закрытия порто-франко и Русско-японской войны произошел упа-

¹³⁹ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 344.

¹⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 335.

¹⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 335.

¹⁴² РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 335 об.

док промышленности и торговли, а вслед за этим и падение доходов городского бюджета. Для снабжения населения городская управа предпринимала все возможные действия (брали ссуды, предлагали торговцам подряды, просили вагоны на вывоз товара и т. д.), а в продовольственных кризисах был виноват Амурский областной продовольственный комитет, который выдавал разрешения на вывоз продуктов из области: «Он обратился в учреждение, выпустившее из области предметы потребления, какие в ней имелись, привел население к недостатку необходимых предметов и является по всему этому главным фактором существующих затруднений с продовольствием»¹⁴³.

Был ли виноват в кризисе Амурский областной продовольственный комитет? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим подробнее его деятельность. Лучше всего деятельность Амурского областного продовольственного комитета (и взаимодействие его с другими инстанциями, а именно с Благовещенской продовольственной комиссией, Благовещенской городской думой и Благовещенской городской управой, а также с военным губернатором Амурской области и Приамурским генерал-губернатором) просматривается на примере снабжения населения хлебом. В отличие от других областей дальневосточного региона, Амурская область производила свой собственный хлеб. Тем не менее дополнительно ввозился еще и хлеб из Маньчжурии. Поскольку с началом войны хлеб в Маньчжурии стал активно скупаться интендантством, его поставки в Амурскую область сократились. Опасаясь возникновения дефицита, военный губернатор Амурской области Д.В. Пулята запретил вывоз хлеба за пределы Амурской области, но это весьма негативно сказалось на продовольственном обеспечении соседних областей.

Николаевский городской голова телеграфировал Приамурскому генерал-губернатору 21 апреля 1904 г., что для обеспечения населения Николаевска городская управа в Благовещенске заготовила 10 тыс. пудов яричной муки и 1 тыс. пудов крупы, но губернатор Амурской области запретил вывоз. «Принимая во внимание то,

¹⁴³ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 346.

что весь громадный район, обнимающий значительную часть Хабаровского уезда, Удский уезд и Приморский горный округ, не производит вовсе продуктов хлебопашества и что Амур представляет в настоящее время единственный возможный путь снабжения Николаевска и всего района, то ввиду ожидаемого большого движения грузов по этой реке впоследствии пополнение скудных запасов может оказаться невыполнимым и вызвать голод»¹⁴⁴. Опираясь на вышеприведенные аргументы, городской голова Николаевска просил губернатора о пропуске муки из Благовещенска. Приамурский генерал-губернатор Н.П. Линевиц приказал военному губернатору Амурской области Д.В. Путяте немедленно разрешить вывоз муки, закупленной Николаевской городской управой, что тот и вынужден был сделать.

В течение 1904 г. из Амурской области по требованию приамурского генерал-губернатора производился вывоз муки (как, впрочем, и других продуктов) в Приморскую область. К слову отметим, что военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Коллюбакин уже 11 февраля 1904 г. издал постановление о запрете вывоза продуктов из г. Николаевска «вследствие выяснившихся недостатков продуктов потребления»¹⁴⁵, а 23 февраля 1904 г. – постановление о запрете вывоза продуктов из Хабаровска без разрешения Хабаровской временной городской продовольственной комиссии (за исключением селений Николо-Александровской волости) «вследствие выяснившихся недостатков продуктов потребления в Хабаровске и невозможности ввиду текущих военных событий пополнить таковые путем подвоза извне»¹⁴⁶.

19 ноября 1904 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Коллюбакин издал постановление о запрете вывоза продуктов из всей Приморской области «ввиду недостаточного обеспечения потребности населения области наличием продовольственных продуктов и предметов первой необходимости»¹⁴⁷.

¹⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 450. Л. 5.

¹⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 450. Л. 63.

¹⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 450. Л. 16.

¹⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 450. Л. 20.

Губернатор Амурской области Д.В. Путята явно был бы рад сделать то же самое (запретить вывоз продуктов из Амурской области), но ему не разрешил Приамурский генерал-губернатор, которого, в свою очередь, «осаждали» власти Николаевска, Хабаровска, Владивостока и других городов и мест Приморской области, поставленные в условия нехватки продовольствия для снабжения населения. Впрочем, пока из Маньчжурии поступал хоть какой-то хлеб и скот, ситуация была еще терпимой. Но в конце года она изменилась. В ноябре 1904 г. амурские мукомолы просили разрешения закупить в Маньчжурии 1,5 млн пудов хлеба. Однако главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин не разрешил, а 22 декабря 1904 г. полностью запретил вывоз зерновых из Маньчжурии.

Это сразу же обострило ситуацию с хлебом не только в Амурской области, но и по всему Дальнему Востоку, так как хлеб для других районов края доставлялся из Благовещенска. Например, Хабаровская продовольственная комиссия, рассмотрев 3 марта наличные запасы муки в Хабаровске (всего не больше 37 тыс. пудов, а в месяц требовалось 30 тыс.), постановила немедленно закупить муку у Благовещенского мукомола Тетюкова в количестве 20 тыс. пудов муки 1-го сорта (по цене 2 руб. 25 коп.) и по 40 тыс. пудов муки 2-го и 3-го сорта (по цене 2 руб. 5 коп. за 2-й сорт, 1 руб. 85 коп. за 3-й сорт), итого 100 тыс. пудов муки и дополнительно 50 тыс. пудов овса¹⁴⁸. Нетрудно заметить, что цены, предложенные г-ну Тетюкову Хабаровской продовольственной комиссией, были значительно выше тех, которые он мог получить за свою муку, продавая ее в Благовещенске по установленной городской думой таксе (2 руб. за пуд муки 1-го сорта, 1 руб. 80 коп. – 2-го сорта, 1 руб. 60 коп. – 3-го сорта). Далее последовала серия ходатайств приамурскому генерал-губернатору с просьбами разрешить вывоз из Амурской области означенной муки и овса, иначе «население г. Хабаровска рискует остаться без этих необходимых продуктов»¹⁴⁹. В итоге генерал-губернатор разрешил Хабаровской продовольственной

¹⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 43.

¹⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 54.

комиссии вывезти для нужд г. Хабаровска 100 тыс. пудов муки и 25 тыс. пудов овса¹⁵⁰.

Прошения, аналогичные прошению Хабаровской продовольственной комиссии, были, мягко говоря, не единичными, вследствие чего в телеграмме от 8 марта 1905 г. на имя военного губернатора Амурской области Д.В. Путяты приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий сообщал, что «единственным источником для продовольствия Северо-Уссурийского края за невозможностью доставки хлеба из Западной Сибири является Амурская область», а поэтому он дает разрешение на вывоз продовольствия из Амурской области в Хабаровск и Николаевск «исключительно по ходатайствам местных продовольственных комиссий»¹⁵¹.

Тут же со стороны местных продовольственных комиссий посыпались прошения, и 5 апреля 1905 г. Амурский областной продовольственный комитет дал добро на вывоз для Хабаровской продовольственной комиссии 62 тыс. пудов муки и 20 тыс. пудов овса; для Николаевской продовольственной комиссии – 10 тыс. пудов овса и 3 тыс. пудов крупчатки; для Владивостокской продовольственной комиссии – 44 тыс. пудов муки, на Сахалин – 3 тыс. пудов муки и 1 тыс. пудов овса¹⁵².

7 апреля 1905 г. Амурский областной продовольственный комитет доложил военному губернатору Амурской области Д.В. Путяте о количестве запасов муки и овса в области, итоговые цифры запасов Амурской области «за удовлетворением потребностей крестьянского населения» были исчислены в 1455 тыс. пудов муки и зерна и 995 тыс. пудов овса. Для потребностей приискового населения предлагалось оставить 550 тыс. пудов муки и 400 тыс. пудов овса, для г. Благовещенска – 30 тыс. пудов муки и 100 пудов овса. Итого в области, по мнению комитета, необходимо было оставить 850 тыс. пудов муки и 500 тыс. пудов овса. Излишек продукта, по подсчетам комитета, составлял 605 тыс. пудов муки и 495 тыс. пудов овса. Между тем уже поступило заявок на вывоз зерновых от прави-

¹⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 57.

¹⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 10.

¹⁵² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 20.

тельствственных и общественных учреждений в Приморскую и Забайкальскую области для торговли за пределами области на 1 271 876 пудов муки и 1 154 550 пудов овса. «Из вышеизложенного выясняется, что свободной наличности в области муки и овса для вывоза за пределы области недостаточно для удовлетворения всех поступивших в комитет прошений и заявлений. Областному продовольственному комитету придется быть крайне осторожным при ближайшем рассмотрении отдельных ходатайств и значительно таковые сократить»¹⁵³.

Военный губернатор Амурской области Д.В. Путята, в свою очередь, доложил генерал-губернатору Приморской области А.М. Колобакину в телеграмме от 9 апреля 1905 г., что из Амурской области можно вывезти 605 тыс. пудов муки и 495 тыс. пудов овса, но по уже выданным удостоверениям вывоз должен составить 1272 тыс. пудов муки и 1 154 550 пудов овса¹⁵⁴. Риторический вопрос «что делать?» повис в воздухе. Не удовлетворять ходатайства? А какие? По какому принципу?

Между тем просители были весьма настойчивы. Как уже отмечалось выше, николаевский городской голова Курбатов телеграфировал приамурскому генерал-губернатору 21 апреля 1904 г., что управой в Благовещенске было заготовлено 10 тыс. пудов яричной муки и 1 тыс. пудов крупы. Но поскольку военный губернатор Амурской области запретил вывоз продуктов, весь Николаевский район ожидает голод¹⁵⁵.

Далее городской голова просил о вывозе муки из Благовещенска. Приамурский генерал-губернатор приказал военному губернатору Амурской области немедленно разрешить вывоз муки, закупленной Николаевской городской управой¹⁵⁶. 2 мая 1905 г. Николаевский городской голова Курбатов прислал паническую телеграмму на имя военного губернатора Приморской области А.М. Колобакина о том, что он еще в марте просил о вывозе из Бла-

¹⁵³ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 38-39 об.

¹⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 22-24.

¹⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 450. Л. 4-5.

¹⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 450. Л. 6.

говещенска в Николаевск 50 тыс. пудов муки и 20 тыс. пудов овса, а сейчас ситуация еще хуже, так как «запасы Николаевска истощены благодаря совершенно неожиданному выпуску Сахалина более 2000 ссыльных... в городе нет мяса, рыбы, сахару, крупы, овса, ячменя, отрубей, жмыхов, сена». За все требуемые продукты уже заплачено, «задержание оплаченных продуктов, для доставки которых зафрахтованы уже пароходы, вызовет помимо голодовки большие убытки торговцам и городу»¹⁵⁷.

Военный губернатор Приморской области А.М. Коллюбакин, в свою очередь, просил приамурского генерал-губернатора Р.А. Хрещатицкого удовлетворить ходатайство городского головы Николаевска Курбатова, аргументируя тем, что у Николаевска нет собственных запасов скота и продовольствия, всё получают из Амурской области и Забайкалья, и если не разрешить ввоз продовольствия, то «как город, так и уезд могут оказаться в невыносимо тяжелых условиях, поправить которые окажется поздним»¹⁵⁸.

Канцелярия приамурского генерал-губернатора 11 мая 1905 г. составила общий список прошений и дала свои предложения на этот счет (сколько отпустить из просимого). Для удобства анализа информации данные занесены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Список ходатайств на вывоз муки и овса из Благовещенска¹⁵⁹

Агенты, для каких нужд	Просимое количество муки, пуд	Рекомендовано отпустить, пуд	Просимое количество овса, пуд	Рекомендовано отпустить, пуд
Николаевская продовольственная комиссия на нужды г. Николаевска	165 185	100 000	126 495	100 000
Владивостокская продовольственная комиссия на нужды г. Владивостока	137 500	100 000	77 500	40 000

¹⁵⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 149-150.

¹⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 148 об.

¹⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 196-197.

Окончание табл. 4

Агенты, для каких нужд	Просимое количество муки, пуд	Рекомен- довано отпустить, пуд	Просимое количество овса, пуд	Рекомен- довано отпустить, пуд
Хабаровская продоволь- ственная комиссия на нужды г. Хабаровска	-	-	25 000	-
Для нужд крестьянского населения Амурской об- ласти, прииска и рыбалки	177 076	100 000	235 400	75 000
На прииски, для населе- ния по р. Шилка, почто- содержателям Забайкаль- ской области	51 500	25 000	9000	5000
Для крестьянского насе- ления Мариинского об- щества	11 000	10 000	5000	5000
Всего	542 761	335 000	478 395	225 000

Генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий дал разрешение на вывоз муки и овса из Благовещенска в соответствии с предложениями канцелярии. В принципе, рекомендации канцелярии были весьма умеренными, оставался существенный резерв зерновых. Но ситуация с зерновыми менялась буквально каждый день; 18 мая 1905 г. председатель Амурского областного продовольственного комитета докладывал военному губернатору Амурской области Д.В. Путяте: «Неожиданное объявление высоких цен на зерно будущего урожая для выкупа интендантством приостановило подвоз в город крестьянами оставшегося у них от последнего урожая довольно значительного количества зерна (до 220 тысяч пудов). Означенный излишек Продовольственным комитетом был принят во внимание при первоначальных расчетах при распределении запасов зерновых продуктов для потребностей Амурской области и для вывоза за ее пределы. Как упомянуто выше, к вывозу за пределы области в Приморскую область и в Забайкалье было предназначено 605 тысяч пудов муки и 495 тысяч пудов овса, из числа которых разрешено к

вывозу приамурским генерал-губернатором 516.570 пудов муки и 410.600 пудов овса... При изменившихся в настоящее время обстоятельствах не могу не признать более осторожным теперь же временно прекратить вывоз муки за пределы области и в то же время заявить Приамурскому окружному интендантству об ограничении дальнейшего закупа в области овса, не превышая количества, оставшегося невывезенным, т.е. до 85 тысяч пудов. В случае если по выяснении результатов урожая текущего года у местного населения окажутся излишние запасы по удовлетворению всех местных потребностей, главным же образом по окончании подвоза муки и овса на прииска области, то от Вашего Превосходительства зависело бы вновь разрешить вывоз излишков за пределы области. Необходимым считаю доложить Вашему Превосходительству, что, насколько мне известно, местные мукомолы, в надежде на выгодную для них операцию вывоза муки за пределы области, всеми силами стараются пристроить свои запасы вне области – уклоняясь от сделок с местными коммерсантами и золотопромышленниками, отказывая в продаже муки даже старым своим клиентам. В подтверждение вышеуказанного докладываю Вашему Превосходительству, что до 15 сего мая Продовольственный комитет выдал удостоверений на вывоз муки на прииска на 150.825 пудов, а по имеющимся у меня сведениям до сего времени золотопромышленники отправили на прииска всего лишь 91.325 пудов единственно вследствие отказа мукомолов в продаже им муки»¹⁶⁰.

20 мая 1905 г. канцелярия приамурского генерал-губернатора, собрав ведомости всех заявленных требований, составила очередной список заявок. Согласно этому списку от г. Николаевска за февраль-апрель 1905 г. поступило ходатайств на 334 700 пудов муки и 187 000 пудов овса, от г. Хабаровска – на 196 500 пудов муки и 164 800 пудов овса; для крестьянского населения Приморской области, на прииска и рыбалки от разных лиц и учреждений поступило ходатайств на 177 076 пудов муки и 235 400 пудов овса, от Мариинского общества – на 11 тыс. пудов муки и 5 тыс. пудов овса. Канцелярия рекомендовала дать по 100 тыс. пудов муки и овса Николаевску, 100 тыс. пудов

¹⁶⁰ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 109–110.

муки и 75 тыс. пудов овса – Приморской области, 10 тыс. пудов муки и 5 тыс. пудов овса – Мариинскому обществу. А вот г. Хабаровску, которому ранее были разрешены к вывозу 162 тыс. пудов муки и 50 тыс. пудов овса, вывозить их запретили¹⁶¹.

Итак, Амурский областной продовольственный комитет предлагал запретить (хотя бы временно) вывоз муки и овса за пределы области. При этом его продолжали заваливать ходатайствами как городские продовольственные комиссии Приморской области, так и другие учреждения и частные лица. По крайней мере, часть этих ходатайств приказывал удовлетворить приамурский генерал-губернатор, с чем местные органы не всегда были согласны. Например, крестьянин П.Г. Дудевский просил разрешить ему вывезти из Благовещенска в Хабаровск для нужд местного населения 10 тыс. пудов муки, после долгой переписки генерал-губернатор дал добро, но Благовещенский продовольственный комитет отказал¹⁶².

Количество того, что область могла дать без ущерба для себя, явно расходилось с тем, что от нее требовали. В июне 1905 г. городская управа Благовещенска также вышла с ходатайством к военному губернатору Амурской области и приамурскому генерал-губернатору о запрещении вывоза хлеба за пределы Амурской области.

Военный губернатор Амурской области Д.В. Путята телеграфировал 11 июня 1905 г. приамурскому генерал-губернатору: «По данным, сообщенным в областной продовольственный комитет полицейскими учреждениями, в настоящее время имеется в наличии зерновых продуктов и фуража в городе Благовещенске муки и зерна 480 тысяч пудов, овса 440 тысяч пудов; из этого количества для потребностей городского населения и для снабжения казачьего населения верховых округов и приисков Верхнеамурского горного округа необходимо отделить 330 тысяч пудов муки и зерна и 220 тысяч пудов овса. В районе крестьянских селений за выделением необходимого для местных потребностей имеется свободной

¹⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 211–212.

¹⁶² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 475. Л. 68–76.

наличности 150 тысяч пудов муки и зерна и 75 тысяч пудов овса, таким образом, в настоящее время в области имеется возможность к вывозу за пределы области муки и зерна до 300 тысяч пудов, овса 315 тысяч пудов. Все это количество назначено для удовлетворения разрешенных Вашим В-вом ходатайств разных частных лиц и казенных учреждений.

По 11 сего июня продовольственный комитет согласно разрешения Вашего В-ва выдал удостоверения на вывоз за пределы области 872 тысячи пудов зерна и муки и 687 тысяч пудов овса, и сверх сего продовольственному комитету предстоит удовлетворить сообщенные мне Вами за последнее время разрешения на вывоз в Приморскую область и в Забайкалье 311.500 пудов зерна и муки и 604.025 пудов овса и ячменя нижеследующим лицам и учреждениям, поименованным в телеграммах за № 697, 714, 737, 785, 806: Червову муки 5 тысяч, овса тысячу; Лукину муки 10 тысяч, овса 2 тысячи; Суворову муки 30 тысяч; Сонхинфу муки 8 тысяч; Чинхаю муки 40 тысяч, ячменя 20 тысяч, овса 10 тысяч; Хунхинной по 2 тысячи муки и овса; Явшуку муки 2 тысячи; Кулакову 300 муки; Яразову 200 муки, 300 овса; Сяньфангуну 13 тысяч муки; Кровякову 125 овса; Дудевскому пшеницы 60 тысяч, ячменя 15 тысяч; Надецкому 25 тысяч муки и 10 тысяч овса. Независимо сего по ходатайству Приморского губернатора 10 тысяч муки, Ханшунчейину 15 тысяч, Кунсту 30 тысяч, Бородину 10 тысяч муки. Также по ходатайству генерала Казбека муки 50 тысяч.

Сообразуясь с состоянием наличных свободных запасов зерновых продуктов и фуража Продовольственный комитет, удовлетворяя полностью разрешенные Вашим В-вом ходатайства о вывозе за пределы области овса, лишен возможности полностью удовлетворить таковые ходатайства в отношении вывоза хлебного зерна и муки ввиду того, что в области зерна и муки имеется в свободной наличности значительно менее испрашиваемого к вывозу, что вынуждает меня просить указания Вашего В-ва кому из числа вышепоименованных лиц, учреждений, ходатайствующих о вывозе зернового хлеба и муки, оказать предпочтение и в каких размерах, сделав вместе с сим распоряжение о собирании путем точной регистрации сведений о действительном количестве в области хлебных

зерновых продуктов и фуража. Не замедлю о последующем донести Вашему В-ву в самый кратчайший срок»¹⁶³.

Итак, свободной наличности муки и зерна в Амурской области в начале июня 1905 г. было 300 тыс. пудов, овса 315 тыс. пудов, а по утвержденным приамурским генерал-губернатором ходатайствам требовалось вывезти 1183 тыс. пудов муки и зерна и 1291 тыс. пудов овса. Даже если предположить, что Д.В. Путята показывал меньшее количество свободной наличности зерновых, чем было, то не в четыре же раза! 15 июня 1905 г. военный губернатор Амурской области Д.В. Путята доложил в телеграмме приамурскому генерал-губернатору, что на 15 июня в Благовещенске имеется 437 тыс. пудов муки и зерна и 440 тыс. пудов овса, из этого количества продано для вывоза за пределы области 240 тыс. пудов муки и 224 тыс. пудов овса, в свободной наличности остается 197 тыс. пудов муки и зерна и 216 тыс. пудов овса. Для обеспечения местных потребностей до нового урожая потребуется минимум 330 тыс. пудов муки и 220 тыс. пудов овса. У крестьян в свободной наличности имелось хлебного зерна и овса по 150 тыс. пудов. «Вышеприведенные данные свидетельствуют, что свободные наличные запасы в области овса в настоящее время едва достаточны для удовлетворения собственных нужд Амурской области, почему полагаю, что при нынешнем положении сего дела вывоз за пределы области овса должен быть по возможности ограничен, в зависимости от подвоза в город овса из крестьянских селений. Что касается муки, то за недостатком наличных запасов для удовлетворения местных потребностей вывоз таковой должен быть теперь же совершенно прекращен, иначе населению Амурской области угрожает серьезная опасность в отношении довольствия хлебом. Представляя о вышеизложенном на благоусмотрение Вашего В-ва, считаю необходимым доложить, что по разрешениям Вашим мною допущено к вывозу за пределы области через посредство Амурского областного продовольственного комитета хлебного зерна и муки 814.225 пудов и овса 753 тысячи пудов. Остались неразрешенными ходатайства о вывозе зерновых продуктов и фуража за пределы области только поименован-

¹⁶³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 2-5.

ные в телеграмме от 11 июня № 467 в общем на 271.500 пудов зерна и муки и на 64.425 пудов овса»¹⁶⁴.

20 июня 1905 г. Д.В. Путята телеграфировал генерал-губернатору: «До поступления зерна нового урожая на рынок вывезти что-либо сверх прежде данных разрешений не представляется возможным без обречения населения на голодовку. Видны на урожай вследствие упорной ненастной погоды ухудшаются»¹⁶⁵. В следующей телеграмме Д.В. Путята в решительных выражениях уже просто потребовал запретить вывоз зерновых из Амурской области: «Мясники, мукомолы, поощряемые высокими ценами, разрешениями вывоза, без меры поступающими за подписями разных лиц и учреждений от имени генерал-губернатора, закрывают лавки, рассчитывают рабочих, в городе волнение. Только строжайшее воспрещение Вашего В-ва закупа в Амурской области предметов первой необходимости в состоянии предупредить кризис, о чем ходатайствую, также ходатайствую о предоставлении мне по ст. 10 Военного положения права в случае надобности прибегать к реквизициям»¹⁶⁶. И 21 июня 1905 г. военный губернатор Амурской области Д.В. Путята издал постановление о запрете вывоза из Амурской области пшеницы, ярицы и муки¹⁶⁷.

В своих следующих телеграммах Д.В. Путята докладывал приамурскому генерал-губернатору, что на 21 июня 1905 г. в Благовещенске в свободной наличности всего 227 тыс. пудов муки и зерна и 146 тыс. пудов фуража, в Амурской области в целом 407 тыс. пудов муки и зерна, 221 тыс. пудов фуража. Между тем для обеспечения населения до нового урожая необходимо оставить 180 тыс. пудов муки и 80 тыс. пудов фуража. Необходимо также завезти на прииски в текущую навигацию не менее 150 тыс. пудов муки и 100 тыс. пудов фуража, а всего для обеспечения местных потребностей необходимо выделить из имеющихся запасов 510 тыс. пудов муки и 225 тыс. пудов фуража. «Из вышеизложенного Ваше В-во

¹⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 20–22.

¹⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 475. Л. 132.

¹⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 475. Л. 135.

¹⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 475. Л. 143.

изволите усмотреть, что наличных свободных запасов муки в области уже в настоящее время недостаточно для полного удовлетворения местных нужд Амурской области, что и заставило меня теперь же отдать постановление о прекращении дальнейшего вывоза муки и хлебного зерна за пределы области. Что касается овса, то вывоз такового из области разрешается с большою осторожностью, соображаясь с размерами подвоза овса в город из Зейского района. В заключение считаю не лишним довести до сведения Вашего В-ва, что по текущее число, как видно из прилагаемой при сем таблице, остается еще неудовлетворенных требований на вывоз из области муки и зерна 293 тысячи пудов и фуража 60 тысяч пудов»¹⁶⁸.

Приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий в ответных телеграммах журил Д.В. Путяту и писал, что сообщаемые им данные не проверены «с достаточной строгостью», указывал, что другие области тоже нуждаются в хлебе. «Вполне признавая необходимость обеспечения населения Амурской области, я полагаю справедливым при настоящем трудном положении оставить в этой области лишь такое количество хлебных припасов, которое необходимо для пропитания населения области до урожая текущего года, а всё остальное, сверх этого количества, должно быть выпущено в те местности, которые нуждаются в хлебе и которые по закрытию навигации по Амуру не могут быть снабжены»¹⁶⁹.

В общем, улучшения ситуации не предвиделось. А что же благовещенские мукомолы? Они тут же подали в городскую думу коллективное заявление, что цены на зерно высокие, и их не покрывает установленная городской думой такса на муку, раньше недостаток покрывался сбытом муки за пределы области, но теперь «вывоз окончательно запрещен, да и цены на зерно возросли до 1 р. 50 к.». Поэтому мукомолы предложили назначить контрагента, дать ему разрешение скупить 150 тыс. пудов муки не ниже 1 руб. 50 коп. («без такой цены крестьяне зерно не повезут») и далее продавать муку по таксе: 1-й сорт – 2 руб. 40 коп. за пуд, 2-й сорт – 2 руб. 20 коп. за пуд, 3-й сорт – 2 руб. за пуд, 4-й сорт – 1 руб. 60 коп.

¹⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 18.

¹⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 24–24 об.

за пуд. Означенную муку продавать городу с июля по сентябрь, «до 1 октября контрагент не имеет права вывоза из закупленного зерна за пределы города ни одного пуда муки»¹⁷⁰.

Городская продовольственная комиссия предложила встречные условия: а) контрагент продает муку городу до середины ноября; б) мука должна продаваться по существующей таксе. Городская дума утвердила решение городской продовольственной комиссии. Тогда мукомолы от соглашения с думой отказались. Городская продовольственная комиссия в своем докладе указала, что в течение зимы 1904/1905 г. мукомолы заготовили и перемололи 1500 тыс. пудов зерна по цене от 90 коп. до 1 руб. 20 коп. за пуд, так что «назначенная по таксе цена на муку, судя по ценам на зерно, была неубыточна для мукомолов», между тем мукомолы вывезли из города дешевый хлеб и продали на сторону, и продолжают это делать даже после запрещения на вывоз хлеба и муки. Например, Ф.К. Кувшинов скупил привезенное в город крестьянами зерно и собрался вывезти хлеб на Зейскую пристань, а торговлю мукой в городе закрыл¹⁷¹. Действия благовещенских мукомолов объяснялись тем, чем продать муку на сторону можно было по значительно более высоким ценам, чем в Благовещенске.

Между тем из-за новых распоряжений военного губернатора Амурской области уже выданные разрешения на вывоз продуктов из Амурской области стали отбирать или ограничивать. Например, в начале июля задержали вывоз 100 тыс. пудов муки, предназначенных для Владивостока¹⁷²; отобрали разрешение на вывоз в Хабаровск 40 тыс. пудов крупчатки, выданное братьям Буяновым¹⁷³; купцу Якову Ранцыну, который еще в декабре 1904 г. закупил для нужд Охотской золотопромышленной компании 25 тыс. пудов муки, 200 пудов сливочного масла, 250 пудов растительного масла, 300 пудов сахара, 100 пудов гороха, 12 пудов перца, 200 пудов табака, разрешили из всего перечисленного вывезти только 15 тыс. пу-

¹⁷⁰ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 339 об.

¹⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 340 об.

¹⁷² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 234.

¹⁷³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 250.

дов муки¹⁷⁴ и т. д. В канцелярию приамурского генерал-губернатора посылались прошения и жалобы на тему, почему вывоз указанных продуктов из Благовещенска разрешили, а теперь Амурская областная продовольственная комиссия не разрешает.

Продолжились и ходатайства разрешить вывоз продуктов из Амурской области для нужд указанного города. Например, Хабаровская временная комиссия по продовольствию населения города, несмотря на извещения, что вывоз из Благовещенска продуктов запрещен, продолжала настаивать на своем, аргументируя свои слова тем, что необходимо пополнить запасы продовольствия, потому что Хабаровску «рассчитывать на получение хлеба из урожая текущего года нет оснований, так как навигация по Амуру закроется ранее, чем хлеб будет снят и переработан в муку», а поэтому комиссия постановила «вновь ходатайствовать перед канцелярией генерал-губернатора о разрешении вывоза из г. Благовещенска по всем возбужденным комиссией ходатайствам»¹⁷⁵.

В июле 1905 г. Благовещенская городская продовольственная комиссия постановила еще раз просить военного губернатора Амурской области о запрещении вывоза хлеба, ходатайство было удовлетворено, 15 июля 1905 г. Д.В. Путята телеграфировал приамурскому генерал-губернатору, что в Благовещенске к 15 июля зарегистрировано всего 307 тыс. пудов зерна, к вывозу выдано разрешений на 183 тыс. пудов, необходимо для приисков и казачьего населения 120 тыс. пудов, для обеспечения Благовещенска – 150 тыс. Таким образом, недостает для удовлетворения местных потребностей и для вывоза 424 тыс. пудов, в связи с чем Д.В. Путята просил указаний «оставить ли в области количество зерна, необходимое для ее обеспечения, если нет, то кому в каком количестве надлежит выдать удостоверения»¹⁷⁶.

Характерно, что тоже 15 июля приамурскому генерал-губернатору поступило прошение о вывозе из Благовещенска муки для крепости Владивосток, поскольку «во Владивостоке сильно

¹⁷⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 260.

¹⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 72.

¹⁷⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 29.

ощущается недостаток в муке, и цена на нее возросла до 8 рублей за пуд»¹⁷⁷.

23 июля 1905 г. городская продовольственная комиссия осмотрела пароходы «Кочубей», «Андрей», «Петербург» и нашла, что все они грузятся мукой и скотом по разрешениям на вывоз, выданным Амурским областным продовольственным комитетом, причем четыре разрешения выданы «уже при существовании запрещения на вывоз» в количестве 10 тыс. пудов муки. «Рассмотрев всё приложенное, Продовольственная комиссия в заседании 28 июля пришла к такому заключению, что раз запрещение вывоза является недействительным, то и деятельность Городской комиссии по наблюдению является бесплодной и, по-видимому, для Продовольственного комитета нежелательной, и поэтому постановила отказаться от сбора сведений о наличности предметов первой необходимости и наблюдения за их вывозом, о чем доложить городской думе и просить городского голову донести г-ну военному губернатору Амурской области»¹⁷⁸.

Можно только представить себе, каким невообразимым количеством злоупотреблений и взяток сопровождалась вся эта выдача разрешений канцелярией приамурского генерал-губернатора, Амурским областным продовольственным комитетом и другими подобными инстанциями, особенно если учесть, что заявки в два-три раза перекрывали наличное количество зерновых продуктов! Разрешить, запретить, снова разрешить, разрешить не всё, а часть. Разрешение должно быть получено от приамурского генерал-губернатора, от военного губернатора Амурской области, от Амурского областного продовольственного комитета, от Благовещенской городской продовольственной комиссии. Военный губернатор Амурской области запрещает вывоз, а приамурский генерал-губернатор снова разрешает, на пристани пароходы грузятся контрабандой (городской Продовольственный комитет запретил, а Амурский областной комитет разрешил), благовещенские мукомолы довольно потирают руки (муку на сторону можно продать

¹⁷⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 70.

¹⁷⁸ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 341 об.

в 2-3 раза дороже, чем в городе), городская управа драматически восклицает, что ничего не может сделать... Итог был предсказуем: 2 августа 1905 г. Д.В. Путята, вновь излагая цифры наличности зерна и овса, просил генерал-губернатора о «совершенном прекращении теперь же вывоза муки за пределы Амурской области»¹⁷⁹. Городская продовольственная комиссия 18 августа 1905 г. констатировала, что в г. Благовещенске закрыты все мучные лавки, кроме трех, и последние «не в состоянии будут удовлетворить потребностям всего населения». А причина дефицита в том, что мука продается местным спекулянтам и увозится из города. Было решено просить военного губернатора Амурской области запретить вывоз муки с мельниц и частных складов Благовещенска¹⁸⁰.

Дело с мукой разрешилось только в сентябре 1905 г., когда новый командующий Маньчжурской армией Н.П. Линевиц разрешил свободную покупку скота и провианта в Маньчжурии, 15 сентября 1905 г. приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий снял все запреты на вывоз продуктов из Амурской области и прекратил деятельность продовольственных комитетов¹⁸¹. С дефицитом продуктов было покончено.

Итак, как же можно оценить деятельность органов власти по решению продовольственного вопроса, и могла ли она быть более эффективной? Пожалуй, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы сделать ряд выводов. Во-первых, очевидно неэффективной оказалась стратегия местных органов власти по борьбе с повышением цен на продукты и товары посредством установления такс. Либо они оказывались слишком низкими и торговцы предпочитали сбывать товары в места, где за них можно было выручить более высокую цену (а в условиях дефицита такие места всегда находились), либо, наоборот, таксы удовлетворяли аппетиты торговцев, но совершенно не удовлетворяли население.

Во-вторых, столь же посредственную оценку можно поставить органам власти за решение продовольственного вопроса, чему, од-

¹⁷⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 30-30 об.

¹⁸⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 119-120.

¹⁸¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 74.

нако, были как субъективные, так и объективные причины. Очевидно, что местные органы власти (включая военных губернаторов) не могли повлиять на предоставление вагонов для перевозки необходимого для их населения продовольствия и предметов первой необходимости – им оставалось только писать бесчисленные ходатайства. При этом Сибирская железная дорога работала с огромным количеством случаев злоупотреблений и «просто головоуятия», а военное ведомство далеко не всегда шло навстречу и отпускало заведомо меньшее количество вагонов, чем требовалось. Это создавало огромный дефицит товаров, что мы видели на примере Забайкальской области и Иркутска. Не могли местные власти повлиять и на военное ведомство для ограничения закупок продовольствия в регионе интендантством и разрешения или запрещения коммерческих закупок в Маньчжурии. Как мы видели из представленных документов, широкие закупки продовольствия интендантством и запрет на вывоз из Маньчжурии хлеба для нужд населения послужили причиной жесточайшего продовольственного кризиса на Дальнем Востоке.

Попытки хоть как-то решить проблему, просто запретив вывоз товаров из конкретного города или области, наталкивались на то, что всегда находились «агенты низшего порядка». Так, из Амурской области продовольствие вывозилось в Приморскую область, из Приморской области – в северные уезды (Охотск, Анадырь, Камчатка и т. д.), из городов – в уезды, прииски и т. д. В конечном итоге получалось, что значительно уменьшившийся запас пытались более-менее справедливо распределить между всеми нуждающимися, но реально «побеждал» тот, кто проявлял большую настойчивость или как-то мог воздействовать на лица, принимавшие решения об отпуске / вывозе товаров. В Приамурском генерал-губернаторстве «конечной инстанцией» выступал приамурский генерал-губернатор, но на основании чего он принимал решения – остается только предполагать (и варианты личных связей или дачи взятки, например, лицам из канцелярии генерал-губернатора представляются тут наиболее достоверными). Наверняка не проходила без злоупотреблений и деятельность продовольственных комиссий (по крайней мере, в части выдачи разрешений на вывоз товаров). Но, с другой стороны, сами эти комиссии были поставлены между двух ог-

ней, когда одновременно, например, военный губернатор области требовал прекратить вывоз продуктов, а генерал-губернатор, напротив, требовал удовлетворить какие-то ходатайства. Городские думы еще и постоянно оказывались в условиях нехватки средств для закупки продовольствия (учитывая, насколько поднялись на них цены) и вынуждены были опять-таки просить продовольственные ссуды, которые далеко не всегда удовлетворялись.

В целом можно констатировать, что местная власть (включая приамурского генерал-губернатора и военных губернаторов областей) оказалась в годы Русско-японской войны в весьма неблагоприятном положении: устранить причины дефицита продуктов она не могла, справиться со спекуляцией местных торговцев и промышленников – тоже. Более того, в попытках решить продовольственную проблему власти пошли по пути создания дополнительных бюрократических структур (продовольственные комитеты и комиссии). С одной стороны, это кажется логичным (кто-то же должен фиксировать наличие продовольствия в условиях его нехватки?). С другой стороны, вместо устранения истинных причин дефицита (на что местные власти повлиять не могли) создавались некие дополнительные инстанции, имевшие право запретить или разрешить вывоз продовольствия. Соответственно, автоматически удлинялась бюрократическая цепочка, по которой должно было пройти прошение о выдаче продуктов, и увеличивалось количество злоупотреблений. В итоге возник реальный дефицит продуктов, с которым местные власти ничего сделать не могли. Справедливости ради стоит сказать, что на своем уровне каждая из ветвей власти пыталась снабдить «свое» население продовольствием, но, поскольку дефицит был огромным, в итоге разразилась «война всех против всех».

В целом на местном уровне можно отметить кризис управления: местные органы власти не смогли справиться с существующими проблемами в снабжении населения (резкий рост цен, дефицит или отсутствие необходимых продуктов и т. п.), в попытках решения данных проблем действовали старыми и явно неэффективными методами (создание дополнительных бюрократических структур), не имели реальных рычагов влияния на лиц, принимающих решения по поводу снабжения Сибири и Дальнего Востока.

Ситуация с неудовлетворительным снабжением населения региона продовольствием и предметами первой необходимости, в свою очередь, усиливала возникший в ходе войны социальный кризис (он будет подробно рассмотрен в следующем параграфе). Думается, для возникшей в регионе ситуации с продовольствием вполне подходит концепция кризиса, данная Ю. Хабермасом: «Кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для самой системы», но «лишь тогда, когда члены общества переживают структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе. <...> Кризисные процессы <...> возникают из неразрешенных проблем управления, <...> при этом проблемы управления чаще всего не осознаются действующими субъектами; однако они создают дальнейшие проблемы, которые специфическим образом влияют на их осознание»¹⁸².

Очевидно, что реальной инстанцией, которая могла повлиять на ситуацию со снабжением Сибири и Дальнего Востока, были центральные ведомства (Министерство финансов, Военное министерство, командование Маньчжурской армией и т. п.). Анализ приведенных источников показывает, что высшая власть (элита) в первую очередь думала о военных делах и в последнюю – о нуждах населения Сибири и Дальнего Востока. Главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин запретил вывоз из Маньчжурии продовольствия для нужд населения Дальнего Востока, спровоцировав жесточайший продовольственный кризис, и на все прошения отменить запрет отвечал отрицательно. Внешне это выглядит логично (нужды армии в условиях войны – превыше всего), но если принять во внимание, что Русско-японская война имела чисто имперский характер, то получается, что элита ради неких высших геополитических целей привычно жертвовала интересами населения. Более того, само снабжение армии осуществлялось настолько неэффективно (даже беглый взгляд на источники и сви-

¹⁸² Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практика, 2010. С. 10–19.

детельства очевидцев дает картину огромных потерь собранного продовольствия, фуража и обмундирования в ходе бесчисленных отступлений русской армии), что превратилось в «дурную бесконечность». Сведения об этом, содержащиеся в прессе (примеры будут приведены в главе 2, § 3), как минимум должны были поставить перед обывателем вопрос, чем является власть, которая обрекает свое население на значительное снижение потребления продуктов (а в ряде случаев и голод), при этом совершенно бездарно растрачивая собранные для нужд армии ресурсы.

Таким образом, Русско-японская война продемонстрировала сибирскому и дальневосточному обществу неэффективность и пагубность существующего строя, а также то, что высшая элита совершенно не настроена хоть как-то заботиться о нуждах населения. Последнее проявилось также в том, как власть отнеслась к проблеме семей запасных нижних чинов, это рассматривается подробно в следующем параграфе.

§ 3. ПРОБЛЕМА СЕМЕЙ ЗАПАСНЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ

Русско-японская война 1904–1905 гг. остро поставила на повестку дня проблему семей запасных нижних чинов. Поскольку при новой системе комплектования войск (всесловная воинская повинность) при мобилизации на действительную службу запасных нижних чинов семья теряла кормильца, Уставом о воинской повинности 1897 г. была предусмотрена выплата пособия членам семьи запасного (жена и дети, а также другие близкие родственники, если они были на иждивении запасного нижнего чина).

Русско-японская была первой после Военной реформы 1874 г. войной, во время которой состоялся масштабный призыв запасных. Только в Иркутской губернии в феврале 1904 г. из запаса было призвано 6152 человека и еще 2950 человек (ратников ополчения) призвали в июне 1904 г.¹⁸³ В Забайкальской области по Читинскому

¹⁸³ *Ширшов М.А.* Организация призрения семей воинских чинов, призванных на действительную службу в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 6 (22). С. 139.

округу на военную службу было призвано 3564 нижних чина, из них признано годными и отправлено в войска 3411 человек; по Верхне-Удинскому округу мобилизованы и зачислены в войска 3105 нижних чинов, дополнительно другими воинскими начальниками призвано 195 нижних чинов, железнодорожными комендантами призвано 123 нижних чина¹⁸⁴. В Амурском казачьем войске были сформированы Амурский казачий полк шестисотенного состава и Амурский казачий дивизион трехсотенного состава. Уссурийское войско в 1904–1905 гг. выставило Уссурийский казачий полк шестисотенного состава. В целом Забайкальское казачье войско на войну с Японией выставило в своих строевых частях свыше 15 тыс. человек, Амурское – 1687 человек, Уссурийское – около 1,5 тыс. человек¹⁸⁵.

Большинство запасных были вынуждены оставлять семьи, имея по несколько детей. Ситуацию с призывными из Сибири и Дальнего Востока усугубляло то, что значительная часть из них были недавними переселенцами. То есть люди прибыли на новое место, едва успели хоть как-то наладить хозяйство – и объявляется призыв. Поскольку при той системе хозяйствования мужчина был главным работником и кормильцем, а женщина занималась бытом и детьми, уход мужа на войну зачастую оборачивался для женщины катастрофой.

Для оценки положения семей, оставшихся без кормильца, целесообразно учесть такой важный фактор семейной экономики, как соотношение работающих и иждивенцев. В Сибирском военном округе в конце XIX в. группа кормильцев насчитывала 1550 тыс. человек, а состоящих при них домочадцев – 4543 тыс. человек; вовлеченность женщин в экономику была в 6,4 раза меньше, чем мужчин. Женщины гораздо меньше, чем мужчины, участвовали в пополнении семейного бюджета, что для многих из них означало отсутствие экономической самостоятельности и зависимость в семье от сильного пола, поэтому вдовство и потеря кормильца ставили

¹⁸⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 94.

¹⁸⁵ Голик А.А. Дальневосточное казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. / Новейшая история России. 2015. № 3. С. 26.

перед ними значительные финансовые проблемы. В Сибири мобилизация продолжалась в течение всего 1904 г. и по характеру соответствовала всеобщей, т. е. были призваны все запасные нижние чины, способные носить оружие, вне зависимости от категорий запаса и без льгот по какому-либо тяжелому семейному положению¹⁸⁶.

Как отмечает А.А. Голик, особенно пагубно война отразилась на положении дальневосточного казачества, поскольку в его рядах преобладали недавние переселенцы из других регионов России. Уже при переселении «семьи казаков столкнулись с небывалым количеством трудностей: недостаточностью первоначального пособия на обустройство хозяйством, обязательным поселением на неудачно избранных местах, большим количеством лежавших на казачьем населении натуральных повинностей, наводнениями, падежами скота, неурожаями и другими бедствиями, обрушившимися на поселенцев с самого начала. В итоге огромное количество семей практически сразу после переселения обнищало, попало в неоплатных размеров долги и в целом оказалось в крайне бедственном материальном положении»¹⁸⁷. Вступление же в войну с Японией «свело на нет все их достижения в области хозяйства и окончательно привело дальневосточных казаков к полному экономическому разорению»¹⁸⁸. Для казаков призыв был более тяжок экономически еще и потому, что они должны были обеспечивать себя необходимым обмундированием и снаряжением самостоятельно, причем стоимость полного комплекта амуниции казака равнялась приблизительно 10-летнему доходу¹⁸⁹. На время войны казачьи хозяйства лишались и лошади – основного транспортного средства и тягловой силы на селе. Строевые части казачьих войск Дальнего Востока к началу нового столетия были преимуществен-

¹⁸⁶ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 69.

¹⁸⁷ Голик А.А. Дальневосточное казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 24.

¹⁸⁸ Там же. С. 25.

¹⁸⁹ Там же.

но кавалерийскими, а каждый казак был обязан иметь строевого коня. Но, как правило, на лошадь для сельскохозяйственных работ денег у казачьей семьи уже не оставалось, поэтому в хозяйстве обычно была только одна лошадь, которая в мирное время использовалась для пашни, а в военное – в строю. Если казак уходил на войну, его хозяйство становилось безлошадным со всеми вытекающими последствиями.

В целом задача помощи семьям фронтовиков решалась в рамках деятельности созданных в административном порядке губернских (областных) и уездных распорядительных комитетов. В Сибири губернские и областные комитеты были организованы в Амурской, Приамурской, Семипалатинской, Акмолинской областях и Енисейской губернии, остальные территории обслуживались уездными и городскими (Омск, Петропавловск) комитетами.

В Томской губернии применялся явочный порядок назначения пособий (по личному заявлению). В Тобольской губернии обследование и постоянное наблюдение за положением и составом семей выполняли волостные старшины и согласно собранным ими документам пособия назначались без особых заявлений. В Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях с февраля по август 1904 г. комитеты получали сведения о нуждающихся от полицейских и сельских управлений. Затем эта часть работы сосредоточилась в уездных распорядительных комитетах, а за губернскими учреждениями осталось общее направление и контролирование уездных органов. Периодическое обследование положения семей практиковалось три раза в год, и в зависимости от результатов перерегистрации пособие назначалось вновь или его выдача прекращалась. В Иркутске по предложению губернского комитета по призрению семейств нижних воинских чинов задачи социальной помощи решал Дамский комитет при Российском обществе Красного Креста (РОКК)¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 72.

Среди источников финансирования кампании были как земские сборы, так и средства казны. В Томской губернии к середине июня 1904 г. из земских сборов на призрение семей запасных нижних чинов израсходовали 295 тыс. руб., в Тобольской – 55,5 тыс., в Иркутской – 97,5 тыс. руб. Средний размер государственного месячного пособия на семью колебался от 85 коп. в Минусинском уезде до 2 руб. 40 коп. в Иркутском уезде, а в Западной Сибири составлял 1 руб. 40 коп.¹⁹¹ В Амурской области на продовольственную помощь семьям запасных к концу октября 1904 г. из земских сумм области было отпущено 15 тыс. руб., а из средств казны – 68 250 руб.¹⁹² По Приамурскому генерал-губернаторству с февраля 1904 г. по январь 1905 г. на призрение семей запасных нижних чинов было ассигновано 433 781 руб., в том числе по Приморской области – 168 918 руб., по Амурской области – 101 250 руб., Забайкальской области – 158 613 руб., острову Сахалин – 5000 руб.¹⁹³

Но этих средств, как показала практика, оказалось недостаточно. К тому же область применения государственного пособия была достаточно узкой: нуждающимся солдаткам выдавали так называемые «квартирные деньги» (деньги на наем квартиры с отоплением, если в этом была необходимость), а также продовольственный паек или заменяющую его сумму. Для выдачи квартирных денег в городах и селениях местные органы самоуправления (городские думы и др.) должны были изыскивать средства из местного бюджета.

Так, Владивостокская городская дума на заседании 26 января 1904 г. постановила на наем квартир для семейств призванных запасных нижних чинов ассигновать из запасного капитала 3000 руб. и выдавать каждой семье в месяц от 5 до 7 руб.¹⁹⁴ На заседании 16 ноября 1904 г. было решено дополнительно ассигновать для этих нужд 5000 руб. (из средств запасного капитала)¹⁹⁵. Хабаровская городская дума на заседании 29 января 1904 г. приняла решение ас-

¹⁹¹ Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 14.

¹⁹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 96.

¹⁹³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 86 об.

¹⁹⁴ РГИА ДВ. Ф. 159. Д. 54. Л. 38

¹⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. 159. Д. 54. Л. 40.

сигновать из запасного капитала тысячу рублей на «удовлетворение квартирным довольствием и пособиями семейств призванных на службу запасных нижних чинов»¹⁹⁶, но уже к весне вынуждена была ходатайствовать о предоставлении специальной ссуды на выдачу квартирных денег. Ссуда в размере 3000 руб. была получена в апреле 1904 г.¹⁹⁷, однако в августе 1904 г. Хабаровской думе вновь пришлось изыскивать средства на наем квартир; в итоге было принято решение ассигновать для этих целей 2500 руб. из запасного капитала¹⁹⁸. Даже этих средств было недостаточно, поскольку квартиры в Хабаровске были очень дорогие: однокомнатная квартира на окраине без мебели, дров и воды стоила 15 руб. в месяц, такая же в центре – 30 руб.¹⁹⁹

По сведениям, которыми располагало Министерство внутренних дел к ноябрю 1906 г., в Сибирском военном округе за годы войны жилищные субсидии получили более 87 тыс. семей, города на эти цели затратили свыше 228 тыс. руб.²⁰⁰

Вышестоящие власти требовали, чтобы помощь оказывалась только тем семьям и лицам, у которых нет собственных средств к существованию, поэтому в пособия многим женщинам отказывали (например, тем, у кого был деверь (брат ушедшего на войну мужа), или проживавшим с родителями).

Как уже отмечалось выше, в Забайкальской области было призвано на военную службу и отправлено в части свыше 6,5 тыс. нижних чинов. При этом число семейств запасных нижних чинов, получающих от казны пособие, в Забайкальской области составляло 2442 (то есть всего треть) с общим числом душ 7221. До апреля 1904 г. им было выдано 24 685 руб. 4 коп. из сумм губернской земской повинности, а с апреля по ноябрь 1904 г., после ассигнования специального кредита, на пособия этим семьям было израсходова-

¹⁹⁶ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. д. 76а. Л. 11.

¹⁹⁷ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. д. 76а. Л. 21.

¹⁹⁸ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. д. 76а. Л. 54.

¹⁹⁹ Восточное обозрение. 1904. № 173 (22 июля).

²⁰⁰ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 74.

но 150 882 руб. При этом пособия выдавались только тем семьям запасных, которые «не имеют достаточно собственных средств к существованию»²⁰¹. Удельный вес призываемых семей к общему числу призванных на войну с Японией составил 64,8 % в Томской губернии, 77,9 % – в Тобольской, 60,7 % – в Иркутском генерал-губернаторстве (Енисейская и Иркутская губернии, Якутская область)²⁰².

О том, что в Забайкальской области во многих станицах семьи запасных не получали пособие или получали его с произвольными вычетами атаманами, которые удерживали пособие в уплату недоимок и долгов ушедших на войну казаков, обрекая казачек на нищету, неоднократно писали местные органы печати, в том числе ведущие повременные издания «Сибирская жизнь» и «Восточное обозрение»²⁰³.

В Восточной Сибири в целом отмечалось «беспорядочное отношение к делу призрения сельских властей», которое выразилось «в постоянных задержках выплаты пособий и в небрежном обследовании состояния семей»²⁰⁴. Положение усугублялось неудобным порядком выдачи пособий (приходилось ездить в «известный пункт по особой повестке»), потребностью уйти с работы или оставить хозяйство ради оформления документов, где-то пристроить детей на это время, фактической невозможностью воспользоваться гужевым транспортом из-за его отсутствия или финансовой недоступности. В Енисейской губернии были расхищены казенные средства, ассигнованные на пособия (500 руб. 64 коп. в Перовском и 152 руб. 62 коп. в Троицко-Заозерном волостных правлениях). При выдаче пособия от солдаток часто «требовали угощения и платы за расписки за не-

²⁰¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 94.

²⁰² Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 72.

²⁰³ Восточное обозрение. 1904. № 111 (11 мая), № 209 (2 сентября); Сибирская жизнь. 1904. № 230 (21 октября), № 241 (4 ноября).

²⁰⁴ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 72.

грамотных». Жители села Балахтинское так оценили шансы пересмотра неправильно принятых местными учреждениями решений о приостановке или об отказе назначения выплат: «трудно, убыточно и почти нет возможности как по недоступности на запись к должностным лицам, так и по отсутствию грамотных взрослых»²⁰⁵.

Примерно такая же картина, по описаниям прессы, наблюдалась и в других местах Сибири и Дальнего Востока. Так, в апреле 1904 г. газета «Байкал» писала, что семьям запасных вообще не выдают пособия, мотивируя это тем, что «нет списков», «нет распоряжения» и т. п. Солдатки и их дети голодали, в школе учительница кормила детей обедом за свой счет (это на 20-рублевое жалование!), потому что не могла смотреть, как дети падали в голодные обмороки²⁰⁶. «Восточное обозрение» писало, что в селениях Тугутуй и Оса семьям запасных три месяца не выдавали пособия, многим в нем вообще отказали, хотя семьи крайне нуждались²⁰⁷, а в Назаровской волости Енисейской губернии пособие выдали, но всего по 1 руб. 11,5 коп. на душу, что оказалось крайне недостаточно; в с. Голуметь Балаганского уезда на 200 чел. семей запасных пришлось всего 160 руб., собранных волостным обществом, но «это пособие за 3 месяца далеко не удовлетворяет вопиющей нужды»; в селе Рачитуйа при посещении семей запасных нижних чинов на Пасху было обнаружено, что дети и жены не ели два дня; в Балаганском уезде Иркутской губернии к маю 1904 г. пособие еще ни разу не выдали, чему виной была канцелярская волокита²⁰⁸.

Отсутствие выплат пособий газеты отмечали также в Троицко-Заозерной волости, в селе Шимкинское Иркутской губернии, в Каинске, в Минусинском уезде и других местах. Повсеместны были также жалобы на недостаток отпускаемого пособия и на то, что его дают только части нуждающихся. Общественность была вынуждена спасать от голодной смерти некоторые семьи. В с. Зиминское после

²⁰⁵ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 73.

²⁰⁶ Цит. по: Восточное обозрение. 1904. № 91 (17 апреля).

²⁰⁷ Восточное обозрение. 1904. № 102 (30 апреля).

²⁰⁸ Восточное обозрение. 1904. № 104 (2 мая), № 111 (11 мая).

мобилизации 45 запасных нижних чинов осталось 178 членов семей, однако к 10 мая 1904 г. денег от государства еще не поступало, сельский сход собрал 50 руб. и раздал нуждающимся; 25 мая 1904 г. в с. Кутулик Балаганского уезда молодежь провела спектакль в пользу семей запасных нижних чинов, и собранные деньги через местного священника были розданы наиболее нуждающимся семьям²⁰⁹.

«Восточное обозрение» приводило на своих страницах и пример того, как отказ в выдаче пособия «на законных основаниях» обрекал солдаток на разорение. Так, в с. Воробьево Киренского уезда в очень сложном положении оказалась семья крестьянина Ивана Ступина. Иван ушел на войну, оставив беременную жену и сына пяти лет. Поскольку жена числилась «за деверем» (братом Ивана Прокопием), в выдаче пособия ей было отказано. Между тем Прокопий сам был болен, имел сына 11 лет и дочь 14 лет. В семье еще жила престарелая мать. Работника нанять было не на что. В итоге Прокопий в одиночку вспахал надел, сколько смог поднять, в жатве помогали дочь и сын (подростки). Другие работы семья потянуть уже не смогла. Вынуждены были нанять работника, а чтобы заплатить ему, продали корову. На уплату податей пришлось продавать другую, так что в будущем семью ждало полное разорение. И таких семей, по словам корреспондента газеты, было много²¹⁰.

Были неравномерны и размер пособия, и охват семей по разным уездам и областям. Например, Забайкальский областной комитет с 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г. собрал 25 151 руб. и израсходовал 18 288 руб., но только две трети этих средств ушло на действительную поддержку семей запасных, а также вдов и сирот Баргузинского, Селенгинского и Читинского уездов²¹¹.

Недостатки и ошибки в выдаче «казенных» пособий были столь вопиющими, что восточносибирский генерал-губернатор граф

²⁰⁹ *Ширшов М.А.* Организация призрения семей воинских чинов, призванных на действительную службу в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Вопросы студенческой науки. 2018. № 6 (22). С. 142.

²¹⁰ Восточное обозрение. 1904. № 229 (25 сентября).

²¹¹ *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала 20 века. Кемерово, 2003. С. 91.

П.И. Кутайсов обратился с циркулярным предложением о выдаче пособий только на основе действительного изучения экономического состояния семей, каковое предлагал возложить на местных крестьянских начальников. Существующая практика выдачи пособий семьям запасных уездными начальниками на основе формальных признаков явно не срабатывала. Например, пособие не выдавалось, если в семье оставался хотя бы один работник – и это при том, что зачастую ему предстояло обеспечить, кроме своей собственной, еще две или три семьи братьев²¹².

Т.А. Катцина в качестве причин неудовлетворительной выдачи казенных пособий называет недостатки как общей нормативно-правовой базы, так и местного административного устройства. «Особенности местного административного и общественного устройства, заключающиеся в отсутствии в Сибири земских учреждений, отразились неблагоприятно на постановке призрения семей запасных нижних чинов и ратников ополчения, поскольку эти задачи возлагались на волостные и сельские правления “допотопной организации и типа”, на крестьянских начальников и земскую полицию. Слабое государственное регулирование в сфере стандартов общественного призрения создало диспропорции в уровне социальной помощи, ее доступности для населения в зависимости от места проживания. Многие решения по отдельным случаям представляли собой “решения по усмотрению”, определяемые местными властями по собственным правилам. Дополнительные меры призрения принимались в незначительных размерах, прежде всего из-за скудных финансовых возможностей городских и сельских обществ, нехватки людских ресурсов и отсутствия достаточной школы “общественной жизни”»²¹³.

При этом большинство начальствующих лиц предпочитало писать бодрые рапорты на тему призрения семей запасных. Военный губернатор Амурской области Д.В. Путята в докладе от 28 октября

²¹² Восточное обозрение. 1905. № 32 (8 февраля).

²¹³ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 76.

1904 г. сообщал, что призрение семейств запасных нижних чинов «выразилось в оказании продовольственной помощи... с заменой выдачи натурою муки, крупы и соли выдачею деньгами по справочным ценам на эти предметы в районах, в которых проживают семьи запасных нижних чинов. Денежного пособия взамен провианта выдается на каждого члена семьи запасного в месяц в крестьянских и казачьем округах от 2 руб. 20 коп. до 3 руб. 25 коп., а в городе Благовещенске 2 руб. 52 коп. На продовольственную помощь по настоящее время отпущено из земских сумм области 15.000 рублей и из средств казны 68.250 рублей. Количество семей запасных нижних чинов, пользовавшихся... продовольственной помощью, достигало в крестьянском округе: в I-м участке 107 семей в количестве 416 душ, во II-м – 168 семей, 566 душ, в III-м – 39 семей, 125 душ и в IV-м – 154 семей, 512 душ, в казачьем районе 89 семей, 201 душа, а в городе Благовещенске 771 семья, 1984 души. Сельские и казачьи общества не имеющим собственных жилищ семьям запасных нижних чинов отвели квартиры натурою с отоплением и освещением, что же касается города Благовещенска, то Городская Управа на основании постановления Городской Думы взамен отвода квартир натурою выдает, начиная с февраля месяца, квартирные деньги по расчету 2 рубля в месяц на взрослого и по 1 рублю на ребенка. За период времени с февраля по 1 октября 1904 г. выдача Городской Управой квартирных денег доходила в месяц до 551 семьи в количестве 1437 душ, а в среднем в месяц 509 семьям в составе 1384 человек, и за это время израсходовано на квартирное довольствие городским сумм 15.171 рубль»²¹⁴.

Между тем Благовещенская городская дума отказывалась выдавать квартирные деньги семьям запасных нижних чинов, имеющим собственные дома и пособия на отопления, признавая «расход на выдачу квартирных денег семействам запасных нижних чинов весьма обременительным для городского бюджета»²¹⁵. «Амурская газета» сообщала, что пособия семьям запасных задерживают «по целым месяцам». Но даже в тех случаях, когда пособие выдавалось,

²¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 96.

²¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 130.

его размер был явно недостаточен. Ведомости выдачи пособий семьям запасных нижних чинов по Амурской области за 1905 г. показывают следующую картину (табл. 5)²¹⁶.

Таблица 5

Выдача пособий семьям запасных нижних чинов Амурской области в 1905 г.

Количество семей и суммы пособий	Бельская волость	Томская волость	Красноярковская волость
Количество семей, получивших пособие в январе	103	-	55
Сумма пособия в январе	1000 руб. 35 коп.	-	556 руб. 80 коп.
Количество семей, получивших пособие в феврале	103	23	55
Сумма пособия в феврале	1006 руб. 5 коп.	208 руб. 38 коп.	556 руб. 80 коп.
Количество семей, получивших пособие в марте	103	23	54
Сумма пособия в марте	1006 руб. 5 коп.	208 руб. 38 коп.	544 руб.
Количество семей, получивших пособие в апреле	102	23	53
Сумма пособия в апреле	997 руб. 50 коп.	214 руб. 42 коп.	537 руб. 60 коп.
Количество семей, получивших пособие в мае	102	24	53
Сумма пособия в мае	997 руб. 50 коп.	241 руб. 60 коп.	566 руб. 16 коп.

²¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 718. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об., 20 об., 32 об., 41 об., 43, 55 об., 62 об., 67, 77 об., 81, 89 об., 139, 148 об., 154 об., 164 об., 174 об., 177, 182, 191 об., 201 об., 213 об., 221 об., 226 об., 258, 264 об., 299, 336, 343, 345, 364 об., 374, 377, 403, 408, 410.

Окончание табл. 5

Количество семей и суммы пособий	Бельская волость	Томская волость	Красноярковская волость
Количество семей, получивших пособие в июне	102	24	53
Сумма пособия в июне	997 руб. 50 коп.	229 руб. 52 коп.	566 руб. 16 коп.
Количество семей, получивших пособие в июле	102	24	54
Сумма пособия в июле	1175 руб. 49 коп.	239 руб. 25 коп.	613 руб. 61 коп.
Количество семей, получивших пособие в августе	102	24	53
Сумма пособия в августе	1178 руб. 82 коп.	226 руб. 50 коп.	592 руб. 85 коп.
Количество семей, получивших пособие в сентябре	97	24	51
Сумма пособия в сентябре	1118 руб. 88 коп.	226 руб. 50 коп.	571 руб. 55 коп.
Количество семей, получивших пособие в октябре	97	23	50
Сумма пособия в октябре	1118 руб. 88 коп.	217 руб. 44 коп.	535 руб. 8 коп.
Количество семей, получивших пособие в ноябре	97	21	50
Сумма пособия в ноябре	1068 руб. 48 коп.	193 руб. 28 коп.	490 руб. 62 коп.
Количество семей, получивших пособие в декабре	52	19	14
Сумма пособия в декабре	496 руб. 8 коп.	175 руб. 16 коп.	144 руб. 55 коп.

Как видно из табл. 5, количество семей по волостям, получавших пособие, менялось незначительно (кроме декабря), сумма пособий немного колебалась (обычно в сторону увеличения). В среднем на двоих членов семьи в феврале-июне 1905 г. выделялось 6 руб. 4 коп., на троих – 9 руб. 6 коп., на четверых – 12 руб. 8 коп. и т. д.; в июле-сентябре 1905 г. на двоих членов семьи выделялось в среднем 7 руб. 10 коп., на троих – 10 руб. 65 коп., на четверых – 14 руб. 20 коп. и т. д. Размер пособия рассчитывался исходя из объема положенного продуктового пайка (1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли). Суммы пособий начислялись исходя из справочных цен на основные продукты и размера оплаты труда работника. Об этом дает представление табл. 6, составленная по ведомостям справочных цен²¹⁷.

Таблица 6

Справочные цены на основные продукты и на наем работника в 1905 г.

Волости	Мука ржаная, четверть (8 пудов)	Мука яричная, четверть (8 пудов)	Сено, пуд	Мясо, пуд	Дневная плата работнику с лошадей	Соль, пуд
Апрель 1905 г.						
Бельская волость	-	10 руб. 8 коп.	32 ½ коп.	8 руб.	3 руб. 90 коп.	3 руб. 75 коп.
Томская волость	9 руб. 50 коп.	-	22 ½ коп.	5 руб. 75 коп.	1 руб. 92 коп.	4 руб. 80 коп.
Красноярская волость	-	10 руб. 40 коп.	25 коп.	-	2 руб.	3 руб.
Июнь 1905 г.						
Бельская волость	-	10 руб. 8 коп.	32 ½ коп.	9 руб. 50 коп.	4 руб. 40 коп.	3 руб. 75 коп.
Томская волость	9 руб. 50 коп.	-	22 ½ коп.	5 руб. 75 коп.	1 руб. 92 ½ коп.	4 руб. 80 коп.

²¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 718. Оп. 1. Д. 2. Л. 82, 91, 93, 155, 157, 175, 180, 192, 203, 215, 223, 224, 265, 275, 297, 326, 327, 337, 365, 375.

Продолжение табл. 6

Волости	Мука ржаная, четверть (8 пудов)	Мука яричная, четверть (8 пудов)	Сено, пуд	Мясо, пуд	Дневная плата работнику с лошастью	Соль, пуд
Июль 1905 г.						
Бельская волость	-	11 руб. 20 коп.	32 ½ коп.	10 руб. 50 коп.	4 руб. 55 коп.	4 руб.
Томская волость	11 руб.	-	22 ½ коп.	9 руб. 50 коп.	2 руб. 87 ½ коп.	4 руб. 80 коп.
Красно- ярковская волость	-	11 руб. 20 коп.	25 коп.	-	2 руб. 70 коп.	4 руб. 80 коп.
Август 1905 г.						
Бельская волость	-	11 руб. 20 коп.	27 ½ коп.	11 руб. 50 коп.	5 руб. 20 коп.	4 руб.
Томская волость	10 руб.	-	22 ½ коп.	9 руб. 50 коп.	2 руб. 87 ½ коп.	4 руб. 80 коп.
Красно- ярковская волость	-	11 руб. 20 коп.	25 коп.	-	2 руб. 70 коп.	4 руб. 80 коп.
Сентябрь 1905 г.						
Бельская волость	-	11 руб. 20 коп.	27 ½ коп.	10 руб. 50 коп.	4 руб. 50 коп.	4 руб.
Томская волость	11 руб.	-	22 ½ коп.	9 руб. 50 коп.	2 руб. 87 ½ коп.	4 руб. 80 коп.
Красно- ярковская волость	-	11 руб. 20 коп.	25 коп.	-	2 руб. 70 коп.	4 руб. 80 коп.
Октябрь 1905 г.						
Бельская волость	-	11 руб. 20 коп.	22 ½ коп.	9 руб.	3 руб. 90 коп.	4 руб.
Томская волость	-	11 руб.	22 ½ коп.	9 руб. 50 коп.	2 руб. 87 ½ коп.	4 руб. 80 коп.

Окончание табл. 6

Волости	Мука ржаная, четверть (8 пудов)	Мука яричная, четверть (8 пудов)	Сено, пуд	Мясо, пуд	Дневная плата работнику с лошастью	Соль, пуд
	Ноябрь 1905 г.					
Бельская волость	-	11 руб. 20 коп.	24 коп.	9 руб.	3 руб. 60 коп.	2 руб. 50 коп.
Томская волость	11 руб.	-	22 ½ коп.	9 руб. 50 коп.	2 руб. 37 ½ коп.	4 руб. 80 коп.
Красноярская волость	-	10 руб.	25 коп.	-	1 руб. 90 коп.	2 руб. 60 коп.

Как легко заметить из сравнения данных, выданные семье на месяц деньги худо-бедно покрывали расходы на продукты, но их могло хватить всего на несколько дней работы наемного работника (наем безлошадного работника обычно стоил вполтину меньше, чем наем работника с лошастью, но всё равно получалось 1-2 руб. в день). Дороже всего было нанять работника в Бельской волости, но суммы пособий на семью, выдававшиеся там, лишь незначительно превышали суммы пособий в Томской и Красноярской волостях. При этом надо иметь в виду, что справочные цены – это цены согласно установленной таксе. В реальности они, как правило, были выше.

В Сибири в среднем цена на рабочие руки в страду 1904 г. составляла 1 руб. в день, но по отдельным областям была больше (в Красноярском крае минимум 1 руб. 25 коп. в день, в Иркутской губернии за уборку десятины хлеба платили 10 руб. и т. д.). В 1905 г. цены на рабочие руки выросли еще больше. Например, в Енисейской губернии за уборку сотни копен просили 35 руб. Средний размер месячного государственного пособия в Сибири, как уже говорилось, колебался от 1 до 2 руб. на душу. Так что и здесь официального пособия хватало только на то, чтобы оплатить несколько дней работы наемного работника. В этих условиях вести хозяйство солдатки могли только с помощью односельчан или родственников

(если они были), но далеко не всегда ее получали. «Сибирская жизнь» на своих страницах приводила следующую картину жизни села летом 1904 г.: «Надежда на урожай плохая. Стоит засуха. Рабочие руки страшно дороги, каждому хозяину хочется хоть немного, хоть плохой да вовремя убрать урожай. Солдатки не знают, что делать с посеянным хлебом, разводят лишь руками да ходят по соседям»²¹⁸. Примерно ту же ситуацию описывала газета «Забайкалье». С уходом на войну казаков некоторые семьи остались совсем без работников, убирать хлеб некому: «Многие семейства и теперь уже не имеют хлеба для пропитания, а продать нечего, хлеб же у нас дорогой – 2 руб. яричная мука. Выданное 100 руб. пособие издержано»²¹⁹.

Неудивительно в связи с этим, что канцелярии были буквально завалены прошениями, касающимися вопросов выплаты пособий и возможности отпустить мужа в отпуск. Для примера можно привести несколько прошений из канцелярии военного губернатора Амурской области. Некоторые из них представляют собой настоящие литературные шедевры. Например, жена ефрейтора К. Гейко из деревни Климовка Бельской волости Амурской области Пелагея Акакиевна Гейко писала на имя генерал-губернатора Амурской области 15 ноября 1904 г.: «По призыву моего мужа на службу я осталась больная с пятью малолетними детьми, старшему из коих 12 лет. Небогатое и раньше наше хозяйство приходит теперь в совершенный упадок, и мне с детьми предстоит перспектива умереть с голоду или идти по миру, несмотря на то что есть свой хлеб – но он стоит немолоченный. Благодаря милости доброго Государя и справедливости правительства я, получая небольшое вспомоществование от казны, прилагала все усилия на борьбу за существование, но женская сила ослабла и я, находясь в безвыходном положении, прибегаю теперь к Вашему Превосходительству с всенижайшей, слезной просьбой ради малых детей, моей болезни, ради человеколюбия и Господа Бога, сделайте зависящее от Вас распоряжение, предпишите куда следует об временном отпуске моего мужа

²¹⁸ Сибирская жизнь. 1904. № 170 (6 августа).

²¹⁹ Цит. по: Сибирская жизнь. 1904. № 188 (28 августа).

на срок, какой Вашему Превосходительству угодно будет назначить, для поправления распатанного хозяйства, для исполнения накопившихся работ по хозяйству и для молотьбы, дабы мы не жили без куска хлеба – после чего мой муж с новой энергией старательно и добросовестно будет исполнять долг Царской службы»²²⁰.

Канцелярия военного губернатора Амурской области запросила у крестьянского начальника справки об имущественном и семейном положении семьи Гейко (это была обычная практика по получении прошения). Крестьянский начальник донес, что у семьи Гейко 3 лошади, 2 коровы, посеяно 5 десятин хлеба. Детей имеется пятеро, от двух до двенадцати лет. Пособие от казны – 17 р. 10 коп. Сама Пелагея здорова, а «ее муж в ноябре проживал дома 4 дня и всё время пьянствовал»²²¹. На этом основании было признано, что Пелагея Гейко ни в чем не нуждается.

Очень много было жалоб на то, что пособие не выдается. Также были жалобы, что пособие было назначено позже установленного законом срока или внезапно перестало начисляться. Жаловались и на то, что денег, получаемых за счет пособия, не хватает. Далее следовали просьбы выдать или увеличить вспомоществование. Аргументом солдаток фактически везде было то, что у них на руках малолетние дети и они не могут сами зарабатывать себе средства к жизни.

Например, жена солдата Венедикта Скитина М. Скитина из Благовещенска писала в прошении в декабре 1904 г.: «Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение, не откажитесь, выдайте мне квартирных денег. Я хотя и получаю пособие в размере 10 р. 8 коп., но таковых денег даже на очень необходимые расходы не хватает, потому что у меня трое детей и я четвертая. А собственных средств не имею, и существование нашей семьи всецело зависит от мужа, каковой по высочайшей воле призван в ряды войска, потому и покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие не оставить моей просьбы без внимания»²²².

²²⁰ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 2. Л. 104-104 об.

²²¹ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 2. Л. 105-105 об.

²²² РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

Чтобы понять, на что могло хватить пособия в 10 руб., можно привести цены по г. Благовещенску на январь–февраль 1905 г. (согласно утвержденным таксам): пуд муки 1-го сорта стоил 2 руб., 2-го сорта – 1 руб. 80 коп., 3-го сорта – 1 руб. 60 коп., пуд гречневой крупы – 3 руб., пуд риса американского – 4 руб. 60 коп. в январе и 4 руб. 70 коп. в феврале, пуд китайского риса 3 руб. 50 коп. в январе и 3 руб. 60 коп. в феврале, пуд соли – 2 руб., мясо 1-го сорта – 21 коп. за фунт, мясо 2-го сорта – 19 коп. за фунт (410 г)²²³. Приведенные цены – это цены по таксе, в реальности купить по ним товар зачастую было невозможно и приходилось покупать на черном рынке по спекулятивным ценам.

Хуже всего было солдаткам, которые вообще не получали пособие или получали его только часть срока. Их прошения – буквально вопль о помощи. Так, жена Петра Вершинского, рядового 5-й роты 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, Аграфена писала в январе 1905 г., что вместе с сыном двух с половиной лет «осталась здесь в Благовещенске без всяких средств к существованию», так как с ребенком «меня никто в прислуги не берет, чем могла бы зарабатывать себе средства к жизни», и просила назначить ей пособие²²⁴.

Жена унтер-офицера Евдокия Петровна Шишова писала в феврале 1905 г., что ее мужа призвали, сама имеет двоих малолетних детей, сначала получала пособие «на какое я все-таки кое-как сводила концы с концами», но с мая 1904 г. пособие перестали выдавать, и 8 месяцев она денег не получала, задолжала за квартиру и т. д. Просила выдать ей пособие с мая 1904 г. по февраль 1905 г.²²⁵

Солдатка Татьяна Петровна Осипова жаловалась военному губернатору Амурской области в прошении от 7 февраля 1905 г., что мужа призвали, она осталась с малолетним сыном без всяких средств к существованию, пособия не получала, вынуждена была занимать деньги «на прокормление себя и сына», а в настоящее время, не имея никакой возможности «рассчитаться с одолживши-

²²³ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 82–83.

²²⁴ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

²²⁵ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

ми мне людьми», просит выдать ей пособие за 1904 г. и выдавать в дальнейшем²²⁶.

Жена фельдшера М. Иванова Елена Степановна Иванова писала в прошении в марте 1905 г., что пособие выдавали первые два месяца, а потом стали выдавать только квартирные деньги (2 руб. в месяц): «находясь в очень затруднительном материальном положении, прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о выдаче мне кормовых денег»²²⁷.

Жена рядового Ивана Тарбтьева Евдокия Ивановна Тарбтьева, проживавшая в г. Благовещенске, писала 17 июня 1905 г. в своем прошении, что муж был призван в армию в феврале 1904 г., имеет двоих дочерей, младшей один год и пять с половиной месяцев: «При такой маленькой дочери трудом заработать средства к жизни я не имею возможности». Далее Евдокия пишет: «Имела деньги и имущество и со дня призыва в г. Харбин мужа я издержала всё до копейки в течение 4-х месяцев и уже, оставшись в нищете, видя, что другим солдаткам дают вспомошествование, просила и теперь таковое получаю; но растраченное имущество и деньги из вспомошествования 11 р. 56 к. уже возратить прожитое не могу, а поэтому, Ваше Превосходительство, за эти минувшие 4 месяца, февраль, март, апрель и май минувшего 1904 г., прошу разрешить выдачу мне пособия для покупки обуви и платья, ибо осталась голая в нищете, как Ваше Превосходительство и увидите»²²⁸.

Жена Константина Петрова Пацулова Наталья Алексеевна Пацулова писала военному губернатору Амурской области 22 июня 1905 г., что после призыва мужа осталась с двумя маленькими детьми при отце мужа, но «в настоящее время отец его уехал, у меня на руках третий ребенок 11 месяцев, кроме прежних двух. Ходить на работу при трех маленьких нет возможности, да никто и не принимает», и также просила выдать ей пособие²²⁹. Проведенное обследование подтвердило, что Наталья Пацулова имеет троих детей (11 месяцев, 2 года и 3 года), живет поденным трудом, за квартиру

²²⁶ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.

²²⁷ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.

²²⁸ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 268.

²²⁹ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 346.

платит 2 руб. 50 коп. в месяц, «средств к жизни никаких более не имеет, родственников тоже», а потому может быть признана нуждающейся в помощи²³⁰.

Все эти и им подобные прошения (а их были сотни), с одной стороны, рисуют трагедию обычных людей в годы войны, а с другой – иллюстрируют явную неэффективность действий власти. Нетрудно себе представить, что мог чувствовать солдат, отправленный на поля Маньчжурии ради непонятной для него войны, видя бездарность командования и получая из дома письма о том, как бедствует его семья.

Периодически прошения подавали сами солдаты. Например, запасной рядовой Климентий Степанович Решетников писал в своем прошении на имя приамурского генерал-губернатора в июне 1905 г., что был призван в г. Харбин, двое детей и теща остались в г. Благовещенске. Пособия не получали, так как «не имели документа о призыве меня на службу. Означенного документа я выслать не мог, т.к. находился в Порт-Артуре». Просил «удовлетворить причитающимся пособием моих двух детей и тещу, т.к. оставленное мною имущество всё ушло на пропитание их»²³¹.

Ефрейтор пешей охотничьей команды 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Тимофей Лоскутов писал начальнику пешей команды в декабре 1904 г., что был призван, а его жена Елена с двумя малолетними детьми осталась в Благовещенске. «Все оставшиеся семейства нижних чинов получают квартирные деньги и кормовое пособие, мое же семейство квартирных денег совсем не получает, а кормовое довольствие начало получать только с 1 июля, а не со дня поступления меня в ряды войска, т.е. с 12 февраля с.г. Ввиду всего вышеизложенного прошу ходатайства Вашего Благородия об удовлетворении моего семейства положенным от казны довольствием»²³².

Показательно, как и сколько это прошение ходило по инстанциям. Начальник пешей команды прошение Тимофея Лоскутова передал командиру 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка,

²³⁰ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 349.

²³¹ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 228.

²³² РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.

тот передал его амурскому уездному начальнику, а он, в свою очередь, в Благовещенский комитет по призрению семейств запасных нижних чинов, далее прошение было передано полицмейстеру г. Благовещенска с запросом обследовать имущественное положение жены Лоскутова. Полицмейстер обследовал семью Лоскутова и вынес вердикт о необходимости «выдать названному семейству кормовые деньги в сумме 7 р. 56 к. на три человека»²³³. Вся эта переписка длилась три с половиной месяца.

Поскольку казенных пособий, даже если они исправно выдавались, явно не хватало, власти поощряли общественную благотворительность (и даже призывали к ней). Об этом же писала и местная пресса. Так, уже через несколько дней от начала войны на страницах «Сибирской жизни» были опубликованы две программные статьи: «Во имя долга» (в номере от 5 февраля 1904 г.) и «К матерям» (в номере от 6 февраля 1904 г.). В первой статье автор обращался к томичам с призывом «исполнить гражданский долг»: в то время как «лучшие из сибиряков собираются под военные знамена во имя долга», у оставшихся есть иной долг, гражданский – поддержать семьи тех, кто ушел на войну. Приводились и факты бедственного положения многих семей, чьи кормильцы были призваны из запаса: «женщина осталась с шестью малолетними детьми»; «осталась одна старуха-мать»; «остался ребенок-сирота» и т. д.²³⁴

В статье «К матерям» автор (женщина) также приводила печальные факты (муж ушел, оставив жену с девятью детьми и стариками-родителями, и т. д.) и призывала женщин «обеспеченного класса» помочь бедствующим: «В минуту, когда поднимается гигант – наша родина, когда ей нужны все ее лучшие, здоровые, молодые силы, мы, женщины, можем принести ей существенную пользу... Если мы сплотимся и дружно принесем свою лепту – будет ли это грош, копейка, рубль или личный труд женщины, более располагающей досугом, – мы многое можем сделать для несчастных детей, оставшихся часто после ухода кормильца семьи без куска хлеба»²³⁵.

²³³ РГИА ДВ. Ф 718. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

²³⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 28 (5 февраля).

²³⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 29 (6 февраля).

Аналогичные призывы звучали и со страниц других региональных газет. Например, редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов писал: «Одних земских средств мало, государственная казна задолжена военными расходами – остается, следовательно, помощь общества в широком смысле этого слова... Необходимо, как и в тяжелые годы голода, чтобы общество в целом откликнулось на горькую нужду и на возможность утешить семьи тех, кто сейчас проливает свою кровь»²³⁶.

В целом сибирское и дальневосточное общество откликнулось на этот призыв. Для помощи семьям запасных нижних чинов создавались уездные комитеты и Дамские комитеты «для оказания призрения и помощи семьям, члены которых призваны на действительную службу», кроме того, пожертвования поступали в редакции популярных местных газет или напрямую в городские управы или сельские общества. Военный губернатор Амурской области Д.В. Путята с гордостью писал в докладе от 28 октября 1904 г.: «Со стороны крестьянских и казачьих обществ области, среди которых остались семьи призванных в войска, кроме прямо указанной и лежащей на обществах по закону обязанности, с первых же дней ухода призванного в войска из дома положено начало оказания помощи семьям призванных в их нуждах по ведению хозяйства, заготовки и доставки топлива, подвоза сена, а с наступлением полевых работ общества приняли участие в деле распашки, посева хлебов, заготовки сена и, наконец, уборке хлеба с полей. Для лучшего обеспечения семейств запасных в обществах сел Ильинского и Михайловского Завитинской волости приговорили своими постановлениями: первое общество – в обеспечение обсеменения полей семейств запасных в весну 1905 г. и для выдачи в пособие беднейшим из них собрать по 2 пуда пшеницы с каждого (в общем 314 пудов пшеницы) и доставить для прокормления лошадей и рогатого скота беднейшим семействам запасных, в настоящую зиму, 78 ½ воза сена, а второе, Михайловское – собрать для выдачи семьям запасных по полупуду зерна с каждого (в общем 72 пуда)»²³⁷.

²³⁶ Восточное обозрение. 1904. № 150 (25 июня).

²³⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 96 об.

Он же сообщал: «Кроме того, с первых же дней объявления мобилизации образован в городе Благовещенске комитет по призрению семейств нижних чинов войск Амурской области, в распоряжение которого поступило... 22 017 руб. 16 коп. Означенным комитетом выработана и установлена необходимая для существования семей запасных такса на каждую женщину 6 рублей и на каждого ребенка 3 рубля в месяц, причем комитетом выдается только разница от установленной комитетом суммы на существование за вычетом из нее денег полученных: от казны денег в продовольственную помощь и денег, полученных от города взамен отвода квартир натурой. Из сумм названного комитета пользуются пособием также семьи призванных со льготы и из запаса на службу казаков, у которых не осталось работников. Таким семьям выдаются комитетом пособия на пропитание, смотря по составу семьи, от 3 до 21 рубля ежемесячно и на наем работника от 15 до 60 рублей в лето. На пропитание выдано 66 семьям по 15 октября с.г. 2984 рубля, на наем работников выдано 75 семьям 3851 рубль и 5 семьям единовременного пособия 20 рублей. Для детей вдовцов, не имеющих родственников и призванных на службу, комитетом устроен интернат, помещение для которого отведено безвозмездно городом. Детей в интернате содержится 14 человек в возрасте от 2 до 12 лет... Дети школьного возраста, в числе 9 человек, помещены в школу. Содержание приюта детей запасных нижних чинов до настоящего времени в среднем обходилось 130 рублей в месяц»²³⁸.

Газета «Восточное обозрение» сообщала в мае 1904 г., что в селе Зиминском Иркутской губернии без работников вследствие мобилизации осталось 45 семей (52 женщины и 126 детей, из которых 19 – в возрасте до года, 21 – в возрасте от года до трех лет, 22 – в возрасте от 3 до 5 лет), и сельское общество ассигновало на помощь этим семьям 50 руб., в связи с чем автор заметил: «Нам, деревенским жителям, читающим отчеты о пожертвованиях на флот, на усиление разных средств, кажется, что направление Красного Креста не должно иметь исключительно характер помощи страданиям на театре военных действий. Жертвуй частью взрослого населения

²³⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 96 об. – 97.

ради интересов отечества, следует, и даже обязательно, тоже ради уже будущего не забывать семьи защитников... желательно, чтобы Красный Крест и всевозможные кружки и комитеты иногда на минутку сосредоточивали свое внимание на бедственном положении деревни»²³⁹.

Томский уездный комитет за февраль–май 1904 г. выдал пособий на сумму 54 304 руб. 93 коп., охватив своей помощью свыше трех тысяч семей запасных нижних чинов, всего же за первый год войны (с февраля 1904 г. по январь 1905 г.) Томский уездный комитет выдал пособий на сумму 196 438 руб. 80 коп. и еще 82 968 руб. 44 коп. за февраль–апрель 1905 г.²⁴⁰ Характерно, что помощь оказывалась не только семьям запасных нижних чинов, призванных из г. Томска, но также из г. Ново-Николаевска, г. Колывани и волостей уезда. Некоторые подробности можно посмотреть в табл. 7.

Таблица 7

Выдача пособий Томским уездным комитетом за февраль–сентябрь 1904 г.²⁴¹

Месяц	Охвачено семейств запасных нижних чинов	Выдано пособий на сумму	Охвачено семейств ратников ополчения	Выдано пособий на сумму
Февраль	3318	8677 руб. 38 коп.	–	
Март	3217	15 041 руб. 97 коп.	–	
Апрель	3259	15 514 руб. 31 коп.	–	
Май	3237	15 071 руб. 27 коп.	–	
Июнь	3229	16 264 руб. 53 коп.	907	2932 руб. 84 коп.
Июль	3189	16 492 руб. 46 коп.	900	4412 руб. 86 коп.
Август	3233	15 765 руб. 22 коп.	989	5249 руб. 14 коп.
Сентябрь	1335	6353 руб. 15 коп.	1015	5309 руб. 99 коп.
Всего	–	109 281 руб. 30 коп.	–	17 904 руб. 83 коп.

²³⁹ Восточное обозрение. 1904. № 123 (25 мая).

²⁴⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 244 (7 ноября); 1905. № 40 (19 февраля), № 103 (18 мая).

²⁴¹ Сибирская жизнь. 1904. № 244 (7 ноября).

Дамский комитет для призрения и помощи семьям запасных нижних чинов Томска за февраль–апрель 1904 г. выдал пособий на сумму 2955 руб. 52 коп. (причем сумма самих пожертвований только за февраль составила 3496 руб. 28 коп.), за май–июнь 1904 г. – на сумму в 3367 руб. 6 коп., всего за период с февраля 1904 г. по апрель 1905 г. – на сумму в 14 711 руб. 62 коп., оказывая помощь ежемесячно (в среднем) 385 семьям²⁴². Характерно, что масштаб деятельности Дамского комитета для призрения и помощи семьям запасных нижних чинов Томска не слишком отличался от деятельности городской управы, которая выдавала томским семьям запасных «квартирные деньги». Охват семей Дамским комитетом оказался тем же (в среднем 385 семей против 629 семей, охваченных городской управой), зато размер среднего пособия (2 руб. 60 коп.) примерно на 20 коп. выше, чем у городской управы. Информацию о выделенных Дамским комитетом суммах для пособий семьям запасных низших чинов г. Томска в 1904–1905 гг. см. в табл. 8 и 9.

Таблица 8

Суммы, выделенные Дамским комитетом для выдачи пособий семьям запасных нижних чинов г. Томска в 1904 г.²⁴³

Февраль–апрель	Май	Июнь	Июль	Август–октябрь	Ноябрь	Декабрь
2955 руб. 52 коп.	852 руб.	923 руб.	939 руб. 50 коп.	Нет сведений	1120 руб.	1127 руб.

Таблица 9

Суммы, выделенные Дамским комитетом для выдачи пособий семьям запасных нижних чинов г. Томска в 1905 г.²⁴⁴

Январь	Февраль	Март	Апрель
1107 руб.	1052 руб.	1176 руб.	902 руб.

²⁴² Сибирская жизнь. 1904. № 105 (19 мая), № 177 (15 августа); 1905. № 39 (18 февраля), № 100 (13 мая).

²⁴³ Составлено по материалам газеты «Сибирская жизнь». 1904. № 105 (19 мая), № 177 (15 августа); 1905. № 39 (18 февраля).

²⁴⁴ Составлено по материалам газеты «Сибирская жизнь». 1905. № 39 (18 февраля), № 100 (13 мая).

Дамский комитет по оказанию помощи семьям запасных в Ново-Николаевске с февраля по ноябрь 1904 г. собрал пожертвований на сумму 3370 руб. 26 коп., всего с февраля 1904 г. по апрель 1905 г. – на сумму 6357 руб. 1 коп.; было выдано пособий с февраля по ноябрь 1904 г. на сумму 3443 руб. 75 коп., с февраля 1904 г. по апрель 1905 г. – на сумму 5395 руб. 66 коп., помощь ежемесячно оказывалась в среднем 91 семье²⁴⁵. Подробности можно посмотреть в табл. 10.

Т а б л и ц а 10

**Деятельность Дамского комитета по оказанию помощи семьям
запасных г. Ново-Николаевска за 1904–1905 гг.**²⁴⁶

Год	Месяц	Охвачено помощью семей	Выдано пособий в сумме	В среднем на семью	Собрано пожертвований в сумме
1904	Февраль	81	286 руб.	3 руб. 50 коп.	427 руб. 1 коп.
	Март	90	362 руб. 25 коп.	4 руб.	445 руб. 30 коп.
	Апрель	94	359 руб.	3 руб. 80 коп.	362 руб. 66 коп.
	Май	97	330 руб.	3 руб. 40 коп.	398 руб. 70 коп.
	Июнь	103	350 руб.	3 руб. 40 коп.	249 руб. 25 коп.
	Июль	101	348 руб. 50 коп.	3 руб. 40 коп.	281 руб.
	Август	110	367 руб.	3 руб. 30 коп.	274 руб. 40 коп.
	Сентябрь	106	364 руб.	3 руб. 40 коп.	344 руб. 95 коп.
	Октябрь	102	339 руб.	3 руб. 30 коп.	334 руб. 40 коп.
	Ноябрь	102	338 руб.	3 руб. 30 коп.	252 руб. 5 коп.
	Декабрь	110	375 руб. 50 коп.	3 руб. 40 коп.	189 руб. 70 коп.
			Дополнительно 38 семьям	139 руб. 95 коп.	3 руб. 70 коп.
1905	Январь	111	370 руб. 50 коп.	3 руб. 30 коп.	884 руб. 1 коп.
	Февраль	114	367 руб.	3 руб. 20 коп.	
	Март	111	365 руб.	3 руб. 30 коп.	
	Апрель	102	333 руб. 96 коп.	3 руб. 30 коп.	
	Всего 1572 семьи			5395 руб. 66 коп.	3 руб. 40 коп.

²⁴⁵ Сибирская жизнь. 1905. № 120 (6 июня).

²⁴⁶ Составлено и подсчитано по материалам газеты «Сибирская жизнь». 1905. № 120 (6 июня).

В Иркутске Дамский комитет к 20 ноября 1904 г. в пользу семей запасных собрал пожертвований на сумму 16 688 руб. 90 коп. К середине марта 1905 г. оказал помощь 843 семьям в виде выдачи пособий (от одного до пяти раз на сумму от 2 до 25 руб. отдельной семье), ежемесячные пособия выдавались 71 семье, пособия на проезд на родину – 144 семьям; обеспечил работой 143 человек, определил в родильный приют 86 женщин, в детский приют – 30 детей. Как было отмечено в отчете, «успешным осуществлением своих задач комитет обязан всецело трудам его членов и в высшей степени сочувственному отношению к его деятельности со стороны как Иркутска, так и окрестных районов»²⁴⁷. Вместе с тем председатель Иркутского Дамского комитета графиня О.В. Кутайсова на одном из заседаний с сожалением отмечала, что из-за недостатка финансовых средств пособия будут выдаваться только крайне нуждающимся семьям, которые не получают кормового и квартирного довольствия²⁴⁸.

В Барнауле для помощи семьям запасных нижних чинов организовали специальный комитет, членами которого стали 15 человек. Из городских средств для помощи семьям запасных нижних чинов к 1 сентября 1904 г. было ассигновано 3500 руб. (плюс 600 руб. единовременных пособий), собрано пожертвований на 6313 руб. 51 коп., всего в руках комитета оказалось 9713 руб. 51 коп. Из этих средств было выдано пособий 369 семьям запасных нижних чинов (с общей численностью 1115 человек) и 103 семьям ратников ополчения (с общей численностью 277 человек), всего на сумму 8817 руб. 12 коп. В среднем выдавалось по 1-2 руб. на человека в месяц²⁴⁹.

В деревне особую роль играла помощь односельчан. Как правило, семьи призванных были освобождены от «казенных и мирских

²⁴⁷ Восточное обозрение. 1904. № 37 (13 февраля), № 288 (3 декабря); 1905. № 59 (18 марта).

²⁴⁸ *Шишов М.А.* Организация призрения семей воинских чинов, призванных на действительную службу в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Вопросы студенческой науки. 2018. № 6 (22). С. 142.

²⁴⁹ Восточное обозрение. 1904. № 259 (30 октября).

платежей», им помогали в тяжелых работах, снабжали кормом для скота и хлебом. В с. Камень Барнаульского уезда «с начала мобилизации, не видя правительственной помощи семьям запасных, крестьяне добровольно установили обычай: при получении своего помола из местной большой мельницы жертвовать и ссыпать в особый закрот 1-2 пуда муки в пользу нуждающихся семей запасных. Таких пожертвований набирается до 100 пудов в месяц»²⁵⁰.

В Тюменском уезде с февраля по 1 сентября 1904 г. в первом участке уезда была оказана помощь натурой 55 семьям и деньгами 15 семьям. Помимо этого, всем семьям помогали в сельхозработах. В третьем участке было собрано пожертвований на семьи запасных деньгами 388 руб. 15 коп., хлебом – 447 пудов 39 фунтов, дополнительно всем семьям помогали в сельхозработах. Дополнительно к указанной помощи по всему уезду лесное ведомство обязалось бесплатно для солдаток отпускать сухостой и валежный лес²⁵¹.

В с. Бердском Барнаульского уезда «до Пасхи была подписка, давшая товарами и деньгами 300 рублей, кроме того, спектакли дали около 50 рублей. Почти всё это пошло в помощь бердским солдаткам»²⁵².

Вместе с тем далеко не всегда помощь семьям запасных осуществлялась добровольно и по инициативе самих крестьян. Например, в Минусинском уезде в одном из сел подати не взятых в мобилизацию домохозяев увеличились на 1-3 руб. за счет ушедших, возросли для них и натуральные повинности. Общество отказалось оказывать помощь солдаткам, хотя казенное пособие выдали только одной женщине. Родственники (братья ушедших мужей) тоже с помощью не спешили. Как описал эту ситуацию корреспондент, «создается невыносимое положение, и в семьях, часто и без того недружно живущих, взаимные отношения между родственниками обостряются до крайней степени. Случаи более или менее

²⁵⁰ Шиловский М.В. Русско-японская война и Сибирь // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 35.

²⁵¹ Сибирская жизнь. 1904. № 225 (15 октября).

²⁵² Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904-1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 14.

добровольной, по собственной инициативе, помощи со стороны деверьев крайне редки, большею же частью деверь с явной неохотой и попреками исполняет солдаткину работу, так как у него самого «дела по горло»; нередко он посылает солдатку бронею или сделать другую работу, а у нее между тем не на кого оставить детей дома». В итоге солдатки начали распродавать хозяйство для того, чтобы иметь возможность нанимать работников, что, конечно, не могло не сказаться на устойчивости их хозяйств. С другой стороны, «общественная атмосфера» в этом селе сама по себе оставляла желать лучшего. Так, оставшиеся без пособий солдатки писали жалобы и кляузы на единственную солдатку, которой пособие всё-таки выдали²⁵³.

Сборы добровольных пожертвований и выдача пособий постепенно уменьшались, что неудивительно, учитывая тяжелую ситуацию, сложившуюся в Сибири и на Дальнем Востоке. Например, в Благовещенске комитет по сбору пожертвований для семей запасных нижних чинов с 9 февраля по 1 марта 1904 г. собрал 6462 руб., с 1 марта по 1 апреля – 3682 руб., а с 1 апреля по 1 мая – всего 2976 руб. Между тем в городе было 600 солдатских семей. Правда, семьи запасных получали также казенное пособие на продовольствие (примерно по 2 руб. 50 коп. в месяц на человека) и квартирные деньги от города (по 2 руб. в месяц на взрослых и по 1 руб. на детей), однако при существовавшем в Благовещенске уровне цен, по выражению прессы, «всё это сущие пустяки»²⁵⁴.

В селе Тутурское Верхоленского уезда был образован специальный комитет, который собрал 600 руб. и ежемесячно выдавал пособие по 4–8 руб. на семью (в зависимости от материального положения и количества детей). Солдатки смогли нанять работников, провести посевную и убрать сено. Однако на то, чтобы нанять работников на жатву, денег у комитета уже не осталось. В итоге, по словам корреспондента, семьи мобилизованных не знали, как вести крестьянские работы: «Бабы мечутся из дома от детей на жнитво, а

²⁵³ Восточное обозрение. 1904. № 158 (4 июля).

²⁵⁴ Восточное обозрение. 1904. № 151 (26 июня).

оттуда – домой»²⁵⁵. В Троицко-Заозерной волости местный комитет Красного Креста очень охотно и скоро выдавал солдаткам пособия, но поскольку располагал небольшими средствами, не смог удовлетворить и половины нуждающихся²⁵⁶.

Некоторые из сибирских комитетов после каждого крупного военного сражения предлагали семьям запасных, ходатайствующих о пособиях, подождать на основании того, что «а может быть, член семьи убит». Делалось это для того, чтобы иметь возможность в случае гибели солдата отказать в пособии его семье на «законных основаниях»²⁵⁷.

В селе Зиминское было организовано отделение уездного комитета, приглашены к участию все жители, по подписному листу ежемесячно собиралось 70–80 руб. и дополнительно деньги от спектаклей (например, майский спектакль в пользу семей запасных на станции Зима дал 90 руб.). Члены комитета взяли на себя обязательство не допускать, чтобы солдатки продавали что-либо из хозяйства, потому что «оно нужно будет и далее, когда у комитета средства иссякнут, а также и прекратится милость жертвователей»²⁵⁸.

Среди причин, по которым сокращаются суммы пожертвований, газеты называли недостаток финансов у населения (вследствие роста цен, вызванных войной) и усталость от войны как таковой. Как нам представляется, оба этих вывода вполне логичны. Согласно данным Ю.П. Горелова, к концу 1905 г. в сибирском попечительстве наблюдалась катастрофическая нехватка финансовых средств. Например, в Забайкалье на 14 % выросло количество семей, нуждающихся в пособиях; 70 % семей Верхнеудинского, Читинского, Нерчинского и других уездов нуждались, по расчетам социологов, минимум в 30 руб. каждая на поддержку своего хозяйства. Всего Забайкалью на попечительские нужды необходимо было свыше 53 тыс. руб., а местный бюджет давал в 5 раз меньше, всего

²⁵⁵ Восточное обозрение. 1904. № 197 (19 августа).

²⁵⁶ Восточное обозрение. 1904. № 192 (13 августа).

²⁵⁷ Восточное обозрение. 1904. № 234 (1 октября).

²⁵⁸ Восточное обозрение. 1904. № 131 (3 июня).

до 13 тыс. руб. В Иркутской губернии в отдельных уездах число обнищавших по сравнению с довоенным временем выросло в три раза, увеличилось и число детей, вынужденных просить милостыню²⁵⁹.

Хуже всего было то, что даже совокупная помощь государства, благотворительных организаций и частных лиц не могла в полной мере возместить нужды семей запасных нижних чинов, ушедших на войну (но без нее солдатам было бы еще хуже). Редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов уже в октябре 1904 г. с горечью писал по этому поводу: «Тяжела настоящая война для всей России, а для Сибири – сугубо. Сибирь на долгие годы обречена после этой войны на прозябание; нужно громадное напряжение духовных и материальных сил, чтобы ей поправиться от того разорения, какое принес текущий год»²⁶⁰.

Оставшиеся без работников солдатки вынуждены были сокращать хозяйство. По оценке местных СМИ, в 1904 г. площадь посевных сократилась по всей Сибири. Например, по шести уездам Забайкальской области недосев вследствие недостатка рабочих рук составил 17 268 десятин. В Минусинском уезде солдатки стали засеивать вместо пяти-шести десятин максимум полторы-две десятины; в Кокчетавском и Атбасарском уездах Акмолинской области площадь посевов сократилась наполовину, в станице Акмолинской – на 350 десятин. В среднем по Сибири площадь посева яровых сократилась на 1/3. Кроме того, во многих местах посеянный хлеб не успели сжать²⁶¹. Военный губернатор Забайкальской области докладывал 12 июля 1904 г., что с началом войны «масса семей, прежде считавшихся обеспеченными, оказалась в разряде нуждающихся», а из-за убыли рабочих рук недосев по области составил 16 929 десятин²⁶².

²⁵⁹ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала 20 века. Кемерово, 2003. С. 110.

²⁶⁰ Восточное обозрение. 1904. № 256 (27 октября).

²⁶¹ Восточное обозрение. 1904. № 193 (14 августа); Сибирская жизнь. 1904. № 119, 160.

²⁶² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 140. Л. 142.

При этом тема призрения нуждающихся чем дальше, тем всё больше упиралась в нехватку финансов у местных бюджетов. Так, 16 июня 1905 г. было принято Госсоветом и утверждено Николаем II положение о призрении детей лиц, погибших в войну с Японией. Для детей до 6 лет из семей нижних чинов было предусмотрено годовое пособие в размере 18 руб., от 6 до 10 лет – 24 руб. и свыше 10 лет – 36 руб. Кроме того, на детей 6-10 лет для получения образования предусматривалась выплата пособия 50 руб. в год, по достижении ребенком 10 лет – 150 руб. в год²⁶³. Владивостокская городская дума по поводу данного положения приняла специальное постановление: «Сообщить г. Военному губернатору Приморской области, что при полной готовности принять участие в деле призрения детей нижних чинов, погибших в войну с Японией, городская дума не может, однако взять на себя этого дела, т.к. даже высший размер пособия в 36 рублей в год совершенно недостаточен по местным условиям, где содержание детей, как установлено городским попечительством о бедных, обходится от 10 до 15 рублей в месяц. При данном же финансовом положении города он не может взять на себя приплаты на содержание детей, т.к. это потребует больших расходов ввиду того, что следует ожидать наплыва таких детей в учебные заведения города»²⁶⁴.

А.А. Голик отмечает в своем исследовании, что «если с военной точки зрения участие дальневосточного казачества в Русско-японской войне было весьма успешным, то с экономической точки зрения оно обернулось для казаков тяжелыми последствиями. Для казачьих хозяйств, которые были еще слабы в экономическом плане из-за трудностей переселения и природно-климатических условий региона, войны с Китаем и Японией оказались ударом, от которого было сложно оправиться. Это стало благоприятной почвой для развития революционных настроений у значительной части дальневосточного казачества, что и проявилось в участии казаков региона в революционных событиях 1905–1907 гг.»²⁶⁵

²⁶³ РГИА ДВ. Ф. 718. Оп.1. Д.10. Л. 2–3.

²⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 55. Л. 55.

²⁶⁵ Голик А.А. Дальневосточное казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 27.

Если подытоживать тему призерения семей запасных нижних чинов, призванных из Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны, то общая картина окажется весьма печальной. Очевидно, что существующая нормативно-правовая база не соответствовала новым реалиям. Нельзя не согласиться с мнением Т.А. Катциной, что «в военные годы законодательство в сфере социальной помощи было ориентировано на закрепление, упорядочение и небольшую корректировку ранее сложившейся нормативно-правовой базы, пробелы в которой не только снизили эффективность помощи, но и обернулись компрометацией. В условиях слабого государственного регулирования в сфере стандартов социальной помощи она формировалась под влиянием местных особенностей и локального понимания, что создало дифференциацию ее уровня и условий доступа»²⁶⁶.

Складывается впечатление, что элита попросту не осознала изменившейся после военной реформы 1874 г. ситуации. До реформы комплектование армии осуществлялось за счет рекрутского набора, причем рекрут практически до конца жизни «изымался» из крестьянской общины и полностью исключался из экономических отношений. Крестьянская община старалась отдавать в рекруты наиболее конфликтный элемент (бузотеров, пьяниц и т. д.), а также тех, кто еще не успел обзавестись семьей, так что экономические потери для общества оказывались минимальными.

В любом случае при рекрутской системе комплектования армии война была делом государства. На ведение войны с населения могли взыскать дополнительный налог, провести реквизицию продовольствия и т. п., но в целом это не влияло на существующую экономическую систему. С введением всесословной воинской повинности ситуация изменилась. Теперь молодой человек призывался к службе в армии на ограниченное время (от нескольких месяцев до шести лет), после чего уходил в запас. Значительное число лиц, достигших призывного возраста, согласно существующей системе

²⁶⁶ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 68.

льгот фактически сразу переводилось в запас, но в случае войны из запаса активно призывали на действительную военную службу. Как уже отмечалось выше, из Сибири и с Дальнего Востока призывали мужчин почти всех возрастов. Но теперь это уже были люди, успевшие жениться, создать семьи, обзавестись хозяйством и включиться в экономическую жизнь. Мало того, что их призыв во многом подорвал экономику региона, лишив и местную промышленность, и сельское хозяйство рабочих рук, так еще и у большинства из ушедших на войну за спиной оставалась семья (в среднем от двух до шести человек), фактически обреченная на нищету из-за потери кормильца. Если учесть, что к началу 1905 г. Маньчжурская армия составляла 300 тыс. человек, а к августу – почти 800 тыс. (из них боевых штыков непосредственно в Маньчжурии около 450 тыс.), то можно оценить масштабы возникшего социального кризиса, даже если трактовать его в узком смысле – как разбалансированность связей в социальной сфере и резкое ухудшение социального обеспечения и социальной защиты.

Приведенные выше примеры показывают, что существующий порядок выдачи пособий был неэффективен и сопровождался огромным количеством ошибок и злоупотреблений (что признавали даже сами высокопоставленные лица). Размер государственного пособия, даже если оно выдавалось в полном объеме и в срок, был недостаточен для поддержания хозяйства солдатки. Но органы власти еще и стремились переложить затраты на помощь семьям запасных нижних чинов на плечи общества как напрямую (обязав направлять на помощь семьям специальные земские сборы, платить из средств городов и местных обществ квартирные деньги и т. д.), так и косвенно, призывая к общественной благотворительности. Последняя действительно развернулась, но, учитывая, что в годы войны финансовое положение городов и сел Сибири и Дальнего Востока значительно ухудшилось, средств, достаточных на поддержание семей ушедших на войну воинов, у них просто не было.

При этом не стоит забывать, что Российское государство позиционировало себя как авторитарное, но при этом патерналистское. Вся система законодательства была построена в «опекательном

ключе», и о том, чем это оборачивалось в общественном сознании, написал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте: «Если государственная власть считала, что для нее самое удобное держать три четверти населения не в положении людей, граждански равноправных, а в положении взрослых детей (существ особого рода), если правительство взяло на себя роль, выходящую из сферы присущей правительству в современных государствах, роль полицейского попечительства, то рано или поздно правительство должно было вкусить прелести такого режима. Высшее правительство – государственная власть сие вкусила, когда произошел удар от японской войны, затеянной по безумию и поощренной оберполицеймейстером Российской империи Плеве в надежде, таким образом, поднять престиж власти, возвеличить нашу силу и режим и заставить смириться перед мощью и успехом. Ужасное влияние имеет на людей всякий успех. Это я испытал и на себе лично. Но раз ты попечитель и я голодаю, то корми меня. На сем основании вошло в систему кормление голодающих и выдающих себя за голодающих»²⁶⁷.

Через сотни и тысячи прошений, направляемых солдатками с просьбами о выплате «казенного пособия», красной нитью проходит мысль: если государство забрало мужчину на войну, оно обязано теперь содержать его семью. Это же отмечает в своем исследовании и Т.А. Катцина: «На предоставляемую помощь сибиряки смотрели как на “жалование за взятого на войну”. Считали выплату “кормовой нормы” обязательной “всем без исключения, зажиточным и бедным, а также и одиночкам, не имеющим детей”, “без исключения семействам бывших на войне или вообще призывавшихся по мобилизации” солдат; находили несправедливым устранение от обязательного пособия “без вины виноватых” – гражданской жены и внебрачных детей солдата, а также ближайших родственников, существовавших за его счет до призыва»²⁶⁸.

²⁶⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 453.

²⁶⁸ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 73.

Между тем из приведенных выше данных мы видим, что в целом даже совокупная помощь государства и общественной благотворительности не могла обеспечить достойный уровень жизни семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, фактически большая часть из них были обречены на обнищание. Таким образом, позиция элиты – то, что она не смогла или не захотела учесть изменившуюся обстановку (война теперь стала делом всего общества, а не только государства) – в годы Русско-японской войны вызвала мощный социальный кризис. Кризис, в свою очередь, породил социальный протест, вылившийся в итоге в Первую русскую революцию. Можно снова процитировать С.Ю. Витте: «Все революции происходят оттого, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности. Они происходят оттого, что правительства остаются глухими к народным нуждам»²⁶⁹. Но кроме глухоты к народным нуждам российская элита продемонстрировала еще и поразительную беспомощность, показав, что в условиях войны она не в состоянии обеспечить даже святая святых Российской империи – армию.

§ 4. ПОМОЩЬ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ: ДОБРОВОЛЬНАЯ ИЛИ ВЫНУЖДЕННАЯ?

Еще одним фактором, увеличивающим тяжесть войны для населения, была необходимость помощи действующей армии (тем, кто находился на фронте, и раненым). Первоначально помощь армии рассматривалась обществом (в том числе сибирским и дальневосточным) как патриотический долг. В начале войны на волне «ура-патриотических» настроений практически повсеместно устраивались патриотические манифестации, а на имя Николая II посылались верноподданнические адреса. Часть адресов содержала перечисление конкретных мер, принятых населением в деле помощи фронту. В адресе Читинского еврейского общества, например, сообщалось, что оно выделило на усиление военного флота 500 руб., на раненых – 250 руб. и для семейств призванных из запа-

²⁶⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 483.

са – 250 руб. Сверх того, было среди евреев на усиление военного флота собрано подпиской 1387 руб., на раненых – 707 руб. и на семейства призванных из запаса – 715 руб. Жители Сретенской станции пожертвовали на нужды флота 500 руб. Население золотых промыслов Надеждинского золотопромышленного товарищества постановило жертвовать 1 % с каждого рубля ежемесячного заработка в пользу Красного Креста, начиная с 1 февраля 1904 г. и до окончания войны, а сам владелец приисков М. Розенфарб – по 2 руб. с каждого добытого на прииске фунта золота. Рабочие и служащие заводов Я.С. Андоверова пожертвовали в пользу раненых и больных воинов 51 руб. и в пользу семей воинов 51 руб. 95 коп., кроме того, в пользу семей воинов ежемесячно от 1 до 5 % своего заработка. Еврейское население Нерчинска собрало по подписке 565 руб. на нужды флота²⁷⁰.

Местная пресса активно публиковала информацию о многочисленных патриотических манифестациях в разных городах России, адреса войскам, отъезжавшим на фронт, суммы пожертвований на нужды войны, призывы вступать добровольцами в действующую армию или в отряды Красного Креста. Только одна из множества заметок на эту тему сообщала, например, о следующих суммах пожертвований: Иваново-Вознесенск (городская дума) – 75 000 руб., Астрахань и Ростов-на-Дону (городские думы), Киев (лавра) – по 50 000 руб., Саратов (земство) – 30 000 руб., Курск (городская дума) и Иваново-Вознесенск (земство) – по 25 000 руб., Нахичевань (городская дума) – 20 000 руб., Астрахань (биржевое общество) – 15 600 руб., Тамбов и Александровск (городские думы) – по 10 000 руб., Севастополь, Астрахань, Оренбург, Калуга, Белосток и Елец (городские думы) – по 5000 руб., Семипалатинск (городская дума) – 2900 руб., Владимир и Бузулук (городские думы) – по 2000 руб., Борисоглебск и Юрьев (городские думы) – по 1000 руб. Здесь же говорилось, что прошли патриотические манифестации в Баку, Москве, Царицыне, Елизаветполе, Седлице, Гадяге, Рязани, Спасске, Павлограде, Уфе, Глазове, Юзовке, Владимире, Одессе, Воронеже, Могилеве, Щацке, Ржеве, Чернигове, Мариуполе. «Из Бер-

²⁷⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2012. Л. 4–32.

дьянска, Нижне-Тагильска, Пскова, Сум, Карса, Ревеля, Владимира, Кургана, Бобруйска, Вытегры, Минска, Белгорода, Новгорода, Гродно, Кронштадта, Ростова-на-Дону, Владикавказа, Зенкова, Камышлова, Керчи, Екатеринослава, Муррома, Томска, Бийска и Павлограда сообщают о патриотических манифестациях и пожертвованиях: Ярославль – дума 5000 руб. и по подписке 6300 руб., Ново-германское донское торговое общество – 5000 руб., Двинск – 2000 руб., Томск по подписке 3000 руб.»²⁷¹ Такие публикации призваны были укрепить в обществе убеждение, что вся Россия в едином порыве встала на защиту своего поправленного достоинства и что истинный патриот России – это человек, желающий победы в Русско-японской войне и всеми силами этому способствующий (в том числе через сбор пожертвований).

Следующая волна патриотических мероприятий была связана с командующим Маньчжурской армией А.Н. Куропаткиным, который проследовал по Сибирской железной дороге к действующей армии. Для встречи командующего объявлялся сбор денег, самого А.Н. Куропаткина торжественно встречали на пути следования делегации сибирских и дальневосточных городов. В ряде случаев делегации специально выезжали к поезду командующего (например, так сделала делегация г. Томска) и вручали собранные от населения средства на нужды армии. Размеры пожертвований были довольно значительны (например, жители г. Томска собрали 15 100 руб.²⁷², жители Иркутска – 12 000 руб.²⁷³, жители Забайкальской области – 12 173 руб.²⁷⁴).

Однако по мере затягивания войны становилось понятно, что «разовыми акциями» ограничиться не удастся, нужна планомерная помощь армии. В СМИ активно пропагандировалась тема необходимости жертвовать на нужды армии и особенно помощь раненым,

²⁷¹ Сибирская жизнь. 1904. № 27.

²⁷² Сибирская жизнь. 1904. № 53 (7 марта).

²⁷³ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. С. 33–34.

²⁷⁴ Михеев Б.В. Участие населения Забайкальской области в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2012. № 8. С. 205.

а также приводились соответствующие примеры. Характерны следующие заметки, сообщающие о пожертвованиях: «воззвания Красного Креста проникли и в захолустья и находят отклик в самых глухих уголках, всюду собираются пожертвования...», «раскаты пушечных выстрелов на далекой восточной окраине пробудили и Тарского обывателя от спокойного прозябания и тарский обыватель откликнулся на общий призыв патриотических чувств», война «всколыхнула наше болото». При этом отклик обывателя всегда конкретен: в той же Таре жители занялись пошивом белья для раненых, а также сбором пожертвований в пользу семей запасных (ежемесячно собиралось по 400 руб.)²⁷⁵.

Стоит отметить, что первоначально реакция на призывы жертвовать на нужды армии была положительной, с началом войны по всей Сибири комитеты Красного Креста значительно расширили свою работу. Организовывались дополнительные отделения Красного Креста и Дамские комитеты для сбора пожертвований и заготовления белья для раненых, а также по заготовлению вещей госпитального снабжения. Воззвания комитетов Красного Креста печатали все местные газеты, сбор средств шел через редакции газет, по подписным листам и через особых сборщиков. Кроме того, в церквях, магазинах и учреждениях устанавливали специальные кружки, в которые каждый желающий мог положить свое пожертвование. Газеты затем печатали регулярные отчеты, например: «пожертвования на нужды войны: от Ильинской церковно-приходской школы в станице Муравьев-Амурская – 10 рублей 70 копеек, от нижних чинов 5 роты Владивостокской крепостной артиллерии – 8 рублей, всего с ранее поступившими – 1373 рубля 10 копеек»²⁷⁶; «в редакцию поступило от Голевского 10 рублей в пользу семей нижних чинов, убитых на войне, всего с прежде поступившими – 2587 руб. 36 коп.»²⁷⁷

Деятельность Красного Креста в Сибирском регионе была весьма обширной. К 1 января 1905 г. по Кругобайкальской железной

²⁷⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 55 (10 марта), № 90 (28 апреля).

²⁷⁶ Дальний Восток. 1904. № 69 (25 марта).

²⁷⁷ Дальний Восток. 1904. № 205 (16 сентября).

дороге было открыто 4 лазарета Красного Креста на 570 коек; в Иркутске 10 лазаретов на 925 коек, в том числе в Знаменском и Князе-Владимировском монастырях, Мариинской общине, на переселенческом пункте; по линии Сибирской железной дороги 22 лазарета на 1380 койко-мест, включая лазареты в Канске, Красноярске, Ачинске, Боготоле, Томске, Ново-Николаевске, Омске, Челябинске; 16 вспомогательных лазаретов на 754 койко-места, а всего 3704 койко-места. Из вещевого склада Красного Креста было отпущено 1228 наволочек, 634 полотенца, по 700 простынь и пододеяльников, по 814 кальсон и рубах, 50 халатов, 778 одеял, 60 полушубков, 45 пар валенок, 50 пар сапог, 104 фуражки. Красный Крест оказывал помощь военно-санитарным поездом, оборудовал 8 санитарных поездов²⁷⁸.

О масштабах собираемых средств и деятельности местных комитетов Красного Креста дают представления отчеты, опубликованные в региональной прессе. Так, согласно отчету Томского отделения Красного Креста, за I полугодие 1904 г. к 1 июля 1904 г. отдел имел средств на сумму 40 383 руб. 18,5 коп. Им были организованы особые комитеты для сбора пожертвований и заготовления белья для раненых в городах Томске, Каинске, Кольвани, Мариинске, Нарыме, Новониколаевске и Кольванском, а также Дамские комитеты по заготовлению вещей госпитального снабжения в городах Томске, Каинске, Ново-Николаевске и селе Змеиногорском. Для проезжающих войск было организовано чайное довольствие на станциях Сибирской железной дороги Каинск, Обь, Тайга, Суслово (по 1,5 фунта хлеба и куску сахара на каждого солдата и по одному фунту чая на 100 чел.). Кроме того, 44 студента медицинского факультета Томского университета отправились на театр военных действий, в том числе 8 из них – в Порт-Артур; в Харбин отбыло 10 сестер милосердия. Организованные отделением курсы по уходу за ранеными с 1 марта по 20 апреля 1904 г. прошли 108 человек, 58 из них получили удостоверения медсестер. Отдел открыл госпитали в университетских клиниках и во 2-м студенческом общежитии (на 340 коек), в переселенческом бараке (на 100 коек) и при об-

²⁷⁸ Восточное обозрение. 1905. № 84 (17 апреля).

щине сестер милосердия (на 15 коек), содержание первых двух обходилось в среднем в 3702 руб. в месяц. Госпиталями на добровольных началах заведовали ректор и профессора Томского университета. Пожертвования томичей в городской комитет Красного Креста с 9 апреля 1904 г. по 10 февраля 1905 г. составили 16 766 руб. 83,5 коп.²⁷⁹

Чтобы увеличить количество коек в госпитале при Томском университете, администрация вуза планомерно сокращала учебные занятия, освобождала общежития, кабинеты, клиники. Лучших специалистов из числа ученых (И.Н. Грамматикати, А.А. Веденский, В.М. Мыш, П.И. Тихов и другие) назначили госпитальными консультантами. Тем не менее из-за большого наплыва раненых в трех переселенческих бараках и больнице, расположенной рядом с железнодорожным вокзалом, был открыт еще один госпиталь (на 120 мест). В декабре 1904 г. дополнительно для нужд раненых в Томске была передана каменная трехэтажная школа, построенная на Мухино-Бугорской площади, а по Магистральской улице, в деревянном особняке коммерческого училища, окончательно вступил в строй госпиталь Н.М. Половцевой. В здании с канализацией и электроосвещением находились операционная, перевязочная, ванная, несколько солдатских и две офицерские палаты на 50 человек²⁸⁰.

Барнаульское отделение Красного Креста к 1 августа 1904 г. располагало суммой более 50 тыс. руб. и на эти деньги оборудовало баржу для перевозки раненых и три госпиталя на 150 коек, снабженных всем необходимым. Кроме того, были оборудованы лазареты в Бийске на 100 человек, в Кольвани – на 50 человек, в семи селах по Оби – на 400 человек. Купец В.А. Горохов принял на свои средства организацию и содержание лазарета на 25 коек в с. Берском. Для ухода за ранеными были подготовлены 22 сестры милосердия, Дамский комитет заготовил полный комплект белья для лазарета на 25 коек. Летом 1904 г. на попечении барнаульского от-

²⁷⁹ Сибирская жизнь. 1905. № 11 (15 января), № 35 (13 февраля).

²⁸⁰ Горелов Ю.П. Сибирская помощь раненым в Русско-японскую войну (1904–1905 гг.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. Т. 4. С. 131–132.

деления находились 190 раненых и больных, на их содержание и лечение (включая организацию и оборудование госпиталей) было израсходовано 15 тыс. руб.²⁸¹

В Красноярске к апрелю 1904 г. местное отделение Красного Креста увеличилось с 4 человек до 212, значительное число красноярских обывателей записалось членами Дамского комитета Красного Креста. Были также образованы комитеты Красного Креста в городах Ачинске, Енисейске, Минусинске, Канске и с. Рыбинском. Возвания о пожертвованиях «встретили в массе населения горячее сочувствие: деньги, холст и теплые вещи стали поступать в кассы и склады всех комитетов». Комитет организовал чайное довольствие проходящих войск на станциях Красноярск, Ачинск, Чернореченская, Ольгинская, Канская (расход по содержанию составил 56 руб. на каждые 100 человек в месяц), оборудовал лазарет на 10 коек для отправки в действующую армию и лазарет для прибывающих из Маньчжурии раненых в здании барака на переселенческом пункте. Курсы сестер милосердия прошли 30 слушательниц, Дамский комитет Красноярска заготовил белье на 100 кроватей, регулярно проводилась выдача теплых вещей следовавшим через Красноярск запасным нижним чинам²⁸².

Восточно-Сибирское окружное управление Красного Креста за первое полугодие 1904 г. построило бараки на станциях Байкал, Середина Байкала и Танхой; оборудовало в Иркутске 2 лазарета на 45 коек; отправило в Харбин 365 комплектов белья и 10 сестер; еще 2 сестры милосердия были отправлены в Мысовск, 8 – в полевые госпитали Иркутской дивизии. Организованные управлением Красного Креста курсы сестер милосердия прослушал 51 чел. Было собрано пожертвований: по подписным листам – 1457 руб. 51 коп., через газеты – 3162 руб. 63 коп., через церковные кружки – 692 руб. 36 коп., всего 5312 руб. 5 коп.²⁸³

²⁸¹ Сибирская жизнь. 1904. № 174 (12 августа); Восточное обозрение. 1904. № 205 (28 августа).

²⁸² Восточное обозрение. 1904. № 205 (28 августа).

²⁸³ Восточное обозрение. 1904. № 136 (9 июня).

Иркутский Дамский комитет Красного Креста к 20 ноября 1904 г. собрал 23 240 руб. 82 коп. на помощь раненым и содержал свой лазарет (с 19 июля по 22 ноября 1904 г. через него прошли 102 нижних чина и 13 офицеров). К 15 марта 1905 г. собрал пожертвований на сумму 45 178 руб. 71 коп., подготовил 200 полных комплектов белья, одежды и обуви; снабдил бельем, одеждой и инвентарем лазарет в Иркутском переселенческом пункте и Мысовский лазарет; оплатил расходы по дезинфекции Иннокентьевского остановочного пункта²⁸⁴.

В западном направлении от Харбина крупный госпитальный центр был в Чите, отдельные госпитали располагались в населенных пунктах горнодобывающих рудников. Госпитали Красного Креста в Забайкалье опекали свыше 4000 коек. В области работало до десятка санитарных отрядов. Под их расположение отдавали солдатские казармы, переселенческие бараки, частные особняки²⁸⁵.

По Приамурскому военному округу в военно-врачебных заведениях округа состояло 16 063 госпитальных места. В лазаретах общества Красного Креста и других частных организациях в городах Хабаровск и Никольск-Уссурийский, селах Спасское, Раздольное и Гродеково, а также в урочище Славянка имелось 22 934 госпитальных места, в эти заведения за годы войны поступило 161 391 человек²⁸⁶. В Никольске-Уссурийском развернули сразу три госпиталя, город ежедневно принимал до 700 раненых. В Хабаровские госпитали в отдельные дни поступало по 250 человек, так что к лету все госпитальные места (а их было порядка тысячи) были заняты; один из госпиталей был устроен на средства Хабаровского Дамского кружка, на его отопление городская дума приняла решение в зиму 1904/1905 гг. отпустить 75 саженей дров²⁸⁷.

К прибывающим в города и села раненым население проявляло большой интерес и сочувствие. Например, прибытие в Томск пер-

²⁸⁴ Восточное обозрение. 1904. № 288 (3 декабря); 1905. № 59 (18 марта).

²⁸⁵ Горелов Ю.П. Сибирская помощь раненым в Русско-японскую войну (1904–1905 гг.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. Т. 4. С. 130.

²⁸⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 278. Л. 3.

²⁸⁷ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 76а. Л. 69 об.

вой партии раненых 2 июля 1904 г. сопровождалось массовой встречей со стороны горожан и приветствиями со стороны официальных лиц²⁸⁸.

Отчеты о состоянии местных лазаретов и госпиталей, количестве принятых раненых, качестве ухода за ними и прочее постоянно публиковала местная пресса. Например, «Сибирская жизнь» регулярно печатала заметки о положении дел в госпитале в студенческом общежитии, отмечая отличное состояние помещений (чистые, теплые), хорошее снабжение бельем, прекрасный уход. Сообщались подробности и про самих раненых: кто где служил, когда и где был ранен. На Святки в 1904 г. раненым устраивали елку и подарки; на Пасху в 1905 г. городской комитет Красного Креста устроил для раненых из всех томских госпиталей пасхальное разговение (каждому кулич, 2 яйца, четверть табака, коробок спичек, бумагу, по полфунта чая и сахара). Томичи активно участвовали в помощи раненым, ежедневно жертвовали в госпиталь деньги, чай, сахар, сладости и фрукты, навещали воинов²⁸⁹.

Частный лазарет И.М. Половцевой (на 50 коек) оценивался «Сибирской жизнью» еще лучше: «оборудование операционной, перевязочной, ванной и палат для раненых не оставляют ничего желать лучшего. Кровати с сетками, перовые подушки, байковые одеяла, бобриковые халаты и всегда чистое белье», стол для раненых «сытный, вкусный и разнообразный». В лазарете имелись библиотека и граммофон, для раненых устраивали сеансы «волшебного фонаря»²⁹⁰.

Была и масса «частных инициатив» по приему раненых. Так, иркутский горный кружок выступил с инициативой разместить в Усолье-Сибирском 100 раненых; инициатива была поддержана, но после проведенного обследования врачи настояли на ограничении приема раненых до 40 человек. Остальных нуждающихся в ме-

²⁸⁸ Горелов Ю.П. Жители Томска в оказании помощи раненым в Русско-японскую войну (1904–1905 гг.) // Наука и образование: материалы Всероссийской научной конференции (20–21 февраля 2003 г.). Белово, 2003. Ч. 2. С. 89.

²⁸⁹ Сибирская жизнь. 1904. № 175 (13 августа), № 190 (1 сентября), № 195 (8 сентября); 1905. № 24 (30 января), № 82 (13 апреля).

²⁹⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 272 (12 декабря).

дицинской помощи предполагалось разместить по частным домам. Так, жители Колывани могли принять у себя 79 солдат и офицеров. Жители села Чаусское – 35 человек, а в деревне Больше-Оешинская крестьяне тоже согласились принять на свое попечение 26 раненых.

В Ново-Николаевске на просьбу предоставить помещения для раненых откликнулось 165 домовладельцев, из них 36 изъявили желание предоставить раненым воинам отдельные помещения на 71 койко-место, а 129 домовладельцев предложили общие помещения на 166 коек²⁹¹. В Мариинске, где лазарет не смог принять всех прибывших раненых (100 человек), на просьбу медиков откликнулись 30 семей мариинцев, и еще 22 человека разместили в селе Вторая пристань рядом с городом²⁹².

Всё вышеперечисленное – примеры позитивного отношения населения к делу помощи раненым. Сюда же можно отнести заботы о снабжении госпиталей постельным бельем и одеждой, и особенно снабжение одеждой выписывающихся раненых (крайне актуальная проблема, так как по существующим нормативам военное ведомство снабжало выписывающихся раненых только верхней одеждой, да и то не всегда).

Так, в Томске Дамский комитет по изготовлению белья для раненых (его членами были 31 человек) в сентябре 1904 г. передал в городской комитет Красного Креста по 450 пододеяльников, простынь, наволочек, сорочек, кальсон, платков, полотенец и пар носков; по 150 байковых одеял, хирургических кальсон, халатов, колпаков, нижних наволочек, хирургических рубашек, пар шерстяных чулок, 55 суконных халатов. Для офицеров было передано по 30 штук наволочек, полотенец, простынь, платков, пар носков, хирургических сорочек, кальсон; по 10 штук колпаков и нижних наволочек, 9 бумазейных халатов, 150 скатертей, 30 докторских ха-

²⁹¹ *Фабрика Ю.А.* А для Сибири сугубо... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 52–53.

²⁹² *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала 20 века. Кемерово, 2003. С. 105.

латов и 10 офицерских²⁹³. За 1904 г. Дамский комитет для выписывающихся нижних чинов и офицеров изготовил 2560 предметов (для сравнения: к марту 1905 г. госпиталь во втором общежитии принял 453 нижних чина и 25 офицеров, лазарет на переселенческом пункте – 173 нижних чина²⁹⁴). Кроме этого, работали частные лица, приюты и другие учреждения. С 4 апреля 1904 г. по 1 января 1905 г. Дамский комитет собрал пожертвований на сумму 6041 руб., расход составил 5839 руб. 78 коп.; кроме этого, были пожертвования материалами и готовыми изделиями. Всё изготавливаемое белье передавалось в томские госпитали и санитарные поезда²⁹⁵.

Также в Томске для выписывающихся раненых отделение Красного Креста в ноябре 1904 г. (когда назрела необходимость) приобрело на свои средства 59 пар пимов, 50 брюк, 25 комплектов белья, 50 шапок, 25 полушубков, 65 пар чулок (впрочем, этого оказалось недостаточно). Раненым, которые лечились в госпитале И.М. Половцевой, за счет устроительницы выдавались (на каждого) полушубок, шаровары, пимы, две смены белья, кусок мыла, четверть табака, 3 руб. денег²⁹⁶.

Поражают масштабы деятельности Иркутского горного кружка. Он подразделял раненых на три категории: 1-я категория – раненые, которые ехали в санитарных поездах (обычно они были снабжены всем необходимым); 2-я категория – раненые, которые ехали в обычных поездах (их снабжали только билетом и кормовыми деньгами из расчета 21 коп. в сутки; эти раненые нуждались в нижнем и верхнем белье, одеялах и подушках, поскольку часто ехали в окровавленном белье или вовсе без него); 3-я категория – раненые, которые возвращались в строй (им военное ведомство выдавало только верхнюю одежду и холст на рубахи, соответственно они нуждались в фуфайках, варежках, рубахах, а также в табаке, мыле, сахаре и прочем). Горный кружок раздавал раненым 2-й и 3-й категории белья на 200–300 руб. в день, а также организовал стирку белья.

²⁹³ Сибирская жизнь. 1904. № 195 (8 сентября).

²⁹⁴ Сибирская жизнь. 1905. № 49 (4 марта).

²⁹⁵ Сибирская жизнь. 1905. № 82 (13 апреля).

²⁹⁶ Сибирская жизнь. 1904. № 272 (12 декабря).

В ноябре 1904 г. Иркутский горный кружок на ст. Иркутск выдал 3279 эвакуированным и раненым 6959 предметов и пар одежды и обуви; принял в собственной амбулатории 683 больных и выдал им лекарства; снабдил рубашками, кальсонами, шапками, валенками и портянками 340 нижних чинов, оправившихся от ран и возвращающихся в армию (выдано 1204 предмета и пар); раздавал белье, обувь, одежду раненым, выписанным домой из лазаретов Иркутска (1359 предметов и пар); произвел стирку и замену белья раненых воинов, проезжающих через Иркутск (1120 комплектов)²⁹⁷.

В январе 1905 г. раненым, выписывающимся из лазаретов Иркутска, Кружок выдал 2524 предмета и пар одежды и обуви, в феврале 1905 г. – 2169 предметов и пар, а также бумагу, конверты, пуговицы, иголки, нитки, кисеты, махорку, табак, сахар, мыло, карандаши, книги. За январь–февраль 1905 г. постирано 14 198 единиц белья. Кроме этого, в феврале 1905 г. 685 эвакуированным и раненым на станции Иннокентьевская было выдано 2110 предметов и пар, принято в амбулатории Кружка с выдачей лекарств 295 человек, в марте – 2938 раненых²⁹⁸.

За март–май 1905 г. Кружок собрал и передал в пользу раненых 6407 предметов и пар одежды и обуви, а также книги, нательные кресты, чай, сахар, табак и т. д. За три месяца было постирано и починено у проезжавших больных и раненых 45 663 единицы белья. Только на устройство пасхального разговения в апреле 1905 г. было собрано 840 руб. 94 коп. (не считая материальных пожертвований). В госпиталях и лазаретах Иркутска разговлялось 3455 раненых (еще 2500 человек разговлялось на сборном пункте), по госпиталям были розданы кулички, колбаса, яйца, табак и т. д.²⁹⁹

Составить представление о динамике пожертвований по газетным публикациям достаточно сложно, так как обычно в отчетах приводились итоговые цифры (на такое-то число собрано столько-то).

²⁹⁷ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1904. № 296 (12 декабря).

²⁹⁸ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1905. № 62 (22 марта), № 74 (6 апреля).

²⁹⁹ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1905. № 103 (13 мая), № 120 (4 июня), № 130 (17 июня).

Исключение составляет информация по сборам томичей в городской комитет Красного Креста (табл. 11).

Таблица 11

Пожертвования томичей в городской комитет Красного Креста за 1904 г.³⁰⁰

К 5 июня 1904 г. (март-май)	Средне-месячно за март-май	К 24 августа 1904 г.*	Средне-месячно за июнь-август 1904 г.	К 4 октября 1904 г.	За сентябрь 1904 г.	К 1 декабря 1904 г.	Средне-месячно за октябрь-ноябрь 1904 г.
4952 руб.	1650 руб.	9628 руб. 93,5 коп.	1559 руб.	11 164 руб. 82,5 коп.	1228 руб.	14 078 руб. 81 коп.	1457 руб.

* Дополнительно материальных пожертвований на 24 августа поступило: 349 рубрах, 190 кальсон, 154 портянки, 50 палаток, 50 коробок мясных консервов, 513 книг, 28 фунтов какао, по две скатерти и по два полотенца, марля.

Как показывают данные табл. 11, пожертвований постепенно становилось меньше. Стоит также учитывать, что дополнительно к указанным пожертвованиям среди томичей проводился сбор средств для оказания помощи раненым, прибывающим на лечение в Томск. К 1 февраля 1905 г. было собрано 3223 руб. 31 коп. и за февраль 1905 г. – 415 руб. 20 коп.³⁰¹

Итак, и в Сибири, и на Дальнем Востоке жители активно откликнулись на призывы помочь раненым воинам. Вместе с тем можно было наблюдать и обратные тенденции. Нередко домовладельцы всеми возможными способами «открещивались» от постоя и больных, и здоровых нижних чинов. Случаи были столь массовыми, что во многих городах пошли по пути назначения денежного возмещения за отказ от постоев. В Томске размер возмещения составлял 14 руб. за раненого в месяц, в Иркутске – 50 руб.

³⁰⁰ Составлено и подсчитано по материалам газеты «Сибирская жизнь». 1904. № 122 (9 июня), № 187 (27 августа), № 221 (10 октября), № 269 (9 декабря).

³⁰¹ Сибирская жизнь. 1905. № 65 (23 марта).

К концу лета 1904 г., по сообщению члена Томского правления особого комитета Красного Креста Исаака Самуиловича Быховского, приток пожертвований уменьшился, а многие лица, обещавшие вначале жертвовать на нужды Комитета, стали от этих взносов уклоняться. В целях увеличения средств на нужды войны Комитет принял решение об устройстве концертов, спектаклей, чтений, базаров, лотереи, об открытии подписки с целью информирования населения о поступивших пожертвованиях и др. Силами общины сестер милосердия Красного Креста в Томске и Барнауле устраивались многочисленные концерты и проводилась благотворительная лотерея-аллегри. В Томске духовой оркестр, сформированный из числа служащих в торговых заведениях томского предпринимателя Ивана Герасимовича Гадалова, 13 вечеров, по четвергам, давал благотворительные концерты в городском саду. При входе в сад были поставлены кружки Томского комитета Красного Креста, посетители могли пожертвовать, кто сколько может и желает, но не менее 5 коп. со взрослого. Сбор пожертвований Обществу Красного Креста достиг 962 руб. 58 коп. Исаак Самуилович Быховский безвозмездно предоставил собственный сад «Алтай» в пользу Красного Креста для проведения там различных мероприятий и гуляний³⁰².

В Мариинске летом 1904 г. обывателям было предложено размещать раненых по домам (за вознаграждение); по сообщениям прессы, одни обыватели отнеслись к предложению «крайне сдержанно», другие – легкомысленно, а «в иных случаях даже не без корыстных соображений». Кроме того, газета сообщала, что «на днях возобновил свое существование “дамский комитет”, закрывшийся месяц назад после того, как на пожертвованные деньги сшил и отослал белье на 75 раненых; сбор новых пожертвований идет туго»³⁰³.

В Иркутске размещение раненых предложили духовному ведомству. Как сообщило об этом «Восточное обозрение», мнения

³⁰² Огорокова О.В. Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4. Т. 2 (76). С. 170.

³⁰³ Сибирская жизнь. 1904. № 150 (13 июля).

разделились: одни представители духовенства «совершенно отрицают обязательность для себя этой повинности», а другие ссылаются на то, что «иждивением духовенства уже содержится Андреевский госпиталь». Газета отмечала, что духовные лица несут все повинности, как и другие обыватели³⁰⁴.

Сбор пожертвований встречал разную реакцию. Например, «Сибирская жизнь» отмечала, что сбор на нужды раненых «встречает сочувствие среди людей простого звания, в домах же некоторых зажиточных лиц относятся к сборщикам даже иногда грубо»³⁰⁵. Но самое главное – просьбы о помощи раненым зачастую перерастали в требования со стороны военного ведомства, причем эти требования никак не соотносились с реальными возможностями региона.

К примеру, в Благовещенске городская дума в ответ на призывы общества Красного Креста, что «помощь больным и раненым на Дальнем Востоке есть святое дело», 21 апреля 1904 г. приняла официальное постановление о том, что вследствие войны 1900 г., эпидемии холеры и прочих обстоятельств «городские финансы пришли в полное расстройство», поэтому городская дума, несмотря на «свое глубокое сочувствие святому делу несения помощи больным и раненым на Дальнем Востоке, не в состоянии в данный момент пожертвовать более 1000 рублей»³⁰⁶. В Красноярске городская дума в начале 1905 г. организовала питательный пункт для приема возвращающихся на родину больных и раненых, но ассигновать больше 1000 руб. не смогла при всём желании. Выделенных средств должно было хватить на 2-3 месяца³⁰⁷.

В Томске в январе 1905 г. было получено предписание об открытии 10 дополнительных госпиталей по 210 койко-мест в каждом. Специальная комиссия, осмотрев городские здания, пришла к выводу, что это невозможно³⁰⁸. Томская городская дума, рассмотрев на

³⁰⁴ Восточное обозрение. 1904. № 192 (3 сентября).

³⁰⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 98 (8 мая).

³⁰⁶ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 136.

³⁰⁷ Восточное обозрение. 1905. № 14 (18 января).

³⁰⁸ Сибирская жизнь. 1905. № 16 (21 января).

заседании вопрос об открытии госпиталей, заявила, что наличных помещений в городе хватает максимум на 5 госпиталей, и решила арендовать под госпитали дом Чистякова, а также часть школьных помещений, переведя учащихся на учебу в две смены, и дополнительно приступить к постройке барачов³⁰⁹.

Город Иркутск уже в октябре 1904 г. обязали принять 15 тыс. раненых. Городская дума энергично протестовала, заявляя, что максимум мест, которые может предоставить Иркутск, – 6 тыс. при условии размещения раненых во всех учебных заведениях, казенных учреждениях и общественном собрании. Однако это приведет к катастрофическим последствиям. Во-первых, будут деморализованы 4,5 тыс. учащихся, не говоря о том, что в школах и интернатах Иркутска учится много детей из других городов Сибири и Дальнего Востока, они окажутся просто на улице. Во-вторых, увеличение населения приведет к огромному росту цен на продукты, дрова и жилье (а цены уже и так высоки). В-третьих, ухудшится и без того сложная эпидемиологическая обстановка с учетом скученности населения и отсутствия в городе канализации. Кроме того, с началом войны население Иркутска увеличилось на 20 % за счет расквартирования войск, организации лазаретов и прибытия населения из мест, близких к театру военных действий. Казна города несет большие расходы по мобилизации, и выдержать дополнительную финансовую нагрузку она просто не сможет. Все эти соображения городская дума изложила в специальном ходатайстве на имя Николая II, прося его отменить распоряжение военных властей, и опубликовало в местной прессе³¹⁰.

В ноябре Иркутской думе пришлось отбиваться от «акул пера» из «Нового времени» и «Московских ведомостей», обвинивших думу в том, что она наживается за счет войны, а ее ходатайство об уменьшении числа раненых, размещаемых в городе, не более чем увертки. Иркутская городская дума приняла постановление послать опровержение на статьи в газете «Новое время» и возбудить дело по обвинению в клевете. «Восточное обозрение» напечатало

³⁰⁹ Сибирская жизнь. 1905. № 19 (25 января).

³¹⁰ Восточное обозрение. 1904. № 257 (28 октября).

на своих страницах официальное опровержение и посвятило этой теме собственные статьи. Повторив аргументы из ходатайства на имя Николая II, и дума, и газета указывали, что положение Иркутска крайне тяжелое: количество врачей сократилось в два раза, казна пуста, наблюдается небывалая дороговизна и отсутствие многих товаров, нет свеч, керосина, угля, стоимость дров дошла до 11 руб. за сажень, «население бедствует и даже, без преувеличения можно сказать, живет впроголодь», в деревне хозяйство осталось «на бабах», санитарные условия Иркутска, особенно весной и осенью, ниже всякой критики. Между тем город несет воинскую повинность и на расходы, вызванные мобилизацией, уже издержал 60 тыс. руб. Командующему Маньчжурской армией А.Н. Куропаткину было передано 12 тыс. руб. пожертвований, собранных жителями города на нужды раненых. Иркутск выделил помещения для четырех госпиталей, работают Дамский комитет и Горный кружок³¹¹.

Специальное совещание по вопросам размещения раненых установило, что Иркутск не имеет возможности выделить для раненых свыше 3585 коек, из которых 575 коек могут быть расположены в зданиях, занятых военным ведомством; 1590 коек – в зданиях, занятых эвакуационной комиссией; 1000 коек – в помещениях Красного Креста; 420 коек могут быть размещены в различных помещениях частных лиц, но «и это число вследствие крайне дурного санитарного состояния города требует уменьшения»³¹².

В январе 1905 г. снова встал вопрос о дополнительном размещении раненых в Иркутске: совещание по вопросам размещения раненых еще раз обратило внимание главнокомандующего, что даже если занять все учебные учреждения города, общественное собрание и клуб, то требуемых 20 тыс. мест для раненых всё равно не наберется. Духовная семинария отдала для организации дополнительных госпиталей три своих здания (школу, больницу и общежитие), но и этого оказалось недостаточно. В конце месяца ввиду вероятности объявления военного положения в Иркутске и занятия

³¹¹ Восточное обозрение. 1904. № 272 (14 ноября), № 274 (17 ноября), № 277 (20 ноября).

³¹² Восточное обозрение. 1904. № 272 (14 ноября).

помещений под госпитали в порядке реквизиций под угрозой выселения оказались даже городская управа и дума. Ситуация усугублялась травлей Иркутской думы, которую продолжали вести «Новое время» и «Московские ведомости», обвинявшие городские власти в том, что те «пальцем не шевельнули на помощь раненым»³¹³. Редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов с гневом писал по этому поводу: «В тяжелом положении раненых Иркутск не виновен – виновны господа нововременцы, ранее пропагандировавшие войну с “япошками”, а теперь поднявшие знамя провокации против истинно русских людей»³¹⁴.

В марте 1905 г. военное ведомство потребовало предоставить 10 тыс. госпитальных мест. Специальное совещание, рассмотрев требование, признало необходимым занять под госпитали все общественные здания города, включая общественное собрание, клуб Общества приказчиков, управление Кругобайкальской железной дороги и даже часть канцелярии генерал-губернатора! Но и эти меры не позволяли довести число коек до 10 тыс., оставшихся 295 раненых предлагалось расквартировать в домах обывателей³¹⁵. Центральная пресса продолжала живо интересоваться «делом с ранеными». «Новое время», обвиняя Иркутскую думу («капризничает», «самодурствует»), предлагала прибегнуть к реквизициям помещений («живо найдется 16 тысяч мест, а не 6»); «Наша жизнь», напротив, защищала иркутян³¹⁶. В апреле 1905 г. военное ведомство потребовало отвода под госпитали школьных помещений, гласным думы пришлось согласиться: по выражению «Восточного обозрения», «дальнейшие разговоры становятся бессмысленными при возможной для Иркутска реквизиции»³¹⁷.

Критическая ситуация, сложившаяся относительно приема раненых, наблюдалась и в других городах региона. К августу 1904 г. были переполнены военные госпитали в Чите. Газеты с тревогой

³¹³ Восточное обозрение. 1905. № 15, 16, 18, 20, 21 (19, 20, 22, 25, 26 января).

³¹⁴ Восточное обозрение. 1905. № 20 (25 января).

³¹⁵ Восточное обозрение. 1905. № 56 (15 марта).

³¹⁶ Восточное обозрение. 1905. № 56, 70 (15 марта, 1 апреля).

³¹⁷ Восточное обозрение. 1905. № 93 (29 апреля).

писали: «держатся упорные слухи, что помещения учебных заведений будут взяты под госпитали»³¹⁸. Госпитальное ведомство заняло городские земли под строительство госпиталей, были вырублены заповедные городские леса и т. д. Гласный Читинской думы Хлыновский, указывая на узурпаторство и полную беспомощность города в отстаивании своих прав, в знак протеста сложил с себя полномочия гласного думы³¹⁹.

В ноябре 1904 г. примерно с тем же ужасом, что и Иркутск, готовился к приему нескольких тысяч раненых Омск (комментарии прессы: в городе нет даже ассенизационного обоза, врачей мало, так как многие уехали на Дальний Восток, дороговизна, отсутствие многих продуктов и товаров и т. п.³²⁰).

В Нерчинске осенью 1904 г. выписывающиеся из лазаретов раненые ничего не имели, нужна была срочная помощь³²¹. Ее оказали не официальные органы (например, военное госпитальное ведомство), а Иркутский горный кружок, в ноябре 1904 г. на эти цели он собрал 437 руб. 46 коп. и 40 руб. вещами³²².

Весной 1905 г. наблюдалась острая нехватка больничных коек в Челябинске (всего 145, а требовалось намного больше). По свидетельству «Сибирской жизни», ежемесячно в городе скапливалось не менее 300 человек раненых, хотя бывали и дни, когда приходило до 8 эшелонов по 100 человек каждый. Для нормального приема раненых требовалось разместить еще минимум 400 коек³²³.

Примеров можно приводить много. Острая ситуация с ранеными была вызвана тем, что военное госпитальное ведомство не рассчитывало на такое их количество. Изначально существовавшее в русском обществе (в том числе в военных кругах) убеждение, что Япония является ничтожным противником, а война будет «маленькой и победоносной», привело к тому, что военное ведомство не подготовилось к войне (в том числе с медицинской точки зрения).

³¹⁸ Сибирская жизнь. 1904. № 240 (3 ноября)

³¹⁹ Восточное обозрение. 1905. № 179 (17 августа).

³²⁰ Восточное обозрение. 1905. № 279 (23 ноября).

³²¹ Сибирская жизнь. 1904. № 275 (16 декабря).

³²² Сибирская жизнь. 1904. № 278 (19 декабря).

³²³ Сибирская жизнь. 1905. № 42 (22 февраля).

Между тем санитарные потери русских войск в Русско-японской войне составили 557 854 человека, в том числе ранеными 151 944 человека и больными 405 910 человек³²⁴.

Еще одной проблемой стало уменьшение количества врачей и фельдшеров, мобилизованных на войну или на помощь раненым. Из крупных лечебных центров, Томска и Иркутска, на фронт забрали сразу 55 врачей, в Енисейской губернии из-за мобилизации осталось обслуживать сельские участки 46 фельдшеров вместо 70³²⁵. О том, как это отразилось на сибиряках, писало, например, «Восточное обозрение»: в селе Косостепское Верхоленского уезда «со времен войны косостепцы не видят не только врача, но даже и фельдшера... почти всё население уже переболело тифом»; в селе Тунка Иркутского уезда был взят в ополчение фельдшер, после чего «с медицинской помощью стало совсем плохо»; в селе Гоирюльское Верхоленского уезда также был мобилизован фельдшер, полтора месяца в селе не видели вообще никакой медицинской помощи; в селе Чугуйское Киренского уезда остались один доктор и один фельдшер из двух; в селе Марковское того же уезда мобилизовали единственного фельдшера³²⁶. Подобных случаев было множество.

А если добавить к этому отсутствие лекарств, «застревавших» на железной дороге, картина становится и вовсе ужасающая. Так, весной 1905 г. «Восточное обозрение» писало о тяжелом положении Енисейской губернии, где лекарства завоза 1904 г. израсходовались полностью, а новые «застряли» на железной дороге: «Всё это может поставить оказание медицинской помощи населению в самое критическое положение»³²⁷. Эта же газета отмечала, что в Благовещен-

³²⁴ Рудой Н.А. Деятельность Красного Креста во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 6. С. 60.

³²⁵ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 69.

³²⁶ Восточное обозрение. 1904. № 61 (12 марта), № 170 (18 июля), № 178 (28 июля), № 185 (5 августа), № 200 (22 августа).

³²⁷ Восточное обозрение. 1905. № 74 (6 апреля).

ске в 1905 г. не получили лекарства, выписанные еще в июне 1904 г., население и немногочисленные врачи с ужасом ждут лета с эпидемиями желудочно-кишечных заболеваний³²⁸.

Отдельной строкой идут пожертвования «на нужды войны». Их собирали в Сибири, как уже отмечалось, конкретно к визиту А.Н. Куропаткина. Характерно, что командующему их, как правило, передавали с просьбой использовать на конкретные цели, чаще всего для нужд раненых (как, например, средства, собранные жителями Иркутска) или для улучшения снабжения нижних чинов. О характере использования пожертвований на нужды войны дает представление отчет, опубликованный в «Вестнике Маньчжурской армии». Так, согласно отчету о приходе и расходе пожертвований, поступивших в распоряжение командующего Маньчжурской армией от разных лиц и учреждений на нужды армии по 12 июля 1904 г., пожертвования г. Томска (15 100 руб.), Томского женского монастыря (1000 руб.) и крестьян 4-го участка Томского уезда (1000 руб.) были израсходованы следующим образом:

1) на заготовление хлопчатобумажной ткани и одеял для 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (4932 руб.) и «на покупку разных съестных продуктов на улучшение стола (2354 руб. 38 коп.)» – 7286 руб. 38 коп.;

2) на уплату товариществу резиновой мануфактуры Генри-Кирштен за доставленные из Петербурга 1000 штук непромокаемых накидок для армии – 6000 руб.;

3) на покупку 4691 аршина дрели (ткани) на шитье рубах для 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка – 750 руб.;

4) на заготовление табака для нижних чинов армии – 1000 руб.;

5) на пособие вдове убитого в бою под Тюренченом 18 апреля капитана Ракутина – 600 руб.;

6) на пособие раненому 21 мая в бою у Вафангоу полковнику Серее – 500 руб.;

7) на пособие раненому в бою капитану 2-й батареи 6-й артиллерийской бригады Воробьеву – 400 руб.;

³²⁸ Восточное обозрение. 1905. № 55 (13 марта).

8) на пособие вдове и шестерым детям убитого 25 мая в перестрелке с японцами штабс-капитана 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Ляшко – 400 руб.³²⁹

Позже расплывчатый призыв жертвовать «на нужды войны» сменился призывами жертвовать на конкретные нужды частей, причем преимущественно «своих» (т. е. томичей призывали жертвовать на нужды Томского полка, иркутян – на нужды Иркутского полка и т. д.). Дополнительно публиковался список необходимых продуктов и предметов, а население, как правило, отзывалось быстро и с сочувствием. Так, томичи практически мгновенно откликнулись на просьбу 8-го Томского сибирского полка срочно прислать нательное белье, 27 июля 1904 г. прошла публикация об этом в «Сибирской жизни» и был открыт сбор пожертвований, а 1 августа городская управа уже передала полку 5 тюков, включая 382 рубахи, 257 кальсон, 154 пары портянок³³⁰. Посылки для полка собирались горожанами и в дальнейшем: 5 сентября 1904 г. в часть были отправлены 201 ситцевая и 10 холщовых рубах, 208 кальсон, 84 пары суконных и одна пара холщовых портянок, 4 полотенца, 524 аршина холста; в октябре полк получил от томичей еще 9 тюков белья; 28 ноября была отправлена посылка, состоящая из 33 пудов табака, 10 ящиков спичек, 100 пудов сушек, 16 пудов сухарей, 6 пудов сахара, 8 пудов 20 фунтов рукавиц, 3 пудов 20 фунтов книг, 2 пудов 20 фунтов мыла, 3 пудов 20 фунтов курительной бумаги, 3 пудов 20 фунтов бумази, 7 пудов 20 фунтов белья, 26 пудов разной одежды, 5 пудов свечей³³¹. С мая 1904 г. Томский полк получал посылки практически каждую неделю, за что солдаты и офицеры очень благодарили горожан.

Весьма обширной была деятельность Иркутского Горного кружка по оказанию непосредственной помощи воинам на Дальнем Востоке: к 1 июня 1904 г. он собрал 16 998 руб. 40 коп. пожертвований, израсходовал 9778 руб. 7 коп. Общая сумма всех пожертвований (включая вещевые) к 1 июня 1904 г. составила 19 195 руб.

³²⁹ Вестник Маньчжурской армии. 1904. № 52 (19 сентября).

³³⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 166 (1 августа).

³³¹ Сибирская жизнь. 1904. № 194 (5 сентября), № 248 (12 ноября), № 262 (30 ноября).

95 коп. В мастерской кружка 125 чел. занимались пошивом белья для воинов, этим же занимались жены служащих Горного ведомства в Усолье, Черемхове и других селах. Кружок отправил в действующую армию 191 тюк белья, причем вещи передавали через начальников эшелонов, агентов и знакомых Кружка, а также непосредственно раздавали в Иркутске, на станциях Байкал и Иннокентьевская. На Кругобайкальском тракте были организованы 4 аптечки. Деятельность Кружка заслужила горячую благодарность в армии еще и потому, что Кружок имел своих «агентов» в войсках и отвечал на действительные нужды воинов³³².

К осени 1904 г. в Горный кружок обращались уже целые войсковые части (например, 10-й, 24-й и 36-й стрелковый, Енисейский и Иркутский полки) с просьбой оказать любую помощь. К 1 декабря 1904 г. объединение собрало пожертвований на сумму 44 897 руб. 93 коп., вещами и материалами – на сумму свыше 10 тыс. руб., общий приход по кассе и складу на 1 декабря 1904 г. составил 55 637 руб. 93 коп., расход – 35 336 руб. 83 коп. За ноябрь 1904 г. Кружок отправил в действующую армию 1524 предмета и пар одежды и обуви, в мастерских Кружка было изготовлено 1617 рубашек, 935 пар теплых портянок, 160 платков, 97 теплых кальсон, 80 полотенец, 50 пар наушников, 6 суконных курток³³³.

В январе 1905 г. Кружок отправил в действующую армию 5024 предмета и пары одежды и обуви, изготовил 4472 предмета и пары (башлыки, рубашки, кальсоны, портянки и т. д.). В феврале 1905 г. в действующую армию было отправлено 4589 предметов и пар (60 тюков белья), изготовлено 1237 рубашек, 332 кальсон, 284 набрюшника, 691 пара портянок³³⁴. В марте 1905 г. Кружок отправил 25 тюков вещей, изготовил в своих мастерских 4217 предметов и пар одежды и обуви³³⁵; в апреле 1905 г. – 1928 предметов и пар,

³³² Восточное обозрение. 1904. № 199 (21 августа).

³³³ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1904. № 296 (12 декабря).

³³⁴ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1905. № 62 (22 марта).

³³⁵ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1905. № 103 (13 мая).

отправил в армию 69 тюков белья³³⁶; в мае 1905 г. Кружок отправил в армию 47 тюков вещей, изготовил 4613 предметов и пар³³⁷.

Динамика сбора пожертвований Иркутским Горным кружком представлена в табл. 12.

Таблица 12

Сбор пожертвований Иркутским Горным кружком непосредственной помощи воинам на Дальнем Востоке за период Русско-японской войны³³⁸

Период	Поступления по кассе	Прирост, средне-месячно	Поступления по складу	Прирост, средне-месячно	Всего поступлений
На 1 июня 1904 г.	16 998 руб. 40 коп.	По 4249 руб. 60 коп. (февраль-май)	2197 руб. 55 коп.	По 550 руб. (февраль-май)	19 195 руб. 95 коп.
На 1 декабря 1904 г.	44 897 руб. 93 коп.	По 4649 руб. 92 коп. (июнь-ноябрь)	10 740 руб.	По 1423 руб. 74 коп. (июнь-ноябрь)	55 637 руб. 93 коп.
На 1 февраля 1905 г.	58 334 руб. 53 коп.	По 6718 руб. 30 коп. (декабрь-январь)	17 140 руб.	По 3200 руб. (декабрь-январь)	75 474 руб. 53 коп.
На 1 марта 1905 г.	65 118 руб. 69 коп.	6784 руб. 16 коп. (за февраль)	17 420 руб. + материальные пожертвования	280 руб. + 675 предметов и пар (за февраль)	82 538 руб. 69 коп.
На 1 апреля 1905 г.	67 724 руб. 28 коп.	2605 руб. 59 коп. (за март)	Не указано	2040 предме- тов и пар (за март)	Не указано

³³⁶ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1905. № 120 (4 июня).

³³⁷ Подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1905. № 130 (17 июня).

³³⁸ Составлено и подсчитано по материалам газеты «Восточное обозрение». 1904. № 199 (21 августа), № 296 (12 декабря); 1905. № 62 (22 марта), № 103 (13 мая), № 120 (4 июня), № 130 (17 июня).

Окончание табл. 12

Период	Поступления по кассе	Прирост, среднемесячно	Поступления по складу	Прирост, среднемесячно	Всего поступлений
На 1 мая 1905 г.	71 386 руб. 06 коп.	3661 руб. 78 коп. (за апрель)	Не указано	1280 предметов и пар (за апрель)	Не указано
На 1 июня 1905 г.	76 360 руб. 45 коп.	4974 руб. 39 коп. (за май)	18 720 руб.	По 433 руб. (за март-май)	95 080 руб. 45 коп.

Как видно из представленных данных, сбор пожертвований то увеличивался, то уменьшался, а общая сумма собранных пожертвований за полтора года войны составила внушительную цифру – 95 тыс. руб.

Хотя бы примерно оценить масштабы собираемых населением пожертвований, связанных с войной, можно на примере Томска. С февраля 1904 г. по апрель 1905 г. в Томске было собрано:

1) на нужды войны – 15 100 руб. (были переданы специальной делегацией города в ходе следования А.Н. Куропаткина на театр войны);

2) на нужды семей запасных нижних чинов – не менее 35 482 руб. 79 коп. (общий сбор пожертвований на нужды семей запасных через городскую управу, Дамский комитет и редакцию «Сибирской жизни» к 1 июня 1904 г. составил 20 509 руб. 86 коп.; пожертвования, поступившие через управу с июня 1904 г. по февраль 1905 г., – 4068 руб. 83 коп.; выдано пособий Дамским комитетом с июня 1904 г. по апрель 1905 г. 10 904 руб. 10 коп.);

3) на нужды раненых – не менее 20 405 руб. 35 коп. (пожертвования томичей в городской комитет Красного Креста с 9 апреля 1904 г. по 10 февраля 1905 г. – 16 766 руб. 83,5 коп.; средства для оказания помощи раненым, прибывающим на излечение в Томск, к 1 марта 1905 г. составили 3638 руб. 51 коп.);

4) пожертвования духовного ведомства Томска к 1 мая 1905 г. – 30 532 руб. 77 коп.;

- 5) пожертвования на военнопленных – не менее 1953 руб. 2 коп.;
- 6) пожертвования на флот – не менее 4239 руб. 84 коп.

Итого не менее 97 903 руб. 95 коп.³³⁹

Для сравнения: доход городского самоуправления Томска за первое полугодие 1904 г. составил 331 428 руб. 35 коп. Таким образом, только денежные пожертвования населения за период с февраля 1904 г. по апрель 1905 г. составили около 1/6 части годового городского бюджета; весьма внушительными были также пожертвования продуктами и материалами (см. выше), особенно для раненых и военнослужащих 8-го Томского полка.

Заметим также, что численность населения г. Томска в 1904 г. составляла примерно 65 тыс. человек (по переписи 1900 г. в Томске было 55 тыс. жителей, по переписи 1917 г. – чуть больше 100 тыс.), из которых 1/3 составляли дети и подростки³⁴⁰. При этом заработная плата взрослого рабочего колебалась в пределах от 10 до 20 руб. в месяц³⁴¹.

Но добровольными пожертвованиями дело не ограничивалось. На местные бюджеты возлагались также расходы по мобилизации и содержанию семей запасных нижних чинов. Расходы г. Томска по мобилизации за первое полугодие 1904 г. составили 32 062 руб. 89 коп., а на пособия семьям запасных нижних чинов было выдано 6133 руб. 50 коп.³⁴² К 1 января 1905 г. расходы г. Томска по мобилизации составили 88 068 руб., в том числе на наем квартир для военнослужащих – 6218 руб. 60 коп., на постройку бараков – 25 588 руб. 42 коп., на устройство столовых и пекарен – 14 997 руб. 28 коп., на устройство конюшен и коновязей – 7835 руб. 74 коп., на отопление – 10 196 руб. 92 коп. На выдачу квартирных денег семьям запасных нижних чинов было израсходовано 13 477 руб.³⁴³

В начале января 1905 г. Томская городская дума приняла постановление ходатайствовать о ссуде на покрытие расходов, связанных

³³⁹ Подсчитано по публикациям газеты «Сибирская жизнь» за 1904–1905 гг.

³⁴⁰ *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири 1900–1928 гг. Новосибирск, 1996. С. 87.

³⁴¹ Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 2004. С. 115.

³⁴² Сибирская жизнь. 1904. № 168 (4 августа).

³⁴³ Сибирская жизнь. 1905. № 13 (18 января).

с мобилизацией и другими обстоятельствами военного времени. Общий итог расходов к 1 января 1905 г. был оценен в 91 483 руб. 30 коп., от военного ведомства было получено около 21 тыс. руб. Таким образом, расходы города составили почти 70 тыс. руб. Дума приняла решение просить ссуду в 150 тыс. руб. (70 тыс. руб. – на покрытие расходов 1904 г., 30 тыс. руб. – на покрытие ожидаемых расходов 1905 г., 50 тыс. руб. – на постройку барачков под госпитали)³⁴⁴.

В Благовещенске за первое полугодие 1904 г. дополнительные расходы, связанные с войной, составили 30 тыс. руб., при этом доходы города вследствие войны уменьшились. Городская дума констатировала, что дефицит городского бюджета на 4 июня 1904 г. составил 36 605 руб. 18 коп., «на его покрытие средств в распоряжении города не имеется». Если в 1903 г. с 1 января по 10 мая поступило 23 705 руб. 69 коп., то в 1904 г. с 1 января по 10 мая поступило 8016 руб. 28 коп., за год недобор средств по всем статьям должен составить примерно 75 тыс. руб.³⁴⁵

В целом положение дел в связи с войной Благовещенской городской думой оценивалось весьма мрачно: «Торговля вследствие невозможности доставки товаров сократится, и цены на все предметы по причине большей трудности перевозки поднимутся. Фабрично-заводская промышленность по причине недостатка рабочих рук и дороговизны их остановится и будет переживать полный застой. Мелкая промышленность за недостатком рабочих рук и трудности приобретения продовольствия для довольствия совершенно падет. Земледелие вследствие того же недостатка рабочих рук и дороговизны их сильно сократится в своих размерах»³⁴⁶. Следствием всего этого, по мнению думы, станет уменьшение городских доходов. Так как «доход города уменьшен», то городская управа «лишена возможности приступить к необходимому ремонту зданий и заготовке дров для отопления городских помещений», с большим тру-

³⁴⁴ Сибирская жизнь. 1905. № 20 (26 января).

³⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 173.

³⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 177.

дом собрали деньги на зарплату служащим. «Необходимо просить правительство о выдаче городу ссуды».

На заседании 18 июня 1904 г. Благовещенская городская дума опять рассмотрела вопрос о финансах. Согласно докладу городской управы, расходы за первое полугодие 1904 г. составили 284 088 руб. 78 коп., доходы – 247 483 руб. 60 коп., дефицит бюджета – 36 605 руб. Управа констатировала, что доход будет падать, а расходы – расти, поэтому необходимо просить ссуду в 250 тыс. руб. Как было написано в постановлении, из-за призыва запасных, прекращения подвоза продуктов и товаров, роста цен, а также «за недостатком отозванных на войну людей, а затем и близости театра военных действий... г. Благовещенск оказался в исключительно скверных условиях»³⁴⁷.

Ходатайство о ссуде было составлено и передано по инстанции, но позитивного ответа Благовещенская дума так и не дождалась. На заседании 30 декабря 1904 г. городская управа г. Благовещенска представила смету доходов и расходов на 1905 г. Согласно смете доходы должны были составить 248 812 руб. 17 коп., расходы – 357 381 руб. 62 коп. В ответ Благовещенская городская дума потребовала «ужаться»³⁴⁸.

На заседании 18 марта 1905 г. было рассмотрено предложение военного губернатора Амурской области Д.В. Путяты, касающееся просьбы городской думы о ссуде в 250 тыс. руб. Поскольку Министерство внутренних дел «вследствие тяжелого финансового положения государственного казначейства... не нашло возможным поддерживать ходатайства общественных управлений о правительственных ссудах на удовлетворение первостепенных нужд городов»³⁴⁹, Д.В. Путята предложил просить ссуду конкретно на выдачу квартирных денег. Дума израсходовала на это в 1904 г. 20 709 руб. 50 коп. В 1905 г., по оценке Думы, на выдачу квартирных денег должно было потребоваться еще до 22 тыс. руб., «средств же в городской кассе на удовлетворение этой потребности никаких не

³⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 28. Л. 183.

³⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 29. Л. 184.

³⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 83.

имеется», «городские финансы вследствие военных действий на Дальнем Востоке пришли в полное расстройство». В 1904 г. недобор в доходах составил до 50 тыс. руб., в 1905 г. была составлена смета с дефицитом в 39 тыс. руб. На самом деле дефицит, по оценке Думы, ожидался еще больше, поэтому Благовещенская городская дума, не вняв совету Д.В. Путьяты, постановила вновь ходатайствовать о ссуде в 250 тыс.³⁵⁰

Владивостокская городская дума на заседании 30 декабря 1904 г. констатировала сокращение расходов «вследствие исключительно положения г. Владивостока, вызванного военными обстоятельствами, доходность города выразилась в сумме до 270 тысяч рублей вместо ожидавшихся по смете 400 тысяч рублей, почему на 1 января дефицит по выполнению сметы 1904 г. выразится в сумме 70 тысяч рублей». Постановили «на покрытие дефицита временно обратить 40 тысяч из капитала на постройку Промышленного училища, а недостающую сумму взять из тех статей кредитного списка, которые могут быть сокращены без ущерба для городского хозяйства»³⁵¹.

Из-за войны сборы с городских имущественных и оброчных статей в 1904 г. составили всего 140 717 руб. 7 коп. (предполагалось собрать 205 416 руб.), сборы с городских предприятий – 48 357 руб. 45 коп. (вместо предполагаемых 62 500 руб.), сборы с недвижимого имущества – 36 500 руб. (вместо 40 000 руб.)³⁵². Если в 1903 г. поступило различных капиталов на сумму в 830 652 руб. 17 коп. (из них 711 384 руб. 60 коп. было израсходовано), то в 1904 г. – на сумму 502 881 руб. 3 коп. (было израсходовано 638 831 руб. 28 коп.)³⁵³. При этом воинская квартирная повинность, например, в 1904 г. отняла из доходов города 9334 руб., а в 1905 г. – 11 447 руб. 65 коп.³⁵⁴ Из-за падения доходов и увеличения расходов вследствие войны пришлось сокращать основные статьи городского бюджета.

³⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 83.

³⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.

³⁵² РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 53. Л. 14–15.

³⁵³ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

³⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 53. Л. 17.

Например, расходы на постройку новых зданий были сокращены с 54 269 руб. 54 коп. в 1903 г. до 15 040 руб. в 1904 г., а в 1905 г. составили всего 5255 руб. 64 коп.³⁵⁵

Уже в июне 1904 г. на заседании городской думы было отмечено крайне тяжелое состояние клиентов городских банков. Постановление думы гласило: «Война и осадное положение крепости поставили клиентов Банка в такое положение, что они не могут уплатить не только ссуды под недвижимое имущество, но и проценты, ввиду чего Правление Банка ходатайствует о представлении заемщикам льгот в виде отсрочки уплаты ссуд под недвижимое имущество на 12 месяцев, а для ссуд под движимое имущество – на 6 месяцев. Вместе с тем Правление ходатайствует об освобождении Банка от уплаты процентов на городские капиталы за время войны. Докладывая вышеизложенное, Городская управа предлагает: 1) войти с ходатайством по вопросу о льготах для заемщиков банка и 2) отсрочить платеж процентов на городские капиталы до тех пор, пока Банк сам будет в состоянии получать платежи и проценты со своих клиентов»³⁵⁶.

Владивостокская городская дума 4 января 1905 г. рассмотрела вопрос о квартирных окладах и постановила: «По поводу расквартирования войск в городе и эвакуации жителей постановлено нанять и приспособить свободные дома для расквартирования войск казенным порядком, доплату расходов по найму домов отнести на имеемый у города капитал в пособие для отбывания воинской повинности; ввиду несоответствия казенных квартирных окладов с действительными местными ценами на квартиры возбудить ходатайство о переводе города по квартирному довольствию в высший разряд; поручить городскому голове составить проект всеподданнейшего прошения на Высочайшее имя, дабы повергнуть к стопам Его Императорского Величества ходатайство об облегчении городу Владивостоку, поставленному ходом военных событий в исключительное положение, исполнение возлагаемых законом обязанностей городского самоуправления, изложив при этом, что условия военного времени создают такие внезапности и неопреде-

³⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 53. Л. 222.

³⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 55. Л. 15.

ленности в течении городской жизни, которые не дают возможности вести какое бы то ни было хозяйство»³⁵⁷. При этом Владивостоку еще, можно сказать, повезло. Благодаря коменданту крепости Владивосток Г.Н. Казбеку Думе удалось «выбить» из вышестоящих властей значительные ссуды (свыше миллиона рублей), что позволило увеличить поступление капиталов в 1905 г. до 1 798 524 руб. 64 коп.³⁵⁸

В целом, говоря о помощи действующей армии, можно отметить следующее. Население Сибири и Дальнего Востока горячо откликнулось на призывы о помощи. Сборы денежных пожертвований, а также вещей и продуктов как в пользу действующей армии, так и раненых были весьма значительны (десятки и даже сотни тысяч рублей, десятки тысяч предметов обмундирования, продовольствие и т. д.). Открывались госпитали и лазареты, проводились акции по довольствованию проезжающих войск. В целом благотворительность общества сохранялась на высоком уровне всю войну (хотя и имела тенденцию к понижению), причем «максимальный приоритет» имело для сибиряков и дальневосточников снабжение «своих» частей (жители Томска снабжали 8-й Томский сибирский полк, жители Иркутска – Иркутский сибирский полк и т. д.).

Однако помощь общества армии чем дальше, тем всё больше приобретала вынужденный характер. На органы местного самоуправления возлагались расходы по мобилизации, квартирному довольствию войск, содержанию госпиталей и лазаретов, обеспечению раненых вещами. В ряде случаев бремя, которое военное ведомство возлагало на местные общества, было совершенно непосильно (например, г. Иркутск должен был принять 20 тыс. раненых, что было совершенно невозможно в тех условиях). Причинами подобных требований была некомпетентность военного ведомства, которое попросту оказалось не способно самостоятельно содержать раненых. Правда, такого количества раненых (как уже отмечалось выше, санитарные потери русских войск в Русско-японской войне

³⁵⁷ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 55. Л. 53.

³⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

составили 557 854 человека, в том числе ранеными 151 944 человека и больными 405 910 человек³⁵⁹) никто не ожидал, но это опять-таки негативно характеризовало военное ведомство (неспособность прогнозировать урон от военных действий и поставить дело снабжения так, чтобы солдаты не болели во время войны).

Снабжение «своих» частей обмундированием и продовольствием со стороны населения региона также объяснялось вовсе не тем, что у населения были лишние вещи и продукты, а тем, что существующее общественное сознание просто не могло допустить, что наш солдат будет воевать разутым, раздетым и голодным. И раз уж военное ведомство не удосужилось снабдить воинов всем необходимым – значит, эта задача ложится на плечи общества. В ряде случаев снабжение воинов казенным обмундированием вообще не предусматривалось (например, по выписке раненого / больного из госпиталя предполагалась выдача только верхней одежды), соответственно всё остальное должна была обеспечить общественная благотворительность.

При этом война несомненно легла тяжелым финансовым бременем на Сибирь и Дальний Восток. Расходы, так или иначе связанные с войной, значительно увеличились, а доходы вследствие сокращения объемов торговли, нехватки рабочих рук и упадка промышленности упали. В этих условиях органы городского самоуправления обращались к Министерству финансов с просьбами о ссудах, но далеко не всегда их получали.

В целом высшая власть явно пыталась переложить на плечи общества как можно больше расходов на содержание армии. В условиях военных поражений данное обстоятельство вызывало повышенное напряжение со стороны общества и претензии к власти («мы жертвуем последним, а вы проигрываете войну»).

Если же в целом охарактеризовать проблемы, порожденные Русско-японской войной, и попытки их решения, то можно отметить следующее. Русско-японская война несомненно вызвала в Си-

³⁵⁹ Рудой Н.А. Деятельность Красного Креста во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 6. С. 60.

бири и на Дальнем Востоке целый ряд экономических и социальных проблем. Продовольственные кризисы и рост цен, местами имевшие катастрофический характер, привели к резкому снижению уровня жизни населения. Призыв запасных нижних чинов вследствие нехватки рабочих рук повлек за собой ухудшение экономической ситуации и вызвал проблему обеспечения семей нижних чинов, приведшую к ситуации острого социального кризиса. Этот кризис усугублялся также притоком огромного количества раненых в Сибирь и на Дальний Восток, сокращением медицинской помощи вследствие ухода врачей и фельдшеров на фронт, недостаточного завоза лекарств, а также увеличением финансового бремени на города региона и т. п.

Попытки местных властей решить перечисленные проблемы были чаще всего малоуспешны. И дело тут не только в недостатке компетентности. В большинстве случаев органы местной власти повлиять на ситуацию просто не могли, поскольку проблемы были вызваны действиями высшей власти. Например, продовольственные кризисы в регионе были вызваны переориентацией Сибирской железной дороги на военные перевозки, интендантскими закупками для нужд армии в регионе, запретом закупок продовольствия в Маньчжурии для нужд населения и т. п. Проблемы с обеспечением семей запасных нижних чинов, призванных на войну, были вызваны несовершенством законодательства в этой сфере, ограниченностью государственной поддержки, недостатком средств на местах. Проблемы с медицинским обслуживанием населения возникли из-за того, что большинство врачей и фельдшеров отправили на войну, а доставка медикаментов резко сократилась.

Местная власть, до уровня генерал-губернатора включительно, постоянно оказывалась в роли просителя, буквально вымаливая у центральной власти вагоны для подвоза продовольствия и товаров первой необходимости населению вверенных им городов, уездов или областей, ссуды на закупку продовольствия и выплату квартирных денег и т. д. В попытках растянуть существенно уменьшившееся «одеяло» на всех нуждающихся власть на местах вынужденно устраивала «войну всех против всех» (например, хлебный

кризис в Амурской области). Всё вместе можно охарактеризовать как классический кризис управления.

А что же элита, чьими стараниями и была выстроена вся эта вертикаль власти? А она явно не спешила решать перечисленные выше проблемы и, более того, использовала население для выкачивания необходимых ресурсов. Так, военное ведомство продемонстрировало неспособность содержать армию и раненых, не говоря уже о том, чтобы одерживать победы на полях сражений. При этом военное ведомство в течение всей войны предъявляло всё возрастающие (местами совершенно непомерные) требования к населению региона, касающиеся вопросов содержания раненых, снабжения войск и т. д. Фактически элита возложила на население бремя войны, совершенно ненужной обществу. Хотя попытка убедить общество в том, что Русско-японская война была необходимой и неизбежной, была сделана, она провалилась. Как и почему это произошло и какие это имело последствия, рассматривается во второй главе настоящего исследования.

ГЛАВА 2

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

§ 1. ОБРАЗ ЯПОНИИ И ЯПОНЦЕВ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Образ Японии и японцев в общественном сознании Сибири и Дальнего Востока не был однозначным и претерпевал трансформацию. До середины XIX в. Япония была закрытой страной, и взаимоотношения между Россией и Японией носили эпизодический и узкий характер. Обе страны оставались друг для друга фактически terra incognita. После заключения в 1855 г. Симодского трактата контакты между Японией и Россией стали стремительно расширяться. В 1858 г. в Хакодате были открыты русское консульство (миссия), а также школа и больница. Состоявшие при консульстве врач и морской офицер должны были оказывать японцам содействие в изучении медицины, мореходных наук и астрономии, а русскому консулу предписывалось поощрять подчиненных к изучению японского языка.

С.В. Чернявский отмечает более чем успешную деятельность консульства в Хакодате в деле налаживания дружеских связей между Россией и Японией. На базе консульства был открыт госпиталь на 200 мест, в котором амбулаторно и стационарно лечились не только русские подданные, но и японцы. Русские и японские врачи обменивались опытом, инициировалось изучение японцами русского языка, японцев знакомили с русскими обычаями и традици-

ями, устраивались праздники по случаю Рождества и Нового года и т. д.³⁶⁰

Весьма деятельное участие в развитии дружественных связей между Россией и Японией принял также отец Николай, с 1861 г. ставший настоятелем Русской православной церкви при консульстве, а позже (в 1870 г.) возглавивший русскую духовную миссию. Весьма примечательно письмо обер-прокурора Синода Д.А. Толстого на тему учреждения в 1869 г. в Хакодате духовной миссии: «По свидетельству отца Николая, изучавшего в течение 8-летнего пребывания своего в Японии историю ее, религию и дух японского народа, японцы отличаются самую живую любознательностью и в последнее время обнаруживают сильное стремление к усвоению европейской цивилизации... Японцы высказывают ныне к христианству миролюбивое расположение. Равным образом и правительство японское нельзя упрекать во враждебности к христианству... Успехи западных миссионеров вызвали и настоятеля нашей церкви на миссионерскую деятельность, которая также принесла свои плоды... Министерство иностранных дел в случае, если Святейший Синод признает осуществимым предлагаемое о. Николаем учреждение православно-русской духовной миссии, не может не сочувствовать оному, и что усердие и опытность настоятеля нашей консульской церкви в Хакодате, достаточно уже известная министерству, позволяют надеяться, что под его руководством труды миссии при предстоящей ей деятельности в Японии не останутся без благодетельных последствий для православной церкви»³⁶¹.

³⁶⁰ Чернявский С.В. Российская миссия в Хакодате. По материалам Российского государственного исторического архива // Международное научное совещание по историческим документам, связанным с Японией и Россией. Японская академия: Исторический сборник университета Токио, 23 мая 2017 г. С. 83.

³⁶¹ Цит. по: Чернявский С.В. Российская миссия в Хакодате. По материалам Российского государственного исторического архива // Международное научное совещание по историческим документам, связанным с Японией и Россией. Японская академия: Исторический сборник университета Токио, 23 мая 2017 г. С. 85.

В 1867 г. между Японией и Россией была заключена конвенция для облегчения торговых сношений, включавшая различные вопросы торговли. В 1870 г. наряду с консульством в Хакодате было открыто также генеральное консульство в Токио. К концу века началась трудовая миграция на русский Дальний Восток: японцы активно работали на рыболовных промыслах, а также в качестве домашней прислуги, фотографов, торговых агентов и пр.

Итак, контакты между Россией и Японией стремительно расширились. Каким же стал образ Японии в России? Ряд исследователей, например Л.В. Жукова, считают, что национальный стереотип в отношении Японии остался в целом таким же, как и в XVII–XVIII вв.: Япония – малоразвитая, архаичная страна с курьезными обычаями и традициями, а японцы – недалекие, лицемерные и трусоватые люди, в целом похожие на татаро-монгол или китайцев. Как считает Л.В. Жукова, в формировании данного стереотипа большую роль сыграла книга очерков И.А. Гончарова «Фрегат Паллада», впервые опубликованная в России в 1858 г. и многократно переиздававшаяся³⁶². В.Э. Молодяков считает, что, напротив, в XIX в. сложился образ «живописной», или «прекрасной», Японии: Япония – страна художников и уникальной культуры (в том числе прикладной: веера, лакированные изделия, кимоно и пр.), «сказочная страна самураев и гейш»³⁶³. Представляется, что российский национальный стереотип Японии к концу XIX в. не был однозначен и содержал представление как о «сказочной чудесной стране» и трудолюбивых, честных, вежливых японцах, так и об отсталой Японии и варварах японцах, недалеких, трусливых и лицемерных. На формирование обоих этих стереотипов влияли как русская литература, так и прямые контакты между японцами и русскими.

На рубеже XIX и XX вв. существенно изменилась внешнеполитическая ситуация. После «революции Мэйдзи» стремительно мо-

³⁶² Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 2. М.: РОССПЭН, 2002. С. 343–346.

³⁶³ Молодяков В.Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 2. М.: РОССПЭН, 2002. С. 325–340.

дернизирующаяся Япония перешла в разряд капиталистических держав и стала претендовать на гегемонию в Азии. На Дальнем Востоке (в Маньчжурии, Корее и Китае) геополитические интересы Японии и России пришли в столкновение. После того как Россия в 1895–1897 гг. фактически отняла у Японии плоды победы над Китаем, заставив Японию отказаться от Симоносекского договора, заняв Порт-Артур и заключив с Китаем договор об аренде Ляодунского полуострова и строительстве КВЖД, война между странами стала практически неизбежной. Последней каплей стало активное проникновение России в Корею, в том числе пресловутая «безобразовская авантюра» с лесными концессиями на р. Ялу. После этого Япония начала активно готовиться к войне, заключив в 1902 г. договор с Англией. Осенью 1903 г. русский посланник в Токио барон Розен отмечал, что «войны с нами жаждет весь японский народ, пожертвования текут со всех сторон, принесено столько жертв, что война неизбежна»³⁶⁴.

Россия ответила тем, что летом 1903 г. было учреждено наместничество на Дальнем Востоке, и наместником был назначен адмирал Е.И. Алексеев, сторонник агрессивной политики. Однако подготовка к войне с Японией велась крайне небрежно, поскольку Япония рассматривалась как ничтожный противник, победить которого ничего не стоит. Е.С. Сеньявская, подробно исследовавшая вопрос о восприятии японцев как противника в годы Русско-японской войны, считает, что ключевую роль в восприятии японцев как ничтожного противника сыграл сложившийся еще до войны культурный стереотип: «Безусловно, особое место в этом процессе занимал “изначальный”, сформированный еще в мирной жизни стереотип восприятия Японии и японцев как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, “иную” цивилизацию. Нужно учитывать, что эти стереотипы формировались у определенного субъекта восприятия, а именно: у людей, принадлежавших к специфической российской цивилизации, преимущественно восточных европейцев-славян, православных по

³⁶⁴ Цит по: *Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества.* М.: РОССПЭН, 2006. С. 27.

вероисповеданию и культуре. Эти штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о японцах как “азиатах”, язычниках, а значит, не просто “других”, но еще и отсталых, “дикарях”, варварах... Как к “макакам” относился к японцам и сам император Николай II, ненависть которого была вызвана, в частности, тем, что, еще будучи наследником престола, он посетил Японию, где подвергся нападению фанатика и был ранен мечом в голову. Как к “макакам” относилось к ним и следовавшее за императором “высшее общество”, и генералитет, и офицерство, и даже солдатская масса. Естественно, армия заимствовала это отношение у “гражданского” общества»³⁶⁵.

К образу «макак» добавлялась идея «желтой опасности» (стремление Японии к господству в Азии и захвату русского Дальнего Востока, японцы – коварный, сильный, хищный и наглый враг). С начала XX в. русские СМИ стали активно формировать именно этот стереотип. Л.В. Жукова отмечает в связи с этим: «С одной стороны, японцы сравниваются с татарами, китайцами и т. д. С другой стороны, постоянно подчеркивается, что они – не мы... Для описания японцев используется специальный язык с подменой понятий (трансформация: свиреп – кровожаден – каннибал) и с устойчивыми словосочетаниями (желтолицые островитяне, желтомордые макаки и т. д.). Очень широко используется при создании стереотипа эмоциональное воздействие. Вначале наиболее часто авторы обращаются к обывательскому самодовольству (японцы маленькие, тщедушные, трусливые, глупые, отсталые и т. д.). Интересно, что культурно-мессианские концепции освоения Дальнего Востока неразрывно связаны с этим чувством. Активизация дальневосточной политики России сопряжена с эксплуатацией обывательского страха. “Желтая опасность” представлялась в самых разнообразных видах – здесь и непримиримость двух рас, и панмонголизм, и представление о японцах как беспощадных и алчных наследниках монголо-татар, и социально-адаптированные варианты (о военной угрозе со стороны Японии, о нарушении японцами норм междуна-

³⁶⁵ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. С. 29.

родного права, о конкуренции японских товаров, о стремлении японцев вытеснить русских с Дальнего Востока и т. д.)»³⁶⁶.

Оба этих стереотипа («желтая опасность» и «японцы – дикари и варвары») влияли на конкретные действия властей, особенно на Дальнем Востоке, где началась настоящая шпиономания. Скажем, в циркуляре от 18 июля 1902 г. военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов писал, что для недопущения деятельности «японских офицеров-шпионов» необходимо «иметь неослабное наблюдение за проживающими и прибывающими японцами» [9, л. 11]. А чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе писал в своей докладной, что к японцам нужно применять высшую меру, чтобы удерживать их от шпионства. Он считал, что «шпионским успехам» японцев способствует «особенно самоуверенное отношение русского населения к японцам, китайцам и корейцам как к существам низшим, исключаяющее всякую необходимость в какой-либо обычной осторожности в сношениях с ними... японцы, в свою очередь, считают русских за наивных варваров и позволяют себе в отношении нас несравненно более, чем бы они сделали в других государствах»³⁶⁷.

Член российского консульства П.Ю. Васкевич писал в докладе, что «вредную сторону пребывания японцев во Владивостоке, а равно и во всех остальных пунктах русских окраин Дальнего Востока нужно усматривать даже не в тех повсеместно открываемых ими домах терпимости, которые служат в большинстве случаев авангардом японской колонии, а главным образом в том, что каждый из них является сюда проникнутый идеей “Азия для азиатов”...», и доказывал, что эти заведения являлись базами японской разведки³⁶⁸.

В России в преддверии и в годы Русско-японской войны на создание «образа врага» в лице японцев были направлены значи-

³⁶⁶ Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сб. ст. Вып. 2. М.: РОССПЭН, 2002. С. 350.

³⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 516. Л. 36–37.

³⁶⁸ Ричардсон С. О Японии и японцах. Общественное мнение жителей Дальнего Востока в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2002. № 3(37). С. 59.

тельные усилия. Газеты активно писали о «желтой опасности», о стремлении японской расы к лидерству и мечтах о создании «империи желтолицых», о ненависти Японии к европейской цивилизации, крайнем шовинизме и национализме японцев и т. д. Ведущее дальневосточное повременное издание – газета «Дальний Восток» – активно перепечатывало статьи данного содержания. Приведем несколько характерных выдержек: «Эта языческая раса питает глубочайшую вражду к христианству... евангельское учение о любви и прощении никогда не привьется к жестокой и полной ненависти душе японца, и уже по одному этому союз с этим коварным народом не может быть прочным»³⁶⁹; «характер каждого японца является отлитым из одной и той же формы. Личной идеи нет ни у одного японца. Индивидуальность отсутствует. Каждый живет непрестанным сознанием, что он лишь – часть коллективная, живет ради целей и стремлений “коллективного я” и только благодаря ему. Пассивное повиновение японец находит естественным и свыкается с тем, что сам по себе он – ничто»³⁷⁰; «горе тому народу, который будет поработан японцами – он умрет для истинной жизни сердца и духа. Вера в нем заглухнет, всё будет подчинено известному режиму – дело, работа займет свободное творчество, и оно погибнет»³⁷¹.

Дальневосточному читателю рассказывали и о движениях антирусской направленности, существовавших в Стране восходящего солнца еще с XVIII в., в частности, о воззрениях японских мыслителей Хаяси Сихея, Фудзита Токо, Сакумы Дроздана (XVIII–XIX вв.) и современных – Ито, Окумы, Итагаки. Все они предупреждали об опасности, которая грозит Японии со стороны европейских держав, в первую очередь России, и о необходимости усиления страны и взятия реванша. В целом доказывалось, что японская интеллигенция следует девизу «Азия для азиатов» и рассматривает Азию как естественную арену для приложения японской деятельности.

³⁶⁹ Дальний Восток. 1904. № 152 (11 июля).

³⁷⁰ Дальний Восток. 1905. № 3 (5 января).

³⁷¹ Дальний Восток. 1904. № 226 (12 октября).

Те же мотивы звучали и со страниц «Сибирской жизни». Например, из заметки с характерным названием «К чему стремится Япония?» сибирский читатель мог узнать, что обладание Кореей – вовсе не конечная цель Японии, как многие думают. Ее истинная цель – панмонголизм, объединение всей желтой расы под лидерством Японии³⁷². В статье «Желтое возрождение» было написано, что Япония ненавидит европейскую цивилизацию, ее мечта – изгнать всех европейцев из Азии³⁷³. Говорилось и о «желтой опасности», о стремлении японской расы к лидерству и мечтах о создании «империи желтолицых», а среди доказательств, в частности, цитировались слова президента Верхней палаты японского парламента: «Мы – азиаты, но мы сделали нашу империю застрельщиком и огненными буквами начертали на нашем знамени слово “цивилизация”. Китай, Корея, Индийские государства – все глядят теперь на Японию как на современное осуществление азиатской власти и национального возрождения»³⁷⁴.

В целом среди причин, объясняющих ненависть японцев к европейской расе, и в частности к русским, органы печати называли экономические и идеологические причины. Среди экономических причин отмечалось стремление Японии к господству в Азии, особенно в Китае и Корее, а в отношении России – действия последней на Дальнем Востоке (освоение Приамурского края и Сахалина, захват Маньчжурии и Порт-Артура, попытки проникнуть в Китай и Корею, аннулирование результатов победы Японии над Китаем в войне 1894–1895 гг.). Среди идеологических причин (мировоззренческих) называлось коренное противоречие между европейской (в том числе и русской) и японской (азиатской) культурой, которая содержала в себе совсем иные ценности и идеалы, отличные от западных.

Чтобы еще больше усилить создаваемое впечатление от «желтой опасности», в прессе приводились факты крайнего национализма и шовинизма японцев. Это описания японских пьес, выдерж-

³⁷² Сибирская жизнь. 1904. № 28 (5 февраля).

³⁷³ Сибирская жизнь. 1904. № 34 (14 февраля).

³⁷⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 78 (13 апреля).

ки из писем японских солдат и офицеров, патриотические японские стихи и т. д. Так, «Сибирская жизнь» в качестве характерного примера опубликовала следующий японский стих: «Безбожные славяне, никто вас не жалеет. Вы были трусами в сражениях с китайцами, ваши казаки исчезнут, как снег перед восходящим солнцем. Идем в Порт-Артур, идем к Уралу, изгоним славян в московские леса, дабы повсюду знали силу нашего микадо»³⁷⁵. Своеобразной иллюстрацией к стиху служила карта будущей японской империи, согласно которой Япония будет включать в себя Китай, английскую Индию, Тибет, Сибирь, Среднюю Азию, Персию, азиатскую Турцию и Кавказ³⁷⁶.

«Дальний Восток» приводил на своих страницах подробное описание японской пьесы «Наша великая победа», герои которой – китайский шпион, русский генерал и японка, жена русского офицера, – все трое были японскими патриотами, разумеется, посрамившими в войне русских. Газета отмечала, что всё действие пьесы сопровождалось криками «Банзай!» и здравицами в честь императора³⁷⁷. В числе примеров японского шовинизма публиковалось и письмо японского офицера Хирозе: «Я изучил русский язык и сделался моряком единственно потому, что у меня было одно желание – раздавить Россию! Всею целью моей жизни было сразиться с этим народом, и самым славным моментом в моей жизни был день, когда я получил приказ истребить русский флот»³⁷⁸.

А чтобы уж совсем не оставить повода для сомнений, в прессе постоянно муссировалась тема японского шпионажа: СМИ писали о «покушении» японцев на взрыв дока во Владивостоке³⁷⁹; о том, что среди японских торговых агентов, мелких лавочников, парикмахеров, промышленников скрывалось большое число японских офицеров, которые, несомненно, занимались сбором секретных

³⁷⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 61 (17 марта).

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Дальний Восток. 1904. № 125 (9 июня).

³⁷⁸ Дальний Восток. 1904. № 124 (8 июня); Сибирская жизнь. 1904. № 110 (26 мая).

³⁷⁹ Сибирская жизнь. 1904. № 30 (10 февраля).

сведений³⁸⁰; о том, что в Петербурге пойманы два японских шпиона, причем один из них с началом войны специально принял православие и женился, чтобы его не выслали из страны и он мог продолжать свою шпионскую деятельность³⁸¹. Или, например, читателя знакомили с разговорником сбежавшего из Москвы японца с весьма показательными фразами: «Где ваши войска? Не заложены ли у берегов мины? Сдавайся, брось оружие, не шевелись! Нет ли одеял и риса? Стар ли ваш начальник, и умен ли он?» и т. д.³⁸²

Цель подобных сообщений совершенно прозрачна – доказать необходимость войны с Японией, ее чуть ли не цивилизационный характер. Япония во всех этих сообщениях предстает как агрессор, с которым Россия вынуждена бороться, причем сражается она не только за себя, но и за всю христианскую цивилизацию. Данный образ, который в глазах интеллигенции выражался как «опасность панмонголизма», в глазах народа «снижался» до такого уровня: японцы – «слуги антихристовы», «черту молятся».

Презрительное, враждебное отношение к японцам достигло своего пика в начале войны. Редактор «Нового времени» А.С. Суворин, например, писал о японцах как о «ядовитых карлах», «азиатах и язычниках», у которых «своя нравственность, свои правила, своя дипломатия»: «Дьявол поднялся на Дальнем Востоке... обожгло Россию, обожгло весь русский народ. Заболели наши раны, русская кровь полилась, смерть разинула свою пасть и поглотила первые жертвы, облитые слезами отцов и матерей»³⁸³.

Надо отметить, что усилия властей по пропаганде «образа врага» в лице японцев нашли отклик, особенно у населения Дальнего Востока. Бдительные граждане везде выискивали японских шпионов, но нередко «под раздачу» попадали и корейцы. Во Владивостоке одно официальное лицо жаловалось, что некоего корейца к нему приводили 6 раз, или, например, пытались «сдать» как япон-

³⁸⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 56 (11 марта).

³⁸¹ Сибирская жизнь. 1904. № 197 (10 сентября).

³⁸² Сибирская жизнь. 1904. № 56 (11 марта).

³⁸³ Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904–1908 гг. М.: Алгоритм, 2005. С. 46.

ского шпиона корейца, который в городе живет уже 18 лет³⁸⁴. В Уссурийском уезде корейские деревни, в которых не находилось для интендантства овса, обвиняли в связях с японцами³⁸⁵. Правда, более образованная часть населения (особенно люди, изучавшие японскую культуру) относилась к японцам лучше.

В самом начале Русско-японской войны были анонимные угрозы японских погромов, например, от жителей Хабаровска: «Просим Ваше Превосходительство ради бога прикажите куда-нибудь убрать удалить японца Такеучи и других с Хабаровска, хоть в Сретенск или куда. Верно говорю Вам: его убьют, как и многих других, хоть их охраняйте как знаете. Прикажите и вывеску его уничтожить, чтобы тут и духом их не пахло. Нам, собственно, его не жаль, не все ли равно десяток этих разбойников обезьян меньше будет, но очень нежелательно то, что иностранные газеты сейчас заговорят о жестокости русских, что они убивают мирных жителей японцев в своих городах. А убьют Такеучи и прочих бесприменно, рано или поздно убьют. Это решено, и даже уже сговорились некоторые люди, а кто их будет защищать, и тех убьют. Верно Вам говорю»³⁸⁶.

С началом войны японцы поспешили покинуть русский Дальний Восток. А.М. Колюбакин 25 января 1904 г. сообщал в телеграмме заместителю, что из Владивостока выехало в Японию 2270 японцев и еще примерно 500 человек ожидают отправки³⁸⁷. Генерал Надаров из Читы телеграфировал 26 января 1904 г., что японцы по требованию владивостокского коммерческого агента выезжают из Сретенска и Нерчинска в Японию³⁸⁸.

Затем последовало официальное предписание всем японцам покинуть Дальний Восток. Во все регионы Российской империи были посланы телеграммы, в которых говорилось, что эвакуация будет осуществляться через Владивосток, последний пароход покидает порт 5 февраля. Японская газета «Владиво-ниппо» писала: «Все

³⁸⁴ Восточное обозрение. 1904. № 101 (29 апреля).

³⁸⁵ Восточное обозрение. 1905. № 60 (19 марта).

³⁸⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 24.

³⁸⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 30.

³⁸⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 31.

прибывающие во Владивосток поезда забиты японскими семьями, прибывшими из Хабаровска, Имана, Гродеково и других населенных пунктов. Желаящие вернуться на родину японцы прибыли из Харбина во Владивосток, большинство из них женщины. Японцы прибыли под конвоем пограничников и солдат охраны». О первой волне эвакуации подробно говорится в телеграмме секретаря торгпредства Сато: «Никто из прибывших во Владивосток японцев не знал, что пароход для эвакуации всего один. Телеграмма с сообщением об эвакуации, посланная главой “Японского общества” в Никольск и Хабаровск, вызвала среди местного японского населения настоящий переполох»³⁸⁹, 6 февраля Владивосток покинуло 2400 японцев, еще одна партия японцев была отправлена в Японию 13 февраля на пароходе «Батавия».

Впрочем, учитывая царившую на Дальнем Востоке шпиономию, со стороны властей вскоре было принято решение о выселении всех японцев «из местностей, объявленных на военном положении» внутрь Сибири (соответствующий приказ был подписан наместником 13 февраля 1904 г.³⁹⁰). Тех, кто не успел в самом начале войны выехать в Японию, отправляли в Сибирь «в направлении Иркутска». Выселяли всех японцев без исключения, в том числе японок, вышедших замуж за русских и имевших от них детей. Из Забайкальской области в Иркутск выслали 34 японца³⁹¹, из Амурской области первоначально 232, затем дополнительно еще 76 японцев³⁹². На Сахалине к началу войны было 570 японцев, постепенно все они выехали на кунгасах и английском пароходе в Японию³⁹³. В мае-июле еще были единичные случаи высылки японцев, последний – высылка 30 японцев, задержанных на Сахалине (их отправили в Сретенск и далее в Иркутск)³⁹⁴.

³⁸⁹ Зайцев Д.М. Японцы во Владивостоке накануне Русско-японской войны // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 126-127.

³⁹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 57.

³⁹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 94.

³⁹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 91.

³⁹³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 91 об.

³⁹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 91 об.

В бумагах Приамурского генерал-губернаторства сохранились довольно многочисленные прошения от жителей края с просьбой не высылать японку жену либо сожительницу, с которой уже «прижиты» дети, иногда просили также за своих домохозяек. В качестве показательного примера можно привести прошение крестьянина деревни Осиновка Хабаровского уезда, корейца Кон-Чени-Тена, о его жене японке Ямата-Суки: «8 марта 1904 года была выслена моя жена из японок Ямата-Суки, прожившая со мною в городе Хабаровске 17 лет, от которой прижито было несколько человек детей, ныне умерших, за исключением одного ребенка одного года и шести месяцев от роду, оставшегося, вследствие выселения матери, у меня на руках без столь необходимой для маленького ребенка ласки, заботы и попечения. Выселение это последовало исключительно лишь в силу распоряжения о высылке всех японских подданных за пределы наместничества Дальнего Востока, хотя в полиции и всем обывателям в городе Хабаровске известно, что жена моя давно живет со мною вместе, вполне обрусела и давно порвала всякую связь со своей родиной, что могут подтвердить свидетели, крестьянин деревни Покровка Хабаровского уезда Артемий Иванович Лобачев, крестьяне деревни Александро-Михайловки и Петропавловки Хабаровского уезда Иван Иванович Гомзяков и Яков Иванович Ким. Ввиду изложенного осмеливаюсь почтительнейше просить распоряжения Вашего Высокопревосходительства о возвращении в город Хабаровск моей жены Ямата-Суки, матери маленького ребенка, лишенного материнского за ним ухода и лишаящего меня возможности заниматься своими обычными делами»³⁹⁵. Резолюция приамурского генерал-губернатора Н.П. Линевича на прошение была весьма показательна и гласила: «Отклонить, если не примет православия»³⁹⁶.

В июне 1904 г. было принято решение распределять высылаемых из района военных действий японцев (не военнопленных) в пределах Иркутской и Енисейской губерний, а по открытии навигации по Байкалу направлять в Европейскую Россию. Однако зна-

³⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 122-122 об.

³⁹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431. Л. 124.

чительное число японцев вплоть до конца войны оставалось в Западной Сибири. Численность японцев в Сибири постоянно менялась. Так, 31 марта 1904 г. в Томск прибыли 152 японца, в апреле еще 251 человек (японцев и китайцев), которых разместили на дачах Томского женского монастыря (в Спасской волости) и в селе Тогурском. На содержание депортированных (381 взрослый и 22 ребенка) властям потребовалось 2234 руб. 40 коп. в месяц. В мае число поселенных в Томской губернии японцев и китайцев достигло 442, ожидалось прибытие еще 280 человек. С 29 мая 1904 г. началась отправка депортированных на пароходах из Томска в Тюмень для дальнейшего следования в Европейскую Россию. К началу лета в Томской губернии, на дачах и в Томской городской больнице, оставалось 142 человека, депортируемых из Приамурья. К середине июня 1904 г., согласно документам, в Томской губернии было принято и временно размещено 527 человек «административно арестованных», в подавляющем большинстве это были японцы³⁹⁷.

В.Г. Дацышен отмечает, что сибирская общественность до и во время войны сохраняла благожелательность по отношению к японцам, как гражданским, так и военнопленным. Например, на квартирном довольствии Томского городского общественного управления с 4 мая по 29 июня находилось 26 офицеров и 182 нижних чина, с 29 июня по 4 июля – 68 офицеров и 237 нижних чинов, с 4 июля по 8 августа – 68 офицеров и 251 нижний чин, с 8 по 14 августа – 38 офицеров и 256 нижних чинов. Материалы и документы говорят о достойном обеспечении японцев всем необходимым, о хорошем к ним отношении со стороны властей и общества. Несмотря на отсутствие достаточной правовой базы, пленные сразу же получили содержание, не уступающее содержанию русских солдат. «Городская Управа, несмотря на то что Временное Положение о военнопленных Русско-японской войны еще не было обнародовано, употребила возможные средства для лучшей обстановки помещения для пленных, причем все доставляемые вещи сдавались под расписки служащим конвоя, Городская Управа не только доставила

³⁹⁷ Дацышен В.Г. Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг. // Япония. 2007. С. 243–244.

для пленных кровати, но и снабдила их наволочками для тюфяков, подушками и одеялами, хотя доставление последних предметов и не было обязательно для города...»³⁹⁸ Японские военнопленные получили одеяла, постельное белье, столовую посуду, в том числе ножи, чайные ложки и блюда. За соблюдением санитарно-гигиенических норм содержания пленных следили специально созданные комиссии.

Таким образом, отношение к японцам не было однозначным, по крайней мере в сфере личностных отношений. На русском Дальнем Востоке японцы в качестве прислуги очень ценились как добросовестные, честные, опрятные, вежливые работники; особенно популярны были японки-няни. Примечательно и то, что даже в годы Русско-японской войны региональная пресса была вовсе не единойдушна в изображении японцев. Например, газета «Сибирская жизнь», издававшаяся в Томске, чаще писала о Японии в спокойном, доброжелательном и выдержанном духе. В газете приводились обширные сведения по географии и истории Японии, состоянию экономики (с показателями роста), культуре, религии, особенностям менталитета и прочему, причем делались попытки анализа: почему развитие страны пошло именно по этому пути, что принесли Японии проникновение в страну буддизма или, скажем, установление сёгуната и т. п. Неизменно подчеркивались те достижения, в которых Страна восходящего солнца обогнала Россию, а именно: развитая парламентская система, всеобщее начальное образование и доступность среднего и высшего, развитость и доступность прессы и активная гражданская жизнь японцев.

«Сибирская жизнь» также отмечала, что в повседневной жизни японцы жизнерадостны, охотно посещают разные учреждения (как просветительские, так и увеселительные), много читают, крайне вежливы, их чистоплотность «доведена до пределов возможного», в употреблении спиртных напитков соблюдают «похвальную умеренность», ценят и понимают красоту, и даже недолговечные вещи отличаются тонким вкусом. Кроме того, жителей Страны восходящего солнца отличает трудолюбие, добросовестность и «твердое

³⁹⁸ Там же. С. 246–247.

сознание своего достоинства»³⁹⁹. Высоко оценивалась и духовность японцев, о которой газета писала, например, в следующих выражениях: «Не лишившись ни одного корабля, не проиграв ни одной битвы, Япония войной 1894–1895 гг. сократила силу Китая, создала новую Корею, расширила собственную территорию, изменила всю политическую физиономию Восточной Азии. Если это поразительно в отношении политическом, то еще более поразительно психологически, так как это свидетельствует о многостороннем развитии сил народа, не проявлявшихся им до того, никем не подозревавшихся, не ожидавшихся от него, некоторых сил совершенно особого рода»⁴⁰⁰.

Если «Дальний Восток» постоянно отмечал, что европеизация Японии носит поверхностный характер: «копни чуть глубже, а там тот же желтоглазый дикарь-азиат», готовый при первом удобном случае «вцепиться в глотку» своему бывшему учителю европейцу, то «Сибирская жизнь», напротив, утверждала, что европеизация далась Японии весьма нелегко: «удивительно, как японский дух и ум смогли выдержать столь быстрое и сильное потрясение». Да, в первую очередь изменения коснулись промышленности, науки, военного дела, а другие сферы европейской культуры (музыка, живопись, театр, частично литература) почти не были освоены, но это свидетельствует не об отсталости японцев, а только о том, что «мир мышления и чувствования» восточного человека слишком сильно отличается от «мира мышления и чувствования» западного человека.

Кстати, читателю напоминали, что японская литература, например, известна с VIII в., в то время как «в Европе бродили нестройные полчища варваров, Япония имела уже свою культуру, свою письменность, свою литературу»⁴⁰¹. Для современной японской литературы характерно наличие большого числа переводов европейских писателей, в том числе русских, из которых наиболь-

³⁹⁹ Сибирская жизнь. 1904. № 2 (3 января), № 20 (25 января), № 26 (1 февраля), приложение к № 59 (14 марта).

⁴⁰⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 90 (28 апреля).

⁴⁰¹ Сибирская жизнь. 1904. № 123 (11 июня).

шей популярностью пользуются Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, М. Горький (последний, между прочим, известен японцам как автор «Мещан», поскольку они нашли в этой книге сходство со своими собственными проблемами)⁴⁰². Почти у каждого японца можно заметить в руках книгу или газету, читают все поголовно, включая беднейшие слои населения⁴⁰³.

В тех статьях, которые были посвящены религии Японии, также незаметно пренебрежительного или враждебного тона, они скорее этнографичны. Отмечалась поразительная способность японцев органично принимать и сочетать разные культурные и религиозные традиции: древнейшие верования, включавшие поклонения стихиям, синтоизм (культ предков), буддизм и конфуцианство. Упоминалось и о попытках принять христианство, правда, подавленных, но не по мировоззренческим причинам, а сугубо политическим⁴⁰⁴. Утверждалось, что в национальный характер японцев синтоизм внес «неограниченное доверие и подчинение руководителям, не-индивидуализм», а буддизм – умение отречься от самого себя, твердо переносить невзгоды и страдания⁴⁰⁵. Что касается шокирующих европейцев обычаев, то они объясняются жарким и влажным климатом страны, а вовсе не распушенностью японцев.

Своеобразным итогом можно назвать статью профессора Трачевского из «Биржевых ведомостей», перепечатанную «Сибирской жизнью». В статье автор предлагал задуматься о контрастах Японии: «макаки» дают европейцам уроки трезвости, чистоплотности и любезности; предания самураев сочетаются с гражданским чувством и свободой личности, божественная особа императора – с парламентаризмом, гейши – с верными женами и чадолюбивыми матерями и т. д. В заключение профессор предлагал не ругать японцев, а признать пороки собственной цивилизации⁴⁰⁶.

⁴⁰² Сибирская жизнь. 1904. № 84 (20 апреля).

⁴⁰³ Сибирская жизнь. 1904. № 2 (3 января).

⁴⁰⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 123 (14 марта), приложение к № 59 (9 мая), № 99 (11 июня).

⁴⁰⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 90 (28 апреля).

⁴⁰⁶ Сибирская жизнь. 1904. № 169 (5 августа).

Вообще в ходе Русско-японской войны карикатурный образ «макак» постепенно сходил на нет даже там, где он изначально был (это отмечает в своем исследовании и Е.С. Сенявская). Особенно значительной трансформации подверглась оценка японской армии, что неудивительно, учитывая постоянные поражения русской армии и флота. До войны японской армии и флоту давались крайне уничижительные оценки, например: «японский солдат вымуштрован хорошо, но лицо обезьянье, без всякого выражения», «японская кавалерия очень плоха», «артиллерия малоискусна», «Япония не военная страна, это просто кокетливая, улыбающаяся гейша» и т. д. (особенно тут постарались такие «авторитеты», как П. Краснов и Гурский, публиковавшие свои статьи в журнале «Разведчик»). В лубках изображения японских солдат и матросов превращались в карикатуру. Характерны были, например, такие рисунки: казак, копьём пронзивший двух японцев, другой рукой держит японца за ухо; сошлись два броненосца, и русский матрос разбивает японцу лицо; адмирал Того, нарисованный в виде обезьяны, пишет фальшивые репортажи. Под статью этому были и характеристики японцев («косоглазые вояки», «желтолицые враги», «желтые макаки»), и подписи под рисунками.

Впрочем, часть прессы уже с началом войны относилась к подобным «образчикам пропаганды» весьма критически. «Восточное обозрение» по поводу карикатуры на адмирала Того, например, писало: «Война не наслаждение, а ужасная неизбежность, и пользоваться ею для площадных шуток – значит унижать не врага, а самого себя. “Будильник” прекрасно знает, что адмирал Того не бездарность, не “безмозглая макака”, а очень выдержанный и искусный адмирал и серьезный враг, с которым приходится считаться. Это мнение, между прочим, принадлежит адмиралу Рождественскому»⁴⁰⁷. Вообще лубочные картинки на тему войны редактор газеты И.И. Попов называл «печальной и разнузданной оргией», критикуя и «стишки», которые их сопровождали⁴⁰⁸.

⁴⁰⁷ Восточное обозрение. 1904. № 93 (20 апреля).

⁴⁰⁸ Восточное обозрение. 1904. № 64 (16 марта), № 110 (10 мая).

По мере развертывания боевых действий японская армия была признана сильным и достойным противником. Сравнивая страницы «Дальнего Востока», «Сибирской жизни» и «Восточного обозрения», мы не увидим тут существенных различий. В изданиях неоднократно отмечалось (обычно со ссылкой на центральную прессу), что японская армия хорошо организована, вооружена, дисциплинирована, готова умереть вся до последнего солдата за Японию. Японцы тщательно и заранее готовят все операции, очень ответственны и методичны, соблюдают все требования военной науки. Особенность японской стратегии – стремительность атак, отличное сосредоточение сил для удара, широкое использование резервов. У японцев великолепно организована разведка и система сигнализации во время боя, превосходно налажена связь, отличная шпионская сеть. Биваки тщательно охраняются и великолепно маскируются, занятие позиций производится строго по плану. Стрельба правильно организована (есть специальные таблицы с зонами обстрела, высотой прицела и т. п.). Каждому бою предшествует артиллерийская подготовка, особенно следует отметить горную артиллерию. Японцы идеально приспосабливаются к местности, искусно устраивают засады. Вообще японский солдат более образован, чем русский, он четко знает свою часть, своего командира, свою задачу, храбр и настойчив⁴⁰⁹.

И «Дальний Восток», и «Сибирская жизнь» часто обращались к очеркам В.И. Немировича-Данченко, который писал о японских солдатах с искренним восхищением, особенно отмечая их героизм, не уступавший героизму русских солдат: «Японцы в шлюпках, расстреливаемые пулеметами, умирали на наших глазах, но ни одна шлюпка не подняла сигнала сдачи»⁴¹⁰; «воодушевление таково, что люди режут себе горло и животы, а не сдаются, плен для японцев – позор, смерть – доблесть»⁴¹¹; «достойный противник, и как глупы

⁴⁰⁹ Дальний Восток. 1904. № 211 (23 сентября); Сибирская жизнь. 1904. № 129 (17 июня), № 142 (3 июля), № 157 (21 июля), № 159 (24 июля), № 172 (10 августа).

⁴¹⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 93 (1 мая).

⁴¹¹ Сибирская жизнь. 1904. № 159 (24 июля).

те, кто мне ставил в минус справедливость, которую я отдаю нашему врагу. Этим господам издали можно называть его макаками, япошками, давать им титулы подлых, коварных и еще не знаю какие. Но тут от командующего армией и до последнего солдата относятся к “макакам” и “япошкам” с истинным уважением. Нет чести в борьбе с какою-то азиатскою дрянью, и великая слава победить врага могучего, искусного, достойного нашей старой, боевой армии, нашего героя и мученика солдата»⁴¹².

В «Восточном обозрении» был опубликован один из очерков В.И. Немировича-Данченко, описывающий японскую атаку: «Это что-то сказочное, стремительное по временам и удерживаемое вдруг одним словом команды. Вот они все точно рухнули, их нет. Все припали к земле, будто мертвые. Но слышится резкий крик – колонна вскакивает, кидается вперед... отчаянно, быстро, стараясь одолеть как можно более пространства»⁴¹³.

Тем не менее различия в изображении японцев прессой Сибири и прессой Дальнего Востока сохранялись. Скажем, газета «Дальний Восток» объясняла харакири как признак слабости, неспособности противостоять препятствиям, отсутствия выдержки, а «Сибирская жизнь» – как одно из проявлений достоинства (плен – это позор, а позор для японцев хуже смерти).

И в «Дальнем Востоке», и в «Сибирской жизни» есть упоминания о зверствах японцев (расправы с нашими пленными, пренебрежение флагами Красного Креста и даже белыми флагами и т. д.). Но если «Дальний Восток» отзывался на эти факты в духе «что и следовало ожидать», то «Сибирская жизнь» пыталась найти этому объяснение. Примером может служить заметка о том, как еще до войны редакцию «Сибирской жизни» посещали трое японцев – майор японской армии Танака, секретарь японского посольства Сугамура и редактор одной из японских газет Азагина. Все трое держались с большим достоинством, подробно расспрашивали о жизни в Сибири и конкретно в Томске, оставили впечатление «умных, милых и образованных людей». Теперь же деликат-

⁴¹² Дальний Восток. 1904. № 197 (4 сентября).

⁴¹³ Восточное обозрение. 1905. № 7 (9 января).

ный Танака с грубой бранью бросается на казаков (и был ими убит), добродушный Азагина со страниц своей газеты мечет громы и молнии на головы русских, а весельчак Сугамура обсуждает в парламенте планы убийства. «А что мы?» – риторически вопрошает газета. «Так ожесточает народы жестокая, но пока неизбежная необходимость – война. Так, под влиянием ее человек становится врагом человеку»⁴¹⁴.

Е.С. Сенявская пишет в своем исследовании, что Русско-японская война породила двойственность в восприятии японцев, когда восхищение противником «мешалось» с презрением к нему же, а победу Японии над Россией объясняли «приступом бешенства»: «Эта двойственность восприятия весьма характерна для европейца, столкнувшегося с загадочными традициями и чуждым менталитетом Востока: здесь невольное восхищение утонченной древней культурой, и страх перед непредсказуемостью “дикарей”, и стыд за поражение своей “цивилизованной” страны, которое она потерпела от “варваров”»⁴¹⁵.

Действительно, эта двойственность заметна и на страницах газет. С одной стороны – герои, с другой – «холодные, отвратительные палачи», добивающие русских раненых. Но в то же время при сравнении дальневосточного издания (газеты «Дальний Восток») и сибирского (газеты «Сибирская жизнь») становится заметно, что первое тяготело к негативной оценке японцев (чаще были представлены как варвары, дикари, азиаты), а второе пыталось понять противника, увидеть в нем человека. Скорее всего это было вызвано тем, что для русского Дальнего Востока японцы представляли непосредственную угрозу, а военные действия так или иначе коснулись Камчатки, Сахалина и Владивостока. Были и опасения, что Япония потребует себе часть русских дальневосточных территорий.

В целом можно сказать, что в ходе Русско-японской войны в России стали уважать Японию и японцев, а культурный стереотип уже не включал в себя представление о японцах как варварах и низшей расе. Но стереотип «желтой опасности» сохранился, причем пре-

⁴¹⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 181 (20 августа).

⁴¹⁵ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века... С. 34.

имущественно во властной среде: в японцах видели прежде всего потенциальных шпионов, а саму Японию подозревали в «коварных планах» захвата русских территорий. Позицию властей по поводу японцев великолепно иллюстрирует записка Генерального консула в Сеуле Драгомана от 5 января 1907 г. В ней он писал, что каждый японец, прибывающий на русский Дальний Восток, проникнут идеей «Азия для азиатов», «каждый из них верит, что настанет час, когда потребуются его услуги отечеству, и каждый заблаговременно готовится выступить в известную минуту на защиту интересов своей родины с возможно большей для нее пользой»⁴¹⁶. Японский коммерческий агент исполняет консульские обязанности, при нем имеется штат служащих, в том числе двое служащих, которые следят за русской прессой Дальнего Востока и собирают сведения политического характера; «можно с уверенностью предположить, что этими же лицами ведутся тайные разведки», а помогает им целая армия шпионов-японцев. Еще накануне Русско-японской войны японцы проникли всюду, «ни одна слабая сторона нашего государственного организма не осталась скрытой от их пытливого взора». Но работа по изучению России продолжается и сейчас, японцы не удовлетворены результатами войны, «нужно знать при этом характер японца, его идеал, чтобы всякие дальнейшие сомнения относительно воинственных планов Японии исчезли»⁴¹⁷. По мнению Драгомана, Япония продолжала лихорадочно готовиться к будущим войнам, создавая в Корее базу «для своего дальнейшего победоносного шествия до Байкала, уже заблаговременно воспетого многими японскими авторами»⁴¹⁸.

Пресса (особенно дальневосточная) и после войны продолжала публиковать статьи о «желтой опасности» и японском шпионаже. Но как власти ни старались, отношение к японцам (даже на Дальнем Востоке) не было однозначно негативным. Во многих случаях оно было доброжелательным, особенно на «окраинах» (побережье Охотского моря, Камчатка, северные уезды Приморской области).

⁴¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 561. Л. 5 об.

⁴¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 561. Л. 9.

⁴¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 561. Л. 9 об.

В рапортах официальных лиц неоднократно отмечалось, что местное население (и русское, и инородческое) поддерживает японцев, японских браконьеров прячут от русских сторожевых судов, японцы незаконно остаются на зимовку, а местные их покрывают и т. д. Назывались и причины столь радушного отношения к «потенциальным врагам» – от снабжения местного населения дешевыми и/или дефицитными товарами до взяток.

Например, в докладной записке Бражникова (управляющий государственными имуществами) на имя приамурского генерал-губернатора о результатах рыбного промысла в северных водах Приморской области в 1907 г. отмечено, что на Тауйской губе, в устье реки Яны, японская шхуна ловила и скупала рыбу. «Эта шхуна, заблаговременно предупрежденная жителями Тауйска, скрылась ночью, без огней, при свежем ветре от направлявшегося к ней “Командора Беринга”. Местные жители объяснили свое предупредительное отношение к японцам тем, что японцы за доставляемую им рыбу снабжают их всем необходимым по умеренной расценке, тогда как от русских торговцев они получают те же товары только зимой и по более дорогой цене. Между прочим, соль доставлялась в Тауйск только японцами»⁴¹⁹.

Власти ничего не могли поделать и с «коммерческой составляющей» вопроса. Русские промышленники неоднократно покрывали японских коллег в рыбодобыче. Например, русские промышленники арендовали на свое имя участки по ловле рыбы, а потом негласно пускали туда японцев, ловили для японцев рыбу (естественно, все подобные услуги щедро оплачивались японской стороной).

Итак, еще до войны власть пыталась сформировать в обществе негативный образ Японии и японцев, представить их в виде врагов. Соответствующая идеологическая обработка населения велась через СМИ и лубочную литературу. Формируемый образ содержал в себе следующие черты: представление о Японии как о чуждой цивилизации, перманентно враждебной христианству вообще и России в частности; идею «желтой опасности» (японцы стремятся за-

⁴¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 190. Л. 208.

хватить Китай, Корею, а также русский Дальний Восток и Сибирь; на Дальнем Востоке ведут шпионскую деятельность, готовясь к будущей войне с Россией); идею «варварства» японцев (японцы – дикари, язычники, низшая раса, «узкоглазые обезьяны», «макаки»); идею природного коварства японцев, муссирование негативных черт национального характера (лживые, двуличные, лицемерные). Данный образ частично вступал в противоречие с тем, какими представлялись японцы русским при непосредственном контакте (на Дальнем Востоке он был достаточно широким вследствие обширной японской миграции). В начале Русско-японской войны изображение Японии и японцев как врагов достигло своего пика. Создание этого образа преследовало цель закрепить в общественном сознании мысль о необходимости войны с Японией. При этом, поскольку образ японцев содержал в себе представление о них как об отсталых, «варварах», «обезьянах» и прочее, общая оценка будущего противника была уничижительной (не способны вести эффективные военные действия, ничтожный противник). Данная оценка привела к тому, что к войне с Японией серьезно не готовились, что, в свою очередь, привело к огромным провалам в ходе боевых действий, к большому числу раненых и т. д.

В ходе Русско-японской войны образ Японии и японцев существенно изменился. Произошла полная переоценка японской армии и флота, сформировалось уважение к японцам как противнику. Японскую цивилизацию перестали рисовать как «варварскую». Усилился интерес к японцам на бытовательском уровне, причем он был скорее доброжелательным, чем враждебным (особенно это характерно для Сибири, что подтверждается данными архивных источников). Представление о «желтой опасности» осталось и продолжало муссироваться властью и после войны (особенно на Дальнем Востоке), но ответ населения региона был неоднозначен (даже на Дальнем Востоке были случаи, когда население активно поддерживало японцев и помогало им, поскольку они предоставляли то, чего не давала русская администрация: лекарства, алкоголь, продукты). В годы Русско-японской войны произошел перенос образа врага с Японии и японцев на русский самодержавный режим.

Если говорить о региональной прессе, то сибирские газеты изображали японцев больше в позитивном ключе (отмечая такие черты национального характера, как честность, чистоплотность, трудолюбие, дисциплинированность и т. д.), дальневосточные – в негативном (делая упор на «желтую опасность» и стремление японцев захватить русский Дальний Восток, соответственно изображая их как двуличных и коварных людей). Это отличие, видимо, можно объяснить тем, что для русского Дальнего Востока Япония представляла реальную угрозу (это показал факт захвата Сахалина). Местные власти всеми доступными способами пытались поддержать «мобилизационную активность населения» и направить ее против японцев, что, впрочем, далеко не всегда получалось. Даже непосредственно в ходе войны отношение дальневосточников к «японской угрозе» осталось неоднозначным, что демонстрирует ситуация с организацией и деятельностью вольных дружин на Дальнем Востоке.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДРУЖИН НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Одной из показательных страниц, иллюстрирующих отношение населения Сибири и Дальнего Востока к Русско-японской войне, стало создание так называемых «вольных дружин», которые должны были создаваться из добровольцев, но по факту получилась «инициатива снизу по приказу начальства».

Согласно приказу наместника на Дальнем Востоке Е.И. Алексева от 28 января 1904 г. № 47, началось формирование вольных дружин, и 30 января 1904 г. приамурский генерал-губернатор Н.П. Линевиц утвердил «Положение об охране населенных пунктов в Приморской области, объявленных на военном положении»⁴²⁰, согласно которому дружины формировались для «...охраны спокойствия и безопасности населения в городах и селениях области, для защиты жизни и имущества населения от неприятеля и злоумышленников, содействия городской и уездной полиции, а в

⁴²⁰ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 130–137.

потребных случаях военного времени и для содействия войскам». В городах должна была осуществляться добровольная запись в дружины, в селах помимо добровольцев по решению сельского общества предполагалось назначать в дружинники по одному человеку с каждых двух отдельных дворов. Дружинниками могли быть только русские подданные, мужчины всех сословий, здоровые и способные владеть оружием. Каждая из сформированных дружин должна была делиться на сотни (не менее двух) по 150 человек в каждой, каждая сотня – на взводы (не менее 25 человек в каждом). Общее руководство дружинами возлагалось на военного губернатора области. Все дружинники должны были пройти сокращенный курс строевой службы и стрельбы под руководством специально командированных для этого из войск инструкторов.

1 февраля 1904 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Колюбакин издал приказ № 1 о начале формирования дружин и сотен на территории области. В феврале-марте 1904 г. было сформировано 22 дружины общей численностью около 11 тыс. человек, а именно: 1-я дружина – Посьетская, 2-я – Раздольненская, 3-я – Сучанская, 4-я – Суйфунская, 5-я – Покровско-Михайловская, 6-я – Григорьевская, 7-я – Ханкайская, 8-я – Верхне-Уссурийская, 9-я – Черниговская, 10-я – Сунгачинская, 11-я – Зеньковско-Комаровская, 12-я – Успенская, 13-я – Муравьевская, 14-я – Владивостокская городская, 15-я – Никольск-Уссурийская городская, 16-я – Гродековская, 17-я – Хабаровская городская, 18-я – Удская, 19-я – Николаевская городская, 20-я – Амурская, 21-я – Амгунская, 22-я – отдельная железнодорожная⁴²¹. Дружинникам выдавали берданы (бесплатно, но с условием возврата) и патроны к ним. Специальной формы не было, но был знак отличия на фуражке – ополченский крест.

При формировании дружин принцип добровольности набора очень часто нарушался (особенно в селах), что вызвало огромный поток жалоб дружинников и просьб об отпуске из дружины на полевые работы. Некоторые дружинники просто не являлись на службу или самовольно отлучались из дружины. После проведения

⁴²¹ РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 72. Л. 1-2 об.

ряда инспекций генерал-губернатор Н.П. Линеви́ч был вынужден 17 апреля 1904 г. отдать приказ о роспуске дружин и формировании новых на строго добровольных принципах⁴²²; 21 апреля 1904 г. взамен «Положения об охране...» было утверждено «Положение о вольных дружинах Приморской области», в котором закреплялся добровольный принцип формирования дружин, численность сотен сокращалась до 100 человек, вводился элемент формы (дружинникам разрешалось носить красные солдатские погоны с римскими цифрами номера дружины)⁴²³.

Приказом № 153 от 27 апреля 1904 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Колубакин предложил командирам дружин и сотен немедленно исключить из состава всех не желающих оставаться дружинниками⁴²⁴. Количество дружинников моментально сократилось с 11 тыс. до 3 тыс. человек, но и из оставшихся многие ушли домой, едва потребовалось усилить воинские части⁴²⁵.

Тем не менее после переформирования составы дружин стали более мобильными и дисциплинированными (само количество дружин сохранилось). В Приморье дружинники занимались поимкой мелких банд хунхузов, сторожевым наблюдением за морским побережьем от Владивостока до бухты Ольга, поддержанием порядка и спокойствия в селениях. Некоторые из отрядов действовали вполне успешно. Так, Владивостокский разведочный конный отряд, организованный по инициативе полковников в отставке И.Ф. Гююса и И.Р. Баженова, а также директора Владивостокского отделения Русско-Китайского банка А.А. Масленникова, в феврале 1904 г. имел численность 96 человек. Его командиром стал И.Ф. Гююс. Члены отряда были вооружены винтовками, револьверами и пистолетами. С 22 февраля сторожевые посты отряда охраняли побережье по Уссурийскому заливу. Благодаря удачно проведенным облавам по городу Владивостоку отряду удалось разогнать шайки хунхузов,

⁴²² РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 72. Л. 29.

⁴²³ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 37-38.

⁴²⁴ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

⁴²⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1818. Л. 20 об.

терроризировавшие население крепости. Надворный советник Михайлов в своем докладе от 14 апреля 1904 г. отмечал: «По словам генерал-майора Воронца, означенный конный отряд, исполняя быстро и умело все его поручения, приносит большую пользу в деле обеспечения порядка и безопасности в городе, а также в деле разведочной службы, и потому деятельность его заслуживает полного одобрения»⁴²⁶.

Однако в целом вольные дружины среди населения области авторитета не имели, а их организация и содержание рассматривались как дополнительная обуза. Младший землемер Уссурийской партии Ундерман в рапорте от 26 августа 1904 г. сообщал, что ему пришлось выдать из кормовых денег инструкторов 35 руб. 65 коп. дружинникам 1-й Зеньковской сотни на пропитание, так как дружинники, будучи в командировке, были размещены в поселке Ново-Михайловское на р. Сучан у казаков, но «казаки их даром кормить не согласились, а подводы с провизией из села Зеньковки не успели еще приехать благодаря скверным путям сообщений»⁴²⁷. И такие случаи не были единичными.

Сами дружинники и их семьи страдали от того, что дружинники оказывались оторваны от хозяйства. Поэтому было большое число прошений с просьбой уволить из дружины или хотя бы отпустить в отпуск. Например, жена запасного унтер-офицера Мирона Опанасенко Марьяна Опанасенко в прошении на имя командующего войсками Приамурского военного округа Р.А. Хрещатицкого от 10 января 1905 г. писала: «С 29 января 1904 г. мой муж по мобилизации призван из запаса на действительную службу и находится в настоящее время в сотне боевой вольной дружины в городе Владивостоке. Муж мой меня оставил на временном устройстве с хозяйством в селе Осиновке Приморской области вблизи Никольск-Уссурийска, а приобретенное хозяйство с большими трудами и лишениями в отсутствие моего мужа пришло в расстройство, и посему осмеливаюсь утруждать Ваше Превосходительство покорнейшею просьбою, не найдется ли возможным

⁴²⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 35.

⁴²⁷ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 44.

отпустить моего мужа в село Осиновку на семь дней для распоряжения в хозяйстве»⁴²⁸. Дружинник Никольской дружины Яков Колесников в марте 1905 г. просил уволить его из дружины, аргументируя это тем, что имеет престарелых отца и мать, которые не могут сами вести хозяйство⁴²⁹.

Были и случаи, когда у семей дружинников сельские общества отбирали надель. Дружинник Степан Комаров писал командиру сотни 8-й дружины Богданову, что поступил в дружину в апреле 1904 г., оставив дома жену с двумя малолетними детьми, а теперь общество крестьян с. Шкотово постановило отобрать у жены надел за неуплату повинностей, тогда как «денежные повинности в нашем селении уплачиваются не подушными сборами, а из доходов общества, остаются только натуральные повинности, которые я, находясь на службе, отдавать не имею возможности»⁴³⁰. Естественно, Степан Комаров просил оставить жене надел.

В конце концов администрация Приморской области была вынуждена признать, что «для самостоятельной борьбы со скольконибудь серьезным противником этой массой воспользоваться нельзя как вследствие хозяйственного неустройства, так и вследствие недостаточности строевой подготовки»⁴³¹.

Весьма показательно, как было организовано финансирование дружин и снабжение дружинников необходимыми предметами. Весной 1904 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Колубакин разослал губернаторам, земским начальникам и другим ответственным лицам телеграммы с просьбой о сборе пожертвований. В качестве примера приведем телеграмму вятскому губернатору: «Для обороны Края от неприятеля и для борьбы с шайками неблагонадежных китайцев и корейцев мною сформирован в Приморской области корпус вольных дружин численностью около 10 тысяч человек. Дружинники проходят курс строевой подготовки и стрельбы под руководством команди-

⁴²⁸ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

⁴²⁹ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 24. Л. 32.

⁴³⁰ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.

⁴³¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 30 об.

рованных для этого инструкторов из войск, снабжены ружьями Бердана и 200-ми патронами на ружье и предназначаются не только для обороны своих селений, для конвоирования арестантов и для борьбы с мелкими шайками хунхузов, но и для боевой службы совместно с войсками, для чего выделяют особые сотни в числе 30-35 сотен в количестве от 4500 до 5000 человек. Главным контингентом этих добровольцев являются местные крестьяне, прибывшие в течение последних лет переселенцами из Европейской России. В числе их значительное количество бывших крестьян Вятской губернии. Принимая во внимание, что для всех этих добровольцев весьма дорого сохранять тесную духовную связь с далекой родиной и что всякое проявление участия и симпатии со стороны земляков должно, особенно в настоящую трудную минуту, влиять одушевляющим и ободряющим образом на защитников отдаленного Края, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в устройстве в Высочайше вверенной Вам губернии сбора пожертвований на нужды дружинников, происходящих из крестьян Вятской губернии. Пожертвования желательны не деньгами, а в виде, например, икон, крестов, портретов Царственной фамилии, кожаных поясов, сапог, кафтанов, деревянной посуды, мешков для носки провизии, ополченских крестов, а также чая и сахара. Всякие пожертвования будут приняты с истинной благодарностью, и с передачей их по принадлежности буду иметь честь подробно сообщить Вашему Превосходительству»⁴³².

Ответы не замедлили себя ждать. Астраханское общество Красного Креста для уроженцев Астраханской губернии прислало 100 серебряных крестиков, 16 курительных трубок, 4,5 фунта чая, 32 фунта сахара⁴³³. Даниловское сельское правление Акимовской волости Мелитопольского уезда Таврической губернии в два приема прислало 484 руб. 33 коп.⁴³⁴ Чигиринский исправник в июне 1904 г. прислал 33 руб. 56 коп., 54 иконы, 20 ополченских крестов,

⁴³² РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 1-2.

⁴³³ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

⁴³⁴ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 14, 18.

12 мешочков, один пояс, один кусок холста⁴³⁵, а в феврале 1905 г. еще 130 серебряных крестиков, 4 портрета Царственной фамилии, 6 мешочков, пару сапог, 63 золотника чая, 3 фунта сахара, одну иконку, один ополченский крест⁴³⁶.

Днепровский уездный исправник в три приема прислал 13 руб. 32 коп., 14 фунтов сахара, 5 фунтов чая, 9 крестиков, 5 пачек лент для крестиков, один знак ратника ополчения, пару туфель, 2 пары носков, 2 рубахи, 2 кальсон, 24 карандаша, одно полотенце, 10 книг Загоскина, 4 книги Жуковского, 8 книг Гоголя и один журнал «Вокруг света» за 1900 год⁴³⁷. Подольский губернатор собрал и прислал 81 руб. 2 коп., 118 рубах полотняных и 28 рубах ситцевых, 108 панталон, 80 пар портянок, 6 полотенец, 4 скатерти, 8 шерстяных и 2 кожаных пояса, 3 платка⁴³⁸. Аналогичные посылки приходили и из других мест.

Больше всего отличился Феодосийский полицмейстер, отправивший в пользу дружин около десяти посылок. Всего им было отправлено 465 серебряных нательных крестиков, 64 иконки, 34 нагрудные иконы, 12 иконок св. Серафима, 167 портретов государя императора, 84 портрета государыни императрицы, 150 блях для поясов, 200 знаков для ратников ополчения, 150 поясов, 25 мешочков, 47 фунтов сахара, 3¼ фунта чая, 12 пар носков, 20 конвертов для писем⁴³⁹.

Основательнее всего к делу обеспечения дружинников необходимыми предметами подошли крестьяне Эстляндской губернии. Согласно докладу эстляндского губернатора, крестьяне пожертвовали 385 полотенец, 169 рубашек, 229 кусков полотна, 44 наволочки, 119 мешков, 162 пары чулок, 168 пар рукавиц, 9 пиджаков, 25 ремней, 11 штанов, одну курточку на меху, 8 поясов, один пуд мыла, 10 фунтов чая, 70 фунтов сахара, 152 ложки, 37 книг, 2 пары валенок, пару сапог, 18 платков, 3 шарфа, один моток кудели, 2 жилета,

⁴³⁵ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

⁴³⁶ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 169.

⁴³⁷ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 36, 40, 118.

⁴³⁸ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 170-171.

⁴³⁹ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 6-12, 19, 22, 53, 54.

2 фунта табака, одну юбку, 17 жбанов, 2 ведра, одну металлическую коробку, 19 масляных кадок, 63 конверта, 8 тетрадей почтовой бумаги, полкоробки перьев, 2 миски, 4 молочные кадки, один моток ниток, 4 ополченских знака, один крестик, одну коробочку молотого цикория, один мешочек корпии, 132 портрета императорской фамилии, 100 бланков для писем и 142 руб. 52 коп. деньгами⁴⁴⁰.

Во всех этих посылках поражает полная абсурдность ситуации: с одного конца страны на другой посылаются вещи, явно собранные по принципу «что в хозяйстве завалюсь» (от одежды до кадок и кудели), а в качестве идеологической составляющей служат многочисленные крестики, иконки и портреты императорской фамилии. Так и представляется картина, как дружинник в пиджаке поверх рубахи, обвешанный крестиками и портретами государя императора, с ведром в одной руке и куделью в другой идет в бой с хунхузами. Видимо, должен был срабатывать сам факт посылки с бывшей родины, который стал бы для дружинника тем самым «одушевляющим и ободряющим образом».

Кроме пожертвований предполагалось и казенное финансирование дружин. Начальникам дружин и командирам сотен полагались столовые и порционные деньги (начальникам дружин – 50 руб. столовых и 45 руб. порционных в месяц, командирам сотен – 30 руб. столовых и 30 руб. порционных в месяц). Рядовые дружинники получали деньги только во время командировок (так называемые кормовые, от 28 до 96 коп. в день), конные дружинники дополнительно получали фураж для лошадей. В первые шесть месяцев существования дружин была принята смета в 75 тыс. руб., в том числе командирам дружин и сотен – 34 048 рублей, на кормовое довольствие дружинников – 30 тыс. руб., остальное на снаряжение, обмундирование, экстраординарные расходы и прочее. Командующий войсками Приамурского военного округа Н.П. Линевич увеличил смету до 95 260 руб.⁴⁴¹

⁴⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 11. Л. 59.

⁴⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 30.

Унтер-офицеры, состоящие при дружинах инструкторами, получали жалование согласно армейским табелям (младшие унтер-офицеры по 33 $\frac{3}{4}$ коп. в месяц, старший унтер-офицер – 1 руб. 50 коп. в месяц, фельдфебель – 2 руб. в месяц). С февраля по июнь 1904 г. в дружинах действовало 98 инструкторов, они получили жалования на 477 руб. 70 $\frac{1}{2}$ коп.⁴⁴²; с июля по октябрь 1904 г. их стало меньше (46 человек), им было выдано 220 руб. 55 коп.⁴⁴³; с ноября по декабрь 1904 г. – всего 42 инструктора, им было выдано жалования на 74 руб. 97 $\frac{1}{2}$ коп.⁴⁴⁴; с января по февраль 1905 г. – 42 человека, им выдали жалования на 73 руб. 99 $\frac{1}{2}$ коп.⁴⁴⁵ Таким образом, с февраля 1904 г. по февраль 1905 г. инструкторы в дружинах получили жалования на 847 руб. 22 $\frac{1}{2}$ коп. Общие расходы на содержание дружин оказались не такими уж маленькими, а эффект от деятельности дружин, как уже говорилось выше, незначительным.

Правда, весной 1905 г. в связи со слухами о сосредоточении банд хунхузов и их возможном нападении в ряде городов края (Благовещенске, Хабаровске и др.) городские думы ходатайствовали об усилении существующих дружин при одновременном пересмотре правил их деятельности. Например, Хабаровская городская дума на заседании 21 марта 1905 г., рассмотрев вопрос о возможности нападения хунхузов на г. Хабаровск, предложила организовать городское ополчение, сделав его ядром уже существующую Хабаровскую вольную городскую дружину № 17 в составе 62 человек. Отмечалось, что ранее дружина состояла из 140 человек, но уменьшилась «вследствие обременительности для городского населения», а поэтому было решено ходатайствовать перед главнокомандующим Маньчжурской армией Н.П. Линевичем о пересмотре правил, а именно сделать районом действия дружины только г. Хабаровск, не возлагать никакой другой службы, проводить учения не более 4-5 часов в неделю⁴⁴⁶. Легко заметить, что в этих предложениях про-

⁴⁴² РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 55–56 об.

⁴⁴³ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 57–58.

⁴⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 59–60.

⁴⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 61–62.

⁴⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 83. Л. 22–27.

слеживается желание защитить свой собственный город, но при этом свести к минимуму любые «обременения», особенно для посторонних целей.

Несколько иная ситуация с вольными дружинами сложилась на о. Сахалин и на п-ове Камчатка. На Сахалине было создано 12 дружин из числа лиц свободного состояния, ссыльных крестьян, ссыльнопоселенцев, ссыльнокаторжных. Как отмечал в своем докладе от 28 декабря 1904 г. сахалинский губернатор М.Н. Ляпунов, «арестанты почти поголовно все заявили желание вступить в ряды вольных дружин», и в целом население очень охотно откликнулось на призыв; к 12 февраля в Тымовском и Александровском округах были сформированы 4 дружины (1-я, 3-я и 4-я по 200 человек, 2-я – 199 человек), в Корсаковском округе к 16 февраля были сформированы 3 дружины (1-я – 200 человек, 2-я – 205 человек, 3-я – 218 человек), на севере Сахалина с 5 апреля по 13 июня было сформировано 4 дружины из ссыльнокаторжных (1-я – 216 человек, 2-я и 3-я по 200 человек, 4-я – 225 человек), на юге Сахалина одна дружина – 120 человек⁴⁴⁷.

Из состава дружин назначались ночные и дневные патрули, в посту Александровском назначались отряды дружинников в помощь полиции, чем было «достигнуто почти полное прекращение уличных беспорядков»⁴⁴⁸. Губернатор считал, что ссыльнокаторжных можно и нужно привлекать в дружину, чтобы они искупили службой преступное прошлое, поэтому открыл доступ в дружины «ссыльнокаторжным, окончившим срок испытваемости и переведенным в разряд исправляющихся»⁴⁴⁹. Дополнительно были организованы команды конных дружинников на Северном Сахалине (42 человека) и Южном Сахалине (14 человек), а также конвой для несения ординарской службы (13 человек).

Согласно докладу губернатора, с конца апреля дружины «наравне с нижними чинами команд заняты были, главным образом, работами по приведению районов постов Александровского и

⁴⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 100–101.

⁴⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 99 об.

⁴⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 100 об.

Корсаковского в оборонительное положение, а во время навигации привлечены были также к разгрузке и нагрузке приходивших и уходивших пароходов и шхун»⁴⁵⁰.

К 1 ноября 1904 г. общая численность дружинников составляла 2441 человек. В Александровском округе было 8 дружин (1-я и 3-я – по 225 человек, 2-я и 6-я – по 221 человеку, 4-я – 181 человек, 5-я – 230 человек, 7-я – 198 человек, 8-я – 210 человек). В Корсаковском округе было 4 дружины (1-я и 2-я – по 197 человек, 3-я – 188 человек, 4-я – 148 человек). Как гордо сообщал губернатор, «каждого дружинника из ссыльных несомненно возвысило в собственных глазах сознание важности задачи, возложенное на дружины, и высокого доверия, которое оказано дружинникам из ссыльных допущением к защите отечества наравне с воинскими чинами»⁴⁵¹.

Думается, энтузиазм, проявленный населением Сахалина в деле создания дружин, был вызван не столько «высоким доверием», сколько льготами и изменением статуса. Ссыльнопоселенцам, входившим в состав дружин, но не участвовавшим в боях, сокращался срок на перевод их в крестьяне, предоставлялось право возвращения на родину за казенный счет либо право получения безвозвратного пособия; участвовавшим в боях – немедленный перевод из ссыльнопоселенцев в крестьяне⁴⁵².

Льготы и угроза нападения японцев дали на Сахалине огромный эффект: новые дружинники, согласно докладу губернатора, отличались «отличным поведением» и буквально «горели желанием» сразиться с врагом. В корреспонденциях с Сахалина этот мотив присутствовал постоянно: «Мы приняли все меры предосторожности и энергично готовимся к должной встрече японцев, не допуская мысли, вопреки печати, об отдаче острова японцам»⁴⁵³.

Впрочем, по мере ухудшения военной ситуации воинственный пыл сахалинцев всё более угасал – сообщения с острова с весны 1905 г. полны уныния и пессимизма. К лету 1905 г. многие из дру-

⁴⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 101 об.

⁴⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396. Л. 102.

⁴⁵² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 473. Л. 128.

⁴⁵³ Сибирская жизнь. 1904. № 148 (10 июля).

жинников, выслужившие льготный срок пребывания на каторге, возбудили ходатайство об освобождении от военной службы, так что к началу военных действий численность дружин уменьшилась вдвое. К тому же дружинников продолжали использовать для хозяйственных работ.

Основной военной силой острова, таким образом, оставались местные команды из нижних чинов, сформированные в резервные батальоны (Александровский, Дуйский, Корсаковский и Тымовский), а затем разделенные на девять отрядов (4 на Северном Сахалине и 5 на Южном). Японцы для оккупации острова выделили довольно значительные силы: 15-ю дивизию генерала Харагучи в составе 12 батальонов, одного эскадрона, 18 орудий и одного пулеметного отделения, всего 14 000 человек⁴⁵⁴.

Не вдаваясь в подробности военных действий на острове Сахалин, отметим, что отряды не смогли оказать японцам действенного сопротивления и в основном отступали вглубь острова, а дружинники, входившие в состав отрядов, нередко впадали в панику и разбегались. Японцы заняли Сахалин с ничтожными потерями и всего за 22 дня. Как отмечает Н.А. Левицкий, японцами было взято в плен 70 офицеров и 3200 солдат. Только 278 человек из состава войск Южного и Северного Сахалина сумели переправиться на материк. Остальные оказались в числе пропавших без вести.

На Камчатке создание дружин произошло по инициативе Петропавловского уездного начальника А.П. Сильницкого. Примечательно, что к моменту получения известия о войне (21 апреля 1904 г.) А.П. Сильницкий находился с местной интеллигенцией (врач В. Тюшев, горный инженер А.М. Симонов, начальник училища Роберт, благочинный священник отец Комаров, маячный смотритель и другие) в таких напряженных отношениях, что врач В. Тюшев объявил его сумасшедшим (параноиком). Перечисленные лица даже провели что-то вроде совещания, на котором было решено просить вышестоящие инстанции расследовать дело о А.П. Сильницком и отозвать его с Камчатки, заменив его помощ-

⁴⁵⁴ Левицкий Н.А. Русско-японская война. М.: Эксмо: Изографус; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

ником Д. Павским. А.П. Сильницкий, узнав об этом совещании, возбудил дело о камчатском бунте среди местной интеллигенции и провел ряд арестов (в том числе В. Тюшева, А.М. Симонова, смотрителя маяка, горнорабочих). Священник отец Комаров был взят под домашний арест.

Но эти события произошли как раз накануне 21 апреля. Получив сообщение о войне, А.П. Сильницкий освободил священника, попросив его провести молебен о даровании русским войскам победы в войне. Отец Комаров обратился к прихожанам с соответствующей речью, в которой призвал не бояться врага и надеяться на божью защиту. А.П. Сильницкий перед молебном зачитал приказ по поводу объявления войны Японии. Приказ весьма любопытен: населению предписывалось «верить в могущество нашего Великого Государя и его беспредельную любовь ко всем подданным от Петербурга до Петропавловска. Никто никакой опасности ожидать не может, потому что о нас печется Государь и Его Наместник на Дальнем Востоке, кто этому не верит, тот не любит своего Царя»⁴⁵⁵.

Запасные нижние чины, казаки и волонтеры от населения приглашались к формированию дружины, начальником над военными силами был назначен штабс-капитан Векентьев. Кроме того, А.П. Сильницкий в приказе объявил «все домашние недоразумения поконченными» и попросил каждого недовольного «отложить свое неудовольствие до окончания войны». Все взятые под стражу были немедленно выпущены.

22 апреля 1904 г. было принято постановление, согласно которому всякий услышавший что-либо относящееся к войне должен был явиться в Управление и записать этот «слух». Также любой желающий мог предложить меры по обороне Камчатки от врага, для чего была заведена специальная книга. Предложения были очень скоро занесены. А.Т. Зубков, горный инженер А.М. Симонов и врач В. Тюшев предлагали увезти вглубь Камчатки порох и продовольствие, раздать населению оружие и вывезти из Петропавловска женщин и детей в долину р. Камчатка. Смотритель маяка Косачев

⁴⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Л. 698а.

и штабс-капитан Векентьев предлагали меры по организации системы сигнализации.

Совсем другого характера были предложения отца Комарова и заведующего Петропавловским горным училищем Роберта. Их предложения ясно указывали на то, что, по крайней мере, у части камчатского населения возникала мысль о сдаче в плен японцам. Так, например, священник Комаров указывал: «Есть намерение в случае прихода неприятельского судна зажечь ввиду его запасы каменного угля и стоящие на рейде шхуны. На мой взгляд, приведение такой меры в исполнение, не принесет ровно никак вреда для неприятеля... может, однако, принести громадный ущерб нам же самим; с одной стороны, это приведет японцев в страшное раздражение, и тогда, разумеется, о белом (парламентском) флаге не может быть и речи, и от Петропавловска не останется камня на камне, с другой – вслед за японским судном может придти наше русское, которое, будучи осведомлено о запасе угля в Петропавловске, может придти без своего угля; 2) в случае прихода неприятельского судна имеется, кажется, в виду поездка на судно для сдачи Петропавловска представителя административной власти не в парадной форме, а в домашнем костюме (тужурка). Такое намерение, на мой взгляд, не может быть оправдано ни с точки зрения международного этикета (ведь мы считаемся культурным европейским народом), ни по своей, конечно, цели показать презрение к японцам, но тогда лучше, безусловно, совсем не ездить на судно»⁴⁵⁶.

Роберт, согласившись с предыдущим мнением, написал: «К этому я могу только еще прибавить свою искреннюю просьбу к Петропавловской Администрации, что в случае прибытия в Петропавловск японцев или представителей другой какой-либо враждебной нам нации никакой враждебности к ним не выказывать. Это будет самое лучшее, что в данном своем положении мы только и можем сделать»⁴⁵⁷.

Однако пораженческие настроения на Камчатке не возобладали. Тем более что уездный начальник А.П. Сильницкий был

⁴⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Л. 425.

⁴⁵⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Л. 427 об.

настроен на решительную оборону края от неприятеля, организовал дружину (которой придали статус регулярного воинского подразделения) и ополчение, установил сигнализацию створа в Авачинскую губу, выставил дозоры в бухты Жупановская, Кроноцкая и на мыс Лопатка, раздал населению оружие, установил заставу на р. Большой (15 мая 1904 г. застава приняла бой с японцами, пришедшими на шхуне за рыбой, в ходе боя 13 японцев было убито, а шхуна сожжена). Дополнительно А.П. Сильницкий созвал общее совещание, на котором предложил присутствующим решить вопрос, оборонять Камчатку или нет. Все решительно высказались за оборону, после чего А.П. Сильницкий потребовал всем распписаться в безусловном выполнении всех его распоряжений и приказов по обороне уезда, что в условиях, когда его объявили параноиком, было далеко не лишним.

Тон его приказов был весьма решительным. Так, приказ от 10 мая 1904 г. гласил: «9 с. мая на американский пароход “Редондо” мною сдана русскому консулу в Сан-Франциско телеграмма в адрес подлежащего начальства, к сему в копии приобщаемая. Объявляя эту телеграмму во всеобщее сведение, предупреждаю сельских старост, что если бы кто из них осмелился не объявить всем общественникам содержание сей телеграммы, а равно и предыдущих моих приказов за № 204, 238, 251 до войны относящихся, если бы в каком селении нашелся бы такой общественник, который, получивши ополченский крест, не нашол таковой на шапку в знак своей готовности постоять, если это потребуется, против врага, в лице ожидаемых мною японских хищников, которые, дай только им волю, непременно перережут не только нас самих, но и наших жен и детей, разграбят и сожгут наши дома и пожитки, то, я отвечаю перед Царем и Отечеством за всю Камчатку, буду наказывать оппсаных ослушников моих приказов без всякого милосердия, ибо тот, кто не слушает Начальство ввиду возможного нападения неприятеля, на случай его появления в стране явится первым изменником в надежде на милости врага, но да будет всем известно, что изменников своему Царю и родине часто вешают и те, ради которых они изменили, а свои, то есть свой Царь и свои законы, наказывают изменников смертною казнию во всяком случае. Я говорю это

отнодью не потому, что думаю, что среди камчатских жителей найдутся изменники, глубоко убежден, что их нет, никогда не было и не может быть, а только лишь объявляю, насколько важно при военных обстоятельствах полное повиновение распоряжениям Начальства. Наша сила в единении в боге и Великом Государе и от лица Его императорского Величества действую я, Начальник Уезда»⁴⁵⁸.

В еще более жестком тоне был составлен приказ А.П. Сильницкого от 29 мая 1904 г., в котором сообщалось, что он по настоянию уездного врача В. Тюшева освободил от военной службы камчатских казаков Романа Пшеникова и Савву Копылова, а также заявил в связи с этим, что даст подобное освобождение любому казаку, страдающему болезнью и предоставившему свидетельство врача. Однако те, кто «под предлогом недомогания» уклоняются от службы в военное время, – «суть трусы и негодяи», честные люди идут на битву с врагом даже тогда, когда сил едва хватает на то, чтобы зарядить ружье. «Я прошу дружину иметь в виду мои слова, что я не поведу в бой трусов и всем таковым я дам полную возможность уйти из сферы огня, если таковой будет, а потому уверен: сколько-нибудь порядочный дружинник не воспользуется тем или иным недомоганием, без которого слабая человеческая природа никогда не обходится, и вполне здоровых людей никогда не было, как нет их и в дружине. В дружине есть лишь трусы и негодяи, и есть люди честные, последних, уверен, больше, а если и меньше, то не беда: древние спартанцы в числе 300 человек защищались от стотысячной персидской армии, а японцы не представляют никакой армии, а представляют, единственно, хищников, хотя и вооруженных»⁴⁵⁹.

Деятельность дружинников на Камчатке в годы войны можно восстановить по целому ряду рапортов и докладных записок лиц, принимавших участие в военных действиях. Так, согласно докладу исполняющего дела петропавловского уездного начальника Д. Павского военному губернатору Приморской области от 28 ноября 1904 г. № 703, в течение лета 1904 г. по западному и восточному по-

⁴⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Л. 282.

⁴⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 423. Л. 265 об.

бережью Камчатки рыболовным промыслом занимались 50 хищнических рыболовных шхун. Было решено оказать вооруженное сопротивление японцам в Петропавловске, если последние придут на рыболовных шхунах и без артиллерии, если же придет японский броненосец – обойтись без выстрелов.

17 мая в Петропавловске была получена полетучка (почта) из Большерецка о прибытии в устье р. Большой японской шхуны. Векентьев был послан на западный берег с поручением воспрепятствовать промыслу рыбы японцами в устье р. Большой, 24 мая была получена вторая полетучка с сообщением, что большерецкие жители составили дружину во главе с казаком Михаилом Нагорным и ратником ополчения Ксаверием Бирулем, 16 мая они вышли из Большерецка, а 17 прибыли в устье р. Большой, где попытались разведать силы японцев, не смогли и решили «отправиться в сражение» имеющимся составом (Алексей Максимович Селиванов, Михаил Нагорный, Ксаверий Бируля, Павел Логинов, Петр Кравченко). Пройдя немного, дружинники заметили на реке русскую шлюпку с охранниками, возвращавшимися в Петропавловск с бобрового лежбища на мысе Лопатка. Казаки охраны объединились с большерецкими и вступили в сражение с японцами. Правда, сражением это событие можно назвать с большой натяжкой: японцы, застигнутые врасплох, побросали оружие (кинжалы и ружья) в реку и были взяты казаками под стражу. Отдельно был захвачен японский капитан. Шхуну зажгли. Дальше, согласно докладу казаков, события развивались весьма трагично для японцев: заметив на горизонте дым, казаки, испуганные перспективой объединения вражеских сил, сделали по пленным залп как «по врагам-разбойникам и хищникам» и поспешно ушли⁴⁶⁰.

Аналогично происходили и другие столкновения камчатских дружинников с японцами. Так, 8 июня отряд дружинников (12 человек) под командованием Михаила Нагорного вышел в село Ича и захватил японца-переводчика, который прибыл в Ичу для переговоров с жителями относительно условий рыбной ловли (в устье р. Ича находилась японская шхуна). Переводчик показал, что на

⁴⁶⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 115.

шхуне 13 японцев без оружия, враждебных намерений не имеют. М. Нагорный отправился в устье реки, захватил врасплох команду и всех забрал в плен. Японцам было объявлено, что при малейшем сопротивлении их расстреляют. Японского капитана и переводчика Нагорный отправил в селение, остальных японцев стал переправлять на другую сторону реки, а шхуну поджег. Японцы, переправленные через реку, попытались сбежать, часть пыталась отобрать у часовых оружие. Все попытки кончились для японцев неудачей, их умирили, после чего Нагорный всех их (11 человек) расстрелял. Вернувшись в село, Нагорный расправился еще и с японским капитаном, который, по сообщениям часовых, пытался бежать, а на увещевания Нагорного «вскочил на ноги и выпрямился, готовый броситься». Так что в итоге в живых остался только японский переводчик Эзеро Химучи⁴⁶¹.

Через месяц в устье р. Ича вошли 4 японские шхуны, а в соседнюю реку Колпаковку – 3. М. Нагорный с отрядом из 55 человек в ночь с 16 на 17 июля напал на японцев в устье р. Ича, причем свою дружину он разделил на 2 отряда (одним командовал сам Михаил Нагорный, а другим – казак Михаил Корякин). Отряды одновременно захватили 2 сарая, в которых находились японцы. Застигнутые врасплох японцы обратились в паническое бегство, лишь немногие стали защищаться. Со шхун также был открыт огонь, но так как русских он не достал, шхуны вскоре ушли в море. Всего в этой схватке было убито более 50 японцев, захвачено 3 ружья и 90 патронов.

После боя М. Нагорный пошел в селение Колпаково, причем на р. Колпаковой к этому времени находилось уже 9 японских шхун. В ночь с 26 на 27 июля русская дружина из 80 человек напала на японцев, как и на р. Ича, разделившись на два отряда. Один отряд шел сверху, другой перекрыл устье, чтобы не дать японцам уйти. Под напором первого отряда (им командовал Корякин) японцы бежали. Попытались овладеть шхунами, но смогли захватить только одну, остальные 8 шхун русские сожгли. Всего японцев было около 200 человек. Все, кто не попал на единственную взятую япон-

⁴⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 122.

цами шхуну, были убиты русскими дружинниками, в плен японцев не брали⁴⁶².

В ночь с 7 на 8 августа дружина М. Сотникова в составе 30 человек напала на японскую шхуну в устье р. Воровской, 13 японцев было убито, все товары со шхуны розданы жителям ближайшего селения, причем у японцев из оружия были только одна бердана и несколько кинжалов⁴⁶³.

Отдельно стоит сказать о событиях в Явино, которые частью исследователей трактуется как попытка захвата японцами Камчатки. Согласно сообщению явинского старосты Игнатьева, 3 июня 1904 г. селение Явино было занято японцами и разграблено: «3 июня утром рано японцы подступили к селению и заняли три дома, а видели только 12 человек, в домах нам неизвестно было, японский народ был военный, а шхуна зашла в Озерную реку 30 мая». Явинцы бежали в сопки.

7 июня в реку Опалу (Апалу) вошла японская шхуна с 20 японцами, 8 июня 3 человека пришли из Явино в с. Гольгино с сообщением о захвате и разграблении села. Гольгинцы вывели из селения скот и семьи, а в селении оставили только несколько стрелков. М. Сотников отправил Алексея Селиванова на разведку в Гольгино и Явино, 18 июня А. Селиванов сообщил, что на реке Опале стоит японская шхуна с 20 рыбаками, ловит рыбу. Село Явино занято японцами, всего их 12 человек с оружием, живут в трех домах и часовне, завладели имуществом жителей. На Озерной – шхуна и две большие палатки, количество японцев неизвестно. Казак Николай Манаков донес 13 июня, что в устье реки Опалы стоит японская шхуна, но «драться с ней матерьялу нет в народе», хотя сам Н. Манаков жаждет постоять «за веру и отечество»⁴⁶⁴.

Унтер-офицер М. Сотников, согласно рапорту от 28 июня, собрал 55 охотников из сел Большерецкое, Апачинское, Жалкинское и 24 июня отправился к реке Опале, где соединился с силами Селиванова; 28 июня объединенный отряд подошел к табору японцев в

⁴⁶² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 123.

⁴⁶³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 124.

⁴⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 118–118 об.

устье реки. Японцы «выбежали из табора, обнажив кинжалы, и пустились бежать». По убегающим японцам был открыт огонь. Максим Сотников, Иван Селиванов, мещане Иван и Македон Ворошиловы, камчадал Иван Панов на шлюпке отправились на шхуну. Вооруженных казаков под командованием И. Селиванова разместили в укрытии на берегу напротив шхуны. На шхуне отряд Сотникова увидел четырех японцев, которые тут же были уничтожены. Всего было убито около 20 японцев⁴⁶⁵.

Из рапорта М. Сотникова от 17 июля 1904 г. № 24 и «Акта на тему разграбления японцами Явино и о событиях в Явино» следует, что после действий на реке Опале Сотников, Селиванов, явинский староста Игнатьев и еще 3 человека отправились на разведку к селу Явино. Возле села увидели столб с надписью по-японски и порусски о том, что эта земля уже принадлежит Японии, и кто тронет этот столб или попытается его убрать, тот будет убит. Само селение Явинское было разграблено: скот угнан в Озерную, внутри домов и часовни развалены печи, сорваны обои, разбиты окна, в часовне весь алтарь разрушен, иконы разбросаны на полу. Сотников и Селиванов произвели, кроме того, разведку по направлению к Озерной, обнаружив там 2 японские шхуны, 6 палаток и батарейные окопы⁴⁶⁶.

После первой разведки в Явино (11 июля 1904 г.) отряд вернулся в Голыгино. Там к нему присоединились 13 человек подкрепления из Большерецка, а кроме того, команда, прибывшая с реки Опалы, и 16 человек, прибывших на шхуне «Мария» во главе с Жабой, всего 77 человек. В рапорте М. Сотникова сообщается, что 15 июля его отряд взял в плен лейтенанта Сечу Гундзи (Гунжи), командира отряда японцев. Егор Евойлов 12 июля был отправлен на Озерную с письмом к Гундзи, причем истинной целью его похода была разведка неприятеля. Е. Евойлов, вернувшись, сообщил, что в помещении Гундзи он насчитал 45 ружей, 10 пашек, 5 копий, а на мысе видел пушку. На следующий день к Гундзи пошел уже явинский староста Игнатьев. Гундзи приказал последнему сдать вместе со

⁴⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 119-119 об.

⁴⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 4.

всем селением, жителей собрать, потом доложить Гундзи, после чего он придет и заключит с сельчанами мир. А 14 июля Гундзи было передано очередное письмо, в котором говорилось, что жители селения готовы к встрече; 15 июля Гундзи с доктором Ода Наотаро и двумя японцами пришел в селение, где и был захвачен дружинниками в плен⁴⁶⁷.

На допросе Гундзи показал, что в Озерной стоят 3 японские шхуны, 88 японцев, из оружия имеется 50 бердан и 2 сигнальные пушки для китов. М. Сотников приказал Гундзи вернуть всё разграбленное и снять с часовни японский флаг, но японский командир отказался; 16 июля отряд М. Сотникова, взяв с собой двух японцев-переводчиков (по-видимому, захваченных в Явино), направился к Озерной. В 2 часа 30 минут 17 июля отряд подошел к первому табору японцев. Японцам было предложено сдаться, но они отказались и открыли огонь. Русские ответили тем же. После полуторачасового сопротивления 17 японцев было убито, 5 русских ранено (один с тяжелым ранением).

Перед боем ко второму табору японцев был послан отряд Селиванова (20 человек), который занял позицию возле мыса, чтобы «попрепятствовать могущему быть нападению хищниками от мыса». Японцы из второго табора выйти так и не посмели. В пятом часу утра оба русских отряда отошли, «не имея при себе и в Явиной для довольствия провизию, а равно не имея даже фельдшера для малейшей помощи в несчастном случае». Японцы после ухода русских вскоре погрузились на шхуны и ушли в море. В 7 часов утра умер тяжело раненный дружинник Ксаверий Бируля. Возвратившись в Явино, М. Сотников постановил всё оставшееся имущество и скот перевезти в Голыгино. Столб с надписью о том, что Камчатка принадлежит Японии, был срублен лично М. Селивановым, а японский флаг снят. На этом столкновение с японцами было закончено⁴⁶⁸.

Стоит отметить, что события в Явино весьма неоднозначно трактовались как современниками, так и поздними исследователя-

⁴⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 120–121.

⁴⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 4 об. – 5.

ми. Петропаловский уездный начальник А.П. Сильницкий считал, что Сечу Гундзи имел намерение захватить Камчатку, для чего и создал еще до войны форт на острове Шумшу. В своем рапорте военному губернатору Приморской области А.П. Сильницкий утверждал, что Гундзи привел с собой «отряд японских морских резервистов» численностью до 250 человек, имел хорошее вооружение, в том числе 2 пушки, выгнал жителей Явино и Гольгино в леса, а также «выкинул японский флаг, объявил Камчатку владениями Японской империи и распространил в селении прокламации на русском языке, требовавшие признания Японской империи, с угрозой, в противном случае, избивать непокорных»⁴⁶⁹.

В своих приказах камчатским дружинникам А.П. Сильницкий предписывал не проявлять «никакой жалости к врагу, памятуя, что жалость к врагу Отечества есть только трусость, которая ляжет на нас позором и бесчестьем», японцев убивать на месте («прекращать до одного японца тут, где будет взята шхуна»), продукты и товары выгружать и распределять по обществам⁴⁷⁰.

Впрочем, не все были согласны с оценками и действиями А.П. Сильницкого. Д. Павский, назначенный петропавловским уездным начальником вместо отстраненного от должности в июле 1904 г. А.П. Сильницкого, считал, что Гундзи не имел намерения захватить Камчатку. В своем докладе военному губернатору Приморской области Д. Павский написал: «Допускаю также, что подписью на доске, приколоченной к столбу вблизи Явинского селения о принадлежности уже земли Японии, если не лично Гундзи, то другие бывшие с ним японцы думали застрашать безгласных и беззащитных жителей села Явинского с намерением тем самым оградить себя от всяких попыток со стороны явинских жителей к воспрепятствованию промысла работниками»⁴⁷¹.

Примечательно, что сразу после пленения с Гундзи была «взята речь», которую он намеревался сказать жителям Явино. В этой речи Гундзи возложил вину за развязывание войны на нечестных рус-

⁴⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 507 об. – 508.

⁴⁷⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 120.

⁴⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 121 об.

ских чиновников и наместника на Дальнем Востоке Алексеева, который сделал «только для русского очень хорошо, но это для Японии, Китая и Кореи очень нехорошо», а также несколько раз подчеркнул, что «бог сделает между русско-японскими справедливый суд», а русский император «с японцами скорее хочет мирить», поэтому скоро заключит с Японией мир, а своих нечестных чиновников накажет. Никаких утверждений, что Япония захватила Камчатку или собирается ее захватить или что Камчатка перейдет к Японии по мирному договору, в речи Гундзи нет⁴⁷².

Завесу над событиями в Явино может приоткрыть биография самого Сечу Гундзи. Согласно сведениям, которые предоставила его правнучка, госпожа Харухи Фунакава, Гундзи родился в 1859 г. в Эдо (Токио) в семье самурая, являвшегося прямым вассалом сегуна. Отец Гундзи, Кода Сигенобу, после совершения революции Мэйдзи получил место в Министерстве финансов правительства Мэйдзи. Сам Сечу Гундзи в 1872 г. в возрасте 13 лет, сдав на отлично экзамены, поступил в военно-морскую школу, а по окончании ее стал офицером (лейтенантом) военно-морского флота Японии.

В 1878 г. на японском военном судне «Конго» Сечу Гундзи посетил Владивосток, где заинтересовался русским опытом освоения Дальнего Востока и, в частности, действиями русских казаков. Позже Гундзи попытался применить русский опыт при создании поселения на острове Шумшу с целью освоения северных Курильских островов, однако для успешного освоения островов требовалось также обеспечение их продовольствием. Именно поэтому Гундзи обратил внимание на Камчатку, богатую рыбой.

Примерно с 1901 г. Сечу Гундзи стал приказчиком Камчатского Торгово-Промышленного общества, одновременно пытаясь подписать официальный контракт по промыслу японцами рыбы на Камчатке. Однако с 1903 г. был запрещен не только лов рыбы японцами в русских водах, но и использование на рыбных промыслах иностранных рабочих. Начавшаяся Русско-японская война перевела браконьерство в разряд боевых действий, вызвав рост ожесточения с обеих сторон. По мнению Харухи Фунакавы, действия Сечу Гун-

⁴⁷² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 2–3.

дзи в Явино были вызваны «кодексом самурая» (исполнением долга перед Японией, как Сечу Гундзи его понимал), но в любом случае его инициатива не была поддержана на «официальном уровне», а в японских газетах встретила осуждение. После своего ареста Гундзи был доставлен в Петропавловск и помещен под караулом на маяке, а позже отправлен внутрь страны. В декабре 1905 г. Гундзи вернулся в Японию.

В конце июля 1904 г. на Камчатку прибыл начальник Командорских островов Н.А. Гребницкий с полномочиями от Министерства внутренних дел расследовать дело о сумасшествии А.П. Сильницкого. Н.А. Гребницкий без особых разбирательств отстранил А.П. Сильницкого от дел, назначив на его место Д. Павского. После этих событий дело обороны Камчатки практически сошло на нет: дружины по западному и восточному берегу Камчатки были распущены; Векентьев, заведовавший обороной полуострова, был вызван в Петропавловск и в конце концов вынужден был уехать. Между А.П. Сильницким и Векентьевым, с одной стороны, и Д. Павским и Н.А. Гребницким – с другой, шла напряженная борьба. Первые доказывали необходимость и своевременность принятых мер по обороне Камчатки, вторые – что никакой серьезной угрозы со стороны японцев (по крайней мере, летом 1904 г.) не было, дружинники сталкивались в основном с рыбаками. Действия дружинников, наоборот, ожесточили японцев, поэтому в навигацию 1905 г. следовало ожидать наплыва японских шхун, причем хищники будут намного лучше вооружены и не остановятся перед грабежами и убийством жителей Камчатки.

С началом 1905 г. положение с обороной Камчатки вновь изменилось: на должность петропавловского уездного начальника был назначен Лех, Д. Павского перевели помощником охотского уездного начальника, а на Векентьева возложили особое поручение – оборону Камчатки. Последнему по распоряжению генерал-лейтенанта Андреева и от имени командующего была дана инструкция по ведению партизанской войны на Камчатке. В инструкции предусматривалось разделение Камчатки на несколько районов, каждый из которых должен был обороняться своим партизанским отрядом; при появлении противника в превосходящих силах пар-

тизанским отрядам предписывалось не вступать в открытый неравный бой с врагом, а, пользуясь своим знанием местности, устраивать засады, внезапные нападения, особенно ночью, нападать на тыл противника и транспорты с продовольствием. Поскольку устья рек полуострова обильны рыбой, инструкция предусматривала организацию небольших застав из дружинников в устьях рек, чтобы воспрепятствовать хищническому лову рыбы японцами.

Предполагалось также, что оборона Камчатки будет перенесена, главным образом, вглубь полуострова, для чего заблаговременно должны были быть созданы запасы продовольствия, медикаментов и патронов в селениях, расположенных на полуострове. Партизанским отрядам рекомендовалось при благоприятных условиях действовать и на побережье, захватывать мелкие японские суда и шхуны, нападать на другие японские шхуны, занимавшиеся хищническим промыслом. Жители, организованные в партизанские отряды, должны были иметь возможность заниматься своими обычными делами до появления японцев; в случае появления противника должен быть организован быстрый сбор дружинников. Дружинники не должны быть стеснены требованиями строевого устава, однако дисциплина в партизанских отрядах должна быть строгой, членство в отряде не должно давать прав на недозволенный промысел и тому подобные действия. Кроме того, дружинникам предполагалось пройти хотя бы краткий курс стрельбы⁴⁷³.

Тактика борьбы с японцами, которая была разработана в инструкции, как мы можем заметить, практически ничем не отличалась от той, которая применялась жителями Камчатки в навигацию 1904 г. Согласно сведениям, собранным транспортом «Аргунь», камчатские дружины в 1905 г. успешно отражали нападения «японских хищников», было сожжено 4 японские шхуны и убито 47 японцев, трое ранено. Со стороны дружинников потерь не было. Лежбища морских котов и бобров на Командорских островах от японцев не пострадали⁴⁷⁴.

⁴⁷³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 456. Л. 2.

⁴⁷⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 91.

Однако главным событием на Камчатке в навигацию 1905 г. была бомбардировка Петропавловска японскими крейсерами 1 августа 1905 г. Японская броненосная эскадра в составе крейсеров 1-го ранга «Суми» и «Идзуми» под командованием адмирала Того 31 июля в десятом часу утра подошла к Петропавловску и открыла артиллерийский огонь по Петропавловскому маяку, не причинив ему никакого вреда. Начальник уезда, его помощник, дружина и большинство жителей покинули город и ушли по направлению к соседнему селению Старый Острог. В 12-м часу дня японцы бомбардировали Петропавловск. Прицельные выстрелы были сделаны по зданию Петропавловского уездного правления, которое было совершенно разрушено, другие городские здания не были повреждены.

После бомбардировки с судов на берег высадился десант (около 200 человек), японцы в городском управлении разбили сейф и забрали деньги и бумаги. Частное имущество не пострадало, за исключением нескольких голов скота, которые японцы забили себе на мясо. Японская эскадра 1 августа конфисковала стоявший на рейде Петропавловска пароход «Австралия», затем японцы ушли, а 3 августа эскадра встала на рейд у села Никольского (о. Беринг), где стоял зафрахтованный пароход «Монтара» с главным уполномоченным Камчатского торгово-промышленного общества бароном Брюгенном. Японцы (около 200 человек) сошли на берег, в здании уездного управления взяли 19 берданок, 3 пачки патронов, несколько дел и землемерные инструменты, после чего вернулись на суда. «Монтара» 4 августа была объявлена конфискованной, после чего японская эскадра 6 августа вновь вернулась в Петропавловск. Еще раз сойдя на берег, японская команда в помещении уездного полицейского управления уничтожила дела и бумаги, конфисковала товары из казенных и частных складов, забила несколько коров, и 8 августа эскадра окончательно ушла из Петропавловска⁴⁷⁵.

Кроме Петропавловска, японцы заходили в Аян и Охотск. В основном все жители при приближении японцев бежали из селений. В Охотске японцы осмотрели уездное управление, где взяли 3 книги

⁴⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 92-92 об.

законов и ружье; на пороховом складе забрали весь имевшийся порох, в провиантском магазине – 60 берданок, все патроны, часть свинца и дроби, табак, спирт. Местную церковь осмотрели с разрешения настоятеля. Кассу и продовольственные запасы не тронули, населению и его имуществу вреда не причинили⁴⁷⁶.

В Аяне, согласно рапорту полицейского урядника Степана Попова якутскому губернатору, японцы разграбили дома, церковь и казенные склады, но эта информация после проведенной проверки не подтвердилась (проверка была проведена в октябре 1905 г. подполковником Страдецким, исполняющим дела штаб-офицера для особых поручений при приамурском генерал-губернаторе)⁴⁷⁷.

В целом действия японцев на Камчатке в 1905 г. можно рассматривать как военную демонстрацию, никаких реальных действий для захвата полуострова японцами, в отличие от Сахалина, предпринято не было.

Если подытоживать действия организованных «вольных дружин», то можно сделать следующие выводы. Только часть людей вошла в дружины из патриотических побуждений, в большинстве же в дружины либо записывались по меркантильным соображениям (возможность получить разного рода льготы, что особенно характерно для дружин на Сахалине), либо привлекались в принудительном порядке (дружины в Приморье и на Камчатке). Для начальства дружины представляли демонстрацию «народного патриотизма», поэтому с целью поддержания дружинников был предпринят сбор пожертвований в виде икон, крестов, портретов царствующей фамилии и т. д. Действительно, пожертвования поступили в довольно значительном объеме, но совершенно очевидно, что стимулировать патриотизм они не смогли. Содержание дружин (жалование инструкторам и командирам, кормовое довольствие дружинникам и т. п.) было отнюдь не дешевым, при этом даже камчатские дружины (наиболее активные из всех созданных на Дальнем Востоке) эффективно боролись лишь с японскими браконьерами (по сути с простыми рыбаками, почти не вооруженны-

⁴⁷⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 16–17.

⁴⁷⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 481. Л. 69–70, 186.

ми), а в случае реальной военной угрозы со стороны японцев их деятельность сводилась к нулю. Эпизод с попыткой «захвата» Камчатки лейтенантом Сечу Гундзи скорее всего был исключительно частной инициативой самого Гундзи, никак не был поддержан на официальном уровне, не представлял реальной угрозы для Камчатки, поэтому отражение этого «завоевания» камчатскими дружинниками лежит в русле всё той же борьбы с японскими браконьерами, т. е. с рыбаками.

Дружины так и не стали вспомогательными военными отрядами, которые при необходимости могли бы действовать совместно с регулярными войсками. В своих действиях дружинники руководствовались больше местными и собственными интересами, чем соображениями «высшего порядка», и никакие крестики, иконки и портреты императорской семьи не могли вдохнуть в них казенный патриотизм. Но чтобы окончательно понять отношение населения Сибири и Дальнего Востока к Русско-японской войне, а также то, как и почему оно менялось, следует обратиться к динамике общественного мнения.

§ 3. ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Начало Русско-японской войны население Сибири и Дальнего Востока, как и везде в Российской империи, встретило патриотическими манифестациями. Иллюстрацией к первоначальному отклику на открытие военных действий может служить телеграмма военного губернатора Владивостока А.М. Колюбакина приамурскому генерал-губернатору: «Сегодня, после сообщения в кафедральном соборе высочайшего манифеста и совершенного затем епископом Евсевием торжественного молебствия соборно всем духовенством о ниспослании победы, комендант крепости поздравил войска с высочайшим манифестом и началом военных действий. Молодецкое “ура” войск и народа, слившееся со звуками народного гимна, завершило собой слова коменданта как немногословный многозначный ответ на призыв государя стать грудью на защиту родины. Собравшиеся после того в доме губернатора

представители войск, всех ведомств, городского населения единодушно выразили горячее желание повергнуть к стопам государя императора волнующие чувства любви, верноподданнической преданности и беззаветной готовности, не щадя жизни и имущества дать достойный отпор врагу... Докладываю, что общее настроение светлое, из обывателей организуются добровольческие дружины, пешие и конные, на призыв на открытые здесь курсы сестер милосердия отозвалось более полутораста лиц»⁴⁷⁸. Верноподданнические адреса в Приамурском генерал-губернаторстве составили также Верхнеудинская городская дума, Троицкосавское городское общество, Нерчинское городское общество, Читинское еврейское общество, магометане г. Читы, жители Сретенской станции, инородцы бывшей Кужертаевской управы, обыватели г. Баргузина, население золотых промыслов Надеждинского золотопромышленного товарищества, работники заводов нерчинского купца Я.С. Андоверова, евреи г. Нерчинска.

В Томске 1 февраля 1904 г. прошла бурная патриотическая манифестация, о которой сообщала газета «Сибирская жизнь»: «Беспрерывное “ура” и звуки русского национального гимна гремели в воздухе. Предметом шумных оваций были офицеры местного батальона; манифестанты подхватили их на руки и подолгу качали. Особенно большая группа манифестантов собралась во втором часу дня около дома городского управления. Когда на балконе городского дома показали портрет Государя, вынесенный членами управы, грянуло могучее “ура” толпы в несколько тысяч человек, масса шапок полетела в воздух. От управы манифестанты с портретом Государя пошли к солдатским казармам, их сопровождал военный оркестр, все время исполнявший “Боже царя храни” и “Коль славен”. На каждом перекрестке к толпе присоединялись новые и новые манифестанты. Настроение у всех было заметно приподнятое». В том же духе прошли манифестация учащейся молодежи и манифестация томичей в народном театре⁴⁷⁹.

⁴⁷⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2012. Л. 1-2.

⁴⁷⁹ Сибирская жизнь. 1904. № 27 (4 февраля).

В Иркутске 29 января толпа манифестантов от общественного собрания с оркестром пожарной дружины двинулась к театру, где к ним присоединился театральный оркестр, который и сыграл гимн, приветствуемый криками «ура», 2 февраля по инициативе учителей городских народных школ в соборе был отслужен молебен о даровании русским войскам победы. Директор народных училищ М.А. Заостровский произнес учащимся речь. Из собора школьники и военный оркестр подошли к городской управе, где перед портретом государя был исполнен гимн, сопровождаемый криками «ура». Далее юные манифестанты двинулись к казармам Енисейского батальона, где также был исполнен гимн и учитель Х.И. Петелен произнес речь. Затем толпа двинулась к театру, и там театральный оркестр вновь исполнил народный гимн⁴⁸⁰.

Подобные патриотические манифестации прошли и в других городах Сибири. Впоследствии патриотические настроения проявлялись на торжественных проводах воинских формирований на войну (в первую очередь «своих», местных), проводах следовавшего через Сибирь командующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина и в ходе многочисленных «вокально-литературных» и иных вечеров. А.Н. Куропаткина «стандартно» приветствовали от имени того или иного города высшие чины (в первую очередь городской голова), ему подносили икону и деньги, собранные на нужды войны. После обмена речами командующий садился в поезд и ехал дальше под «музыку, хор и крики “ура”». В некоторых случаях специально выезжали к поезду командующего. Так, депутация от Томской думы, биржевого и купеческого обществ выезжала для встречи А.Н. Куропаткина на станцию Тайга, где торжественно передала ему икону и собранные томичами 15 100 руб.⁴⁸¹ В Иркутске начальник края и городской голова проследовали с поездом командующего до станции Байкал, где и вручили ему икону и собранные деньги в размере 12 тыс. руб.⁴⁸²

⁴⁸⁰ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 31–32.

⁴⁸¹ Сибирская жизнь. 1904. № 53 (7 марта).

⁴⁸² Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 33–34.

На «вокально-литературных» и других вечерах собирали денежные пожертвования на нужды войны, но и одновременно проводили пропаганду. Скажем, на патриотическом вечере в Томской духовной семинарии прозвучала лекция на тему неизбежности столкновения России как носительницы христианского идеализма с Японией как носительницей азиатского практицизма, зачитывали избранные места из «Повести об антихристе» Вл. Соловьева (главным образом про панмонголизм), патриотические стихи и исполняли национальный гимн⁴⁸³.

Вопрос об искренности патриотических манифестаций и прочих подобных мероприятий достаточно сложен: некоторые современники считали, что они были инспирированы правительством, либо же в них участвовала заведомо «романтическая» часть общества (школьники, студенты и т. д.); проводы и встречи войск и чинов армии тем более носили официальный характер. С другой стороны, весьма презрительное отношение к японцам, культивировавшееся в обществе перед войной, вполне могло вызвать всплеск шовинистических настроений, желание «поставить на место» зарвавшихся «япошек».

Более адекватно оценить отношение сибирского и дальневосточного обществ к начавшейся Русско-японской войне можно по тому, как протекала мобилизация. По свидетельству «Восточного обозрения» (отнюдь не симпатизировавшего войне), крестьяне демонстрировали по отношению к мобилизации двоякую позицию. С одной стороны, «слухи о «большой войне» заставляли бояться и ничего не ждать впереди хорошего», с другой – предыдущая мобилизация по случаю военных действий в Китае позволяла надеяться на лучшее, так как в 1900 г. многие призванные из запаса сибиряки добрались до Сретенска или Хабаровска и вернулись обратно, даже не увидев китайцев. Можно было бы предположить, что и теперь «солдаты проведут в походе два, много три месяца, усмирят кого надо и благополучно вернутся домой к своим обычным занятиям»⁴⁸⁴.

⁴⁸³ Сибирская жизнь. 1904. № 31 (11 февраля).

⁴⁸⁴ Восточное обозрение. 1904. № 75 (28 марта).

Были также распространены слухи, что мобилизованным после окончания войны будет раздаваться земля⁴⁸⁵. Поскольку японцы до войны изображались в уничижительном виде, особенно в лубочной литературе, настроение, что «мы их враз побьем и вернемся», было довольно широко распространено среди населения, газеты даже отмечали, что в некоторых местах говорили не о войне с японцами, а о японском «бунте», усмирить который будет легко. Вместе с тем присутствовала и вполне понятная тоска и тревога. Картины проводов запасных в изображении и прессы, и мемуаристики почти везде были одни и те же: бабы плачут и воют, провожая мужей и сыновей, запасные «все сильно навеселе», прощаются «по обычаю» со всей деревней.

По подсчетам В.И. Баяндина, общая численность сибиряков, призванных на военную службу во время войны, составила 230–240 тыс. человек, причем в это число не вошли находящиеся на военной службе до ее начала. По воспоминаниям современников, «край заметно обезлюдел», среди сибиряков даже ходила поговорка «Сибирь воюет, а Россия лишь помогает деньгами»⁴⁸⁶. Из общего числа призванных примерно 100 тыс. человек – запасные нижние чины, 39 тыс. – ратники государственного ополчения, 20 тыс. – новобранцы, 30 тыс. – казаки Сибирского и Забайкальского казачьего войска; призывались также казаки Енисейского и Иркутского дивизионов⁴⁸⁷.

Процент мобилизованных от числа трудоспособных мужчин колебался в пределах 7...8,5 %, однако на войну уходили самые здоровые и трудолюбивые. Несмотря на то что призванные из запаса нижние чины оставляли семьи и хозяйства, первая мобилизация проходила без особых эксцессов. В исследованиях М.В. Шиловского,

⁴⁸⁵ Айрапетов О.Р. На сопках Маньчжурии... Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004. С. 391.

⁴⁸⁶ Баяндин В.И. Русско-японская война: мобилизация и демобилизация войск в Сибири // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 42.

⁴⁸⁷ Баяндин В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 11.

В.И. Баяндина и Ю.А. Фабрики отмечается высокий процент явки сибиряков на призывные пункты (99,2 %), сочувственное отношение населения к призыву, спокойное протекание самой мобилизации и довольно большое количество добровольцев. Например, в Курганском уезде Тобольской губернии, согласно отчету, явилось так много добровольцев, что «не знали, что с ними делать»⁴⁸⁸. По подсчетам К.А. Чернова, добровольно на войну из Сибири отправилось около 4 тыс. человек⁴⁸⁹.

Аналогичную картину рисует и местная пресса за февраль-март 1904 г. Практически во всех заметках на эту тему отмечался, прежде всего, огромный интерес населения к войне, выразившийся, в частности, в «бешеной» популярности любых газет, где содержалась хоть какая-то информация о войне и циркулировании множества слухов и версий, касающихся боевых действий и причин войны. Если в деревне не было своего почтового отделения, то газеты специально везли из ближайшего города, номера передавались из дома в дом и зачитывались буквально до дыр, причем каждая «читка» собирала большой кружок слушателей.

Типичны следующие заметки по этому поводу: «Возбуждаемый войной интерес настолько силен, что заставил раскошелиться на телеграммы и газеты не одну местную интеллигенцию, но и некоторых крестьян... В почтовые дни почтово-телеграфное отделение осаждается чающими и жаждущими новостей, и газеты вырываются чуть ли не из почтовых тюков. Разбойное нападение на наши броненосцы, гибель “Варяга”, мобилизация вызвали среди народа озлобление и ненависть к японцам. При упоминании о Японии или японцах неизбежно прибавляется эпитет “проклятый” во всех родах, числах и падежах» (с. Евгашинское Тарского уезда)⁴⁹⁰. Или другая характерная картина: в волостном правлении повешена карта военных действий, возле нее в любое время дня толпятся

⁴⁸⁸ Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 34, 39–40, 46–47.

⁴⁸⁹ Чернов К.А. Военный гарнизон г. Томска в 1904–1905 гг. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 2005 г.). Томск, 2007. С. 113.

⁴⁹⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 55 (10 марта).

мужики, выясняя, где «он», а где «наш», и выдвигая различные версии будущего развития событий (с. Зиминское)⁴⁹¹.

Что касается непосредственного отношения к войне, то оно у деревенского обывателя было двойственным. «Восточное обозрение» отмечало, что среди сельчан, с одной стороны, присутствует негодование на «дерзость и коварство врага», с другой – отрицательное отношение к войне, «почти все недоумевали, зачем нам воевать». Впрочем, на вопрос «зачем?» был распространен такой ответ: поскольку японцы первые напали, то «что же поделаешь, надо обороняться», «японец хочет отнять у нас землю», «раз нас тронули, так и мы не должны ударить лицом в грязь» и т. п.

Впоследствии, по сообщениям газет, отношение к мобилизации населения стало более драматичным. Корреспонденции из сел газеты «Восточное обозрение» рисовали довольно тягостную картину: скажем, в селе Марковское Киренского уезда призвали 84 работника, «масленицу провели мы все в слезах»; в апрельской заметке из села Зиминское отмечалось, что «война в сознании жителя деревни получает характер фатальной беды, а выжидательное положение армии, запутанность и разноречивость известий о ней притупили остроту интереса к тому, что новенького пишут в газетах»; еще более печально сообщение из села Култук: в мае проводжали казаков, мобилизованных до 35-летнего возраста, «в воздухе стояли рыдания»; в июне были мобилизованы ратники запаса и ратники ополчения 1-го разряда – «новое горе и новые слезы»⁴⁹².

Стоит отметить, что даже в случаях уныния по поводу очередной мобилизации попыток уклониться от нее не было. Исследователи отмечают, что все мобилизации в Сибири проходили в полном объеме и в срок, а действия войск неизменно отличали доблесть и героизм. Более того, героизм «родных» войск подразумевался и самим обществом, свидетельством чему служат своеобразные «отчеты», публиковавшиеся в региональной прессе. Например, в № 161 «Сибирской жизни» сообщалось, что 11 июля был жесто-

⁴⁹¹ Восточное обозрение. 1904. № 98 (25 апреля).

⁴⁹² Восточное обозрение. 1904. № 61 (12 марта), № 98 (25 апреля), № 179 (28 июля).

ченный бой под Дашичао, удар японцев приняли Барнаульский и Томский полки, офицеры восторженно говорили о солдатах, об их самоотверженности, стойкости и мужестве⁴⁹³, 17 июля был смотр Барнаульского и Томского полков командующим Маньчжурской армией А.Н. Куропаткиным, отличившихся в бою 11 июля солдат награждали Георгиевскими крестами⁴⁹⁴.

Боевой путь 8-го Томского пехотного полка, представленный на страницах «Сибирской жизни» по письмам офицеров, включал в себя героические эпизоды сражений, начиная с боевого крещения 11 июля, с 12 июля полк выдержал 15-часовой бой в районе Дашичао, «не уступив позиций, несмотря на превосходство японцев». С 16 августа принимал участие в Ляоянском бою, «в трудные ляоянские дни все честно исполнили свой долг, не отдав ни одного укрепления противнику и отступив в полном порядке по приказанию свыше». С 26 сентября по 5 октября полк участвовал в боях у Шахэ, самое ожесточенное сражение произошло 28 сентября: «в этот ужасный бой, в котором наши дорогие солдатики доказали, что умеют умирать героями, отстаивали вверенные им позиции до глубокой ночи, когда и отошли на главную позицию наших войск». «Излишне говорить о той выдающейся стойкости и высокой доблести, которые проявил Томский полк во всех делах с неприятелем: их засвидетельствовал сам главнокомандующий»⁴⁹⁵.

«Восточное обозрение» в тех же выражениях писало о действиях 5-го Иркутского полка в боях у Шахэ, где полку была поставлена задача занять и удерживать позицию на сопке Цуню. По словам офицера полка, штабс-капитана Соболевского, «Иркутский полк в трехдневном бою выполнил возложенную на него задачу с величайшим мужеством, терпя громадные потери, и не отступил с занятых позиций до получения приказа, не оставил ни одного убитого и раненого на поле сражения, спас четыре орудия, вывезя их из неприятельского огня на своих нижних чинах и офицерах». Офицеры и солдаты полка проявили стойкость и мужество. Так, командир

⁴⁹³ Сибирская жизнь. 1904. № 161 (27 июля).

⁴⁹⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 173 (11 августа).

⁴⁹⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 241 (4 ноября); 1905. № 25 (1 февраля).

2-го батальона подполковник Лихачев «сам стал у цепи своей роты лично руководить ее огнем и среди треска разрываемых шрапнелей и свиста пуль находил силы не только ободрять солдат, но и шутить с ними»; командир 1-го батальона подполковник Аксенов среди адского огня вел батальон в атаку на японцев; офицеры 1-го батальона «подавали пример беззаветной храбрости, чувство самосохранения совершенно отсутствовало»; 5-я рота выполнила приказ, несмотря на смерть всех офицеров и потерю половины нижних чинов; 29 и 30 сентября полк двое суток сдерживал японцев, отбил 5 атак и отступил только по приказанию, хотя люди двое суток провели в непрерывном бою, без сна и еды, при этом раненых приходилось силой уводить на перевязочные пункты, больше 70 раненых осталось в строю. При отступлении 30 сентября полк спас артиллерийскую батарею. За 28–30 сентября потери составили 12 офицеров и 630 нижних чинов⁴⁹⁶.

Характерно, что даже «Восточное обозрение», которое весьма критично относилось к войне, приводило на своих страницах массу примеров героизма русских войск и флота, уделяя особое внимание Иркутскому полку. Воинам-сибирякам и дальневосточникам несомненно было присуще чувство долга и воинской чести: воины, отправлявшиеся на фронт, считали себя обязанными храбро и стойко сражаться и вернуться с победой. Лучшее всего об этом свидетельствует факт награждения всех полков 4-го Сибирского армейского корпуса и двух полков Забайкальского казачьего войска Георгиевскими знаменами с надписью «За отличие в войне с Японией 1904 и 1905 годов». Знаки отличия на головные уборы «За поход в Корею в 1904 и 1905 гг.» получил 1-й Нерчинский казачий полк; «За отличие в войне с Японией 1904 и 1905 годов» – 1-я, 2-я и 4-я Забайкальские конные батареи, 2-й Верхнеудинский, 2-й Читинский, 1-й и 2-й Аргунский казачьи полки; 5328 нижних чинов стали кавалерами знака отличия военного ордена, 15 – полными георгиевскими кавалерами, в Сибирском казачьем войске полными георгиевскими кавалерами стали 8 человек, в Забайкальском – 25. Командующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин отмечал в

⁴⁹⁶ Восточное обозрение. 1904. № 259 (30 октября).

своем дневнике, что сибирские войска проявляли себя лучше, чем прибывшие из Европейской России⁴⁹⁷.

Даже с ростом негативного отношения к войне как таковой общество всё равно ожидало от войск героизма; никаких сомнений в том, что воины могут «дрогнуть перед врагом» или побежать, не было. И в воспоминаниях современников, и в материалах прессы периода Русско-японской войны отчетливо прослеживается некий «двойной стандарт»: да, война непопулярная, непонятная, ненужная, но наши войска должны быть на высоте, демонстрируя стойкость, отвагу, доблесть и прочее. При этом гражданское население могло проявлять какие угодно настроения – и панические, и героические. Подтверждение этому – циркулировавшие во время войны слухи. Так, в деревне Спасской Ояшинской волости Томского уезда весной 1904 г. ходил самозванец, выдающий себя за посланного томским воинским начальником и объявлял о мобилизации ратников ополчения, при этом рассказывая, что Порт-Артур уже пал, убито 160 тыс. человек. Но самозванец «не преследовал корыстной цели, так как ни с кого не просил денег и вообще ничего»⁴⁹⁸.

Среди жителей Якутии, напротив, ходила масса «победных» фантастических рассказов, в том числе о том, что «мы» захватили в плен главного японского генерала, а японский царь прячется во дворце, и дело осталось только за тем, чтобы захватить и его. С особым удовольствием якутяне предвкушали, что когда война закончится, Япония будет превращена в место ссылки, и Якутия, таким образом, будет избавлена от опасного и доставляющего много хлопот «балласта»⁴⁹⁹.

В село Пайвинское Кривошековской волости Томского уезда летом 1904 г. один из односельчан «завез» услышанное на новониколаевском базаре известие, что Порт-Артур пал. По свидетельству газеты, «это известие так взволновало наше население, что кре-

⁴⁹⁷ Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 14.

⁴⁹⁸ Сибирская жизнь. 1904. № 49 (3 марта).

⁴⁹⁹ Сибирская жизнь. 1904. № 112 (28 мая).

стьяне целый день не могли успокоиться и, собираясь кучками, горячо и со всех сторон обсуждали это событие». Среди крестьян села нашлось три добровольца, которые немедленно отправились в Томск записываться в ряды армии. Однако в Томске их не приняли, посоветовав обратиться в соответствующий орган в Омске, а поскольку денег добраться до Омска у добровольцев не было, они вынуждены были вернуться обратно в село⁵⁰⁰.

Случалось, что в какой-нибудь деревне всё мужское население, напуганное очередным слухом, что японцы захватили уже пол-Сибири, вооружалось кто чем мог и шло на ближайший тракт встречать врага. Так, например, в Баргузинском уезде представление о коварности японцев преломилось в виде диких слухов об «обходах» и «нападениях». Приезд в округу охотников-якутов был принят за японское наступление, «среди всего населения произошел большой переполох, почти паника; по всем избам, захлебываясь, передавали новость о появлении японцев, и слух рос как снежный ком. Кто вооружился, а кто бросился наутек в леса дремучие, “животы свои спасая”. Дня через 2-3 обнаружилась истина и население успокоилось»⁵⁰¹.

Особое значение придавалось солдатским письмам, им верили безоговорочно больше, чем газетам. Возможность «замирения» или, напротив, продолжения военных действий выводили из скудных строчек солдат: «наши ихние корабли потопили и брата, значит, ихняго царя в плен забрали. Наш Куропаткин ему 25 рублей пожертвовал и велел письма на родину писать. Да и припасу денежного нехватка пришла – вот японский синод и просит замирения. Письмо в Донову пришло – от Степана, от Дуденцова-то, так и пишет жене: “беличьих шуб на осень заготовляй и всякую там приправу”, – для леса, значит. Беспременно к осени замирения ждуть»⁵⁰².

Тем не менее летом 1904 г. отношение к войне сибирского и дальневосточного общества стало приобретать всё более негативный оттенок. Этому способствовало как нарастание внутренних

⁵⁰⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 149 (11 июля).

⁵⁰¹ Восточное обозрение. 1904. № 89 (15 апреля).

⁵⁰² Восточное обозрение. 1904. № 203 (26 августа).

проблем (рост цен, продовольственные кризисы, проблемы обеспечения семей запасных нижних чинов и т. п.), так и постепенное изменение образа войны на страницах прессы (как местной, так центральной). До этого в СМИ доказывалась необходимость и неизбежность войны, а сама война изображалась исключительно как «маленькая и победоносная» («наши войска неизменно побеждают, а если где-то происходят отступления, то они проводятся в соответствии с генеральными планами главнокомандующего»; «А.Н. Куропаткин – гениальный полководец»; «войска бодры, здоровы, снабжены всем необходимым, рвутся в бой»; «нас ждет неизбежная победа» и т. д.). Но с июля 1904 г. в газетах стали публиковаться очерки Вас.И. Немировича-Данченко. Ярко и талантливо написанные, они показывали войну совсем с другой, непарадной стороны. Предназначенные для «Русского слова», очерки затем «расходились» по другим газетам. Впрочем, они существовали как бы в «двойном» варианте: «Телеграммы Вас.И. Немировича-Данченко» появлялись на страницах печати с запозданием всего в несколько дней от описываемых событий и в основном отличались спокойным, уверенным тоном (без каких-либо сомнений в будущем исходе войны), это описание либо действий конкретных частей (часто героических), либо армии в периоды затишья, при этом автор отмечал ее хорошее состояние, высокий боевой дух, любовь к командирам и т. д.

Заметки же «Из дневника Вас.И. Немировича-Данченко» резко контрастировали и с «телеграммами», и с привычным для прессы «оптимистичным» подходом. Первые из них – о Вафангоу – появились в «Сибирской жизни» в конце июля–августе 1904 г., в газете «Дальний Восток» – в конце августа–сентябре 1904 г. В них, с одной стороны, автор описывал «ставший обычным» героизм: раненые командир 2-го полка Озерский и офицер Котужинский отказались уйти из боя, заявив, что «жили и умрем со своими»; офицер Гриневский не хотел уходить с 4-й батареи, «как ни приказывали»; у Генгросса солдаты работали на славу, говоря: «Шабаш, сегодня мы вас побьем!» и т. д. Но вместе с тем бой у Вафангоу характеризовался автором как «злополучная бойня». Вас.И. Немирович-Данченко описывал уничтожение 4-й батареи, поставленной на холме, на голом и ничем не прикрытом месте («может ли быть что-нибудь

ужаснее, когда целая часть умирает на ваших глазах, и вы видите это, но ничего, решительно ничего сделать для нее не можете»⁵⁰³; и непосильную тяжесть амуниции («в ранце пуд 32 фунта да своих манаток фунтов 15 наберется – сочтите, как с таким грузом птицей лететь?»); и неразбериху, когда даже у полковых командиров нет диспозиции, а части не знают, что делать; и чувства после боя («лучше лечь на мокрые камни лощины и остаться там с собакой, воющей над тобою, чем пережить такое “сегодня”, как это!»)⁵⁰⁴. Здесь же и строки о голоде, который переживает армия. Автор видит пустые станционные лавки, торгующие с надбавкой 300...500 %, жуткую давку в редких станционных буфетах («мне вчера все-таки удалось перекусить, не то китайскую собаку, не то крысу ел в бобовом масле»); офицеров, заставших в лавке только «жуткие консервы из ананасов и испорченное пиво» («после колебаний всё же берут и едят, одновременно с отчаяньем и жесточением, зубами скрипит, а ест»⁵⁰⁵).

В тех же красках описывалось отступление после боя под Дашичао: убийственная жара, жажда, голод, в Инкоу сжигают интендантские запасы, а мимо идут голодные солдаты, которые не могли получить хлеб из-за несоблюдения некоторых формальностей: «Ах, как устали эти солдаты! Сердце сжимается болью, хочется плакать, глядя на вчерашних героев... Ужаснее всего запасным, они прямо от хозяйства, от сохи, уже пожилые, рубаха, штаны рваные, сапог часто нет, не идут – качаются из стороны в сторону. Обозы идут на север, кони, измученные, выволакиваются наизнанку, пытаясь выдернуть из леса двуколку или повозку, хуже всего эти повозки – мука, обуза... Я видел одного начальника Вагенбурга, который от бешенства, злости на эти несуразные и глупые для Маньчжурии деревянные корыта разрыдался»⁵⁰⁶.

⁵⁰³ Дальний Восток. 1904. № 191 (28 августа); Сибирская жизнь. 1904. № 167 (3 августа).

⁵⁰⁴ Дальний Восток. 1904. № 194 (1 сентября); Сибирская жизнь. 1904. № 170 (6 августа).

⁵⁰⁵ Там же.

⁵⁰⁶ Дальний Восток. 1904. № 216 (29 сентября); Сибирская жизнь. 1904. № 191 (2 сентября).

Измученные люди, измученные животные, усталые солдаты, не дойдя, валяться в тень под деревья. Масса отставших, давно уже потерявших свою часть. У колодцев – живые муравейники из конных и пеших. И так повторяется из раза в раз: Гайджоу, Дашичао, Хайчен... А хуже всего – голод. «Вы видели, как из грязных, вонючих луж с головастиками и прочей нечистью пьют воду? Приезжайте сюда и посмотрите. Как с отсырелого хлеба зеленую плесень сотрут, да так, чтобы ни кусочка не тронуть, и едят с аппетитом. Как пожирают мясо, покрывшееся серым налетом – да еще Бога благодарят за это. Есть консервы – жестянки распухли, выпуклыми стали. Проткнешь – оттуда зловонный газ. Дадут ему выйти и едят, еще похваливают»⁵⁰⁷.

Вместо пасторальных картин «Отряд [такой-то] на биваке» следующие строки: «Не угодно ли на целую холодную ночь, под ливнем, лечь в грязь и спать или делать вид, что спишь?»⁵⁰⁸ Вместо бодрых реляций об отличном снабжении войск слова об оборванных солдатах и офицерах, многие из которых босые: «всё это, до последней степени проголодавшееся, бросается к буфету, и здесь котлеты из мух и суп из них же уничтожается с быстротой невероятной»⁵⁰⁹. Вместо торжественных картин боя полное яда и горечи «проклятая, отвратительная бойня, кому ты нужна, какие приобретения могут оправдать такую муку?!»⁵¹⁰

Шаг за шагом Вас.И. Немирович-Данченко заставлял своего читателя услышать жуткий, нечеловеческий крик раненого в голову солдата; увидеть позицию, заваленную после боя трупами так, что некуда ступить; встретиться с душевнобольным – это еще один «результат» войны... И совсем по-другому Вас.И. Немирович-Данченко описывал «блестящие» отступления: «Как кошмар я вспоминаю наше отступление к Мукдену. В стратегическом отношении – это нечто бессмертное, изумительное. После такого боя вывести армию целою – и, не растрепав ее, перебросить за 70 верст назад такую,

⁵⁰⁷ Дальний Восток. 1904. № 222 (7 октября).

⁵⁰⁸ Сибирская жизнь. 1904. № 219 (8 октября)

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Сибирская жизнь. 1904. № 273 (14 декабря).

чтобы она сейчас же могла принять новый бой, – это великая заслуга! Но мы бы предпочли, чтобы так же бессмертно и изумительно было наше наступление, и нам не приходилось бы отдавать врагу еще одной новой провинции с ее средствами, с верившим в нас и на нас работавшим населением... А река, за которую было пролито столько крови? А эта сопка девяносто девятая, где было столько пережито и торжества и горя, а позиции – ведь около них и на них мы уже праздновали нашу победу, ведь кто-то уже выставил было здесь весть о бегстве японцев и уничтожении армии Куроки, и голодные, усталые, измученные сидением в мокрых окопах солдаты восторженным “ура” встретили ее...”⁵¹¹

Чтобы дополнить картину, отметим, что «Восточное обозрение» предлагало своим читателям статьи собственного корреспондента газеты Н.А. Немировича-Данченко (племянника Вас.И. Немировича-Данченко). Их общее содержание было созвучно «Дневнику...», то же ожесточение боев, кошмар отступлений, скудный солдатский быт, тоска, боль: «Что-то мерзкое, противное овладело нами... мы шли сначала с бранью и проклятиями, потом шли молча»; «войска как милости ждут приказания “не отступать”, потому что все измучены этими отступлениями под палящими лучами южного солнца и под градом выстрелов японской артиллерии»; «мы обратились в животных, которых бьют на выбор и которым не остается ничего, как только убежать и прятаться»⁵¹².

Пресса, с одной стороны, занималась формированием общественного мнения, а с другой стороны, служила для него своеобразным зеркалом. Настроения осени 1904 г. по всей Сибири и Дальнему Востоку можно передать уже как тоскливо-ожидательные. Редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов рисовал следующие картины из сибирского железнодорожного экспресса (сентябрь 1904 г.): все пассажиры (и гражданские, и военные) сходились на том, что войну желательно скорее кончить, «задора, который приходилось слышать в начале войны, и помину не было. Все смот-

⁵¹¹ Дальний Восток. 1905. № 17 (22 января); Сибирская жизнь. 1904. № 275 (16 декабря).

⁵¹² Восточное обозрение. 1904. № 160 (7 июля), № 167 (15 июля), № 193 (14 августа).

рят на вещи трезвенно, без всяких несбыточных надежд». На станциях вывешены газеты и телеграммы, которые собирают толпы читателей, «те отрывочные замечания, какие нам довелось подслушать, говорят, что простой народ трезво смотрит на события на Дальнем Востоке и далек от тех заключений, которые характеризуют наших квазипатриотов⁵¹³.

Можно пренебречь в этой оценке позицией «Восточного обозрения», которое с самого начала войны относилось к ней сугубо критически, однако «Сибирская жизнь» в № 204 от 19 сентября демонстрирует тот же настрой. В редакционной статье на тему дня газета писала, что сейчас все мысли людей обращены к войне, среди обыденной жизни – во время выступления ученого, за работой, в театре – в сознании всё время всплывают картины боя, страданий; перед внутренним взором оказываются то раненый, то убитый, то ужасы атак и осад. Всё это очень тяжело переживать, сердце жаждет мира. Конечно, нельзя допустить унижения России, мира во что бы то ни стало, но скорее бы война окончилась!⁵¹⁴

В октябре–ноябре пресса активно писала о боях на Шахэ. Практически каждая из заметок живописала крайнюю ожесточенность боев и потрясающий героизм русских войск («дни Плевны бледнеют перед этими сражениями», «вспоминаются бородинские редуты» и т. д.). Однако общее ощущение, которое остается после прочтения всех описаний: Шахэ – это гигантская мясорубка, стоившая и нам, и японцам массы потерь и не приведшая в итоге ни к чему; умывшись кровью, войска остались на тех же позициях. Тогда же появились и тревожные ноты в отношении Порт-Артура; многократные, на протяжении девяти месяцев заверения, что крепость великолепно укреплена, снабжена продовольствием и боеприпасами, дух гарнизона выше всяких похвал, – сменилось сначала осторожным «положение Порт-Артура серьезно, но не безнадежно», затем – информацией о том, что гарнизон очень вымотан непрерывными штурмами и бомбардировками, на позициях сражаются раненые, убитые лежат грудями по полтора метра высотой, и их далеко не сразу убирают, а

⁵¹³ Восточное обозрение. 1904. № 223 (18 сентября).

⁵¹⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 204 (19 сентября).

сам город сильно разрушен. В начале декабря к этому добавилась информация о взятии японцами 23 ноября горы Высокой, что позволило им бомбардировать крепость и гавань 11-дюймовыми снарядами. В прессе писали о крайней жесточенности штурмов 15–23 ноября, «в траншеях текли ручьи крови» и о несомненном ухудшении положения крепости. Возникли вопросы по поводу 2-й Тихоокеанской эскадры (сможет ли она повлиять на исход войны).

Региональная пресса Сибири и Дальнего Востока осенью–зимой 1904 г. всё чаще отмечала «всеобщее уныние» населения по поводу «нескончаемой» войны с Японией, «все ждут с нетерпением окончания войны и возвращения воинов». Так, «Восточное обозрение» в октябрьской корреспонденции из Селенгинского уезда отмечало, что «в поселках только и разговоров теперь о том, как зиму перебиться. И невеселы эти разговоры: замиренье, которого страстно желал народ и надежда на которое связывалась с рождением Наследника Цесаревича, не состоялось и навряд ли состоится, что уже теперь стало совершенно ясным, так как семьям казаков приказано снабдить своих воинов зимней одеждой»⁵¹⁵. В той же заметке сообщалось и о тяжелом положении казачьих станиц. Например, в Янгажинской станице собранного хлеба на прокорм и посев не хватит, а пособие от казны или ссуду из войскового капитала станице давать отказались, поэтому казаков ждет голод.

«Сибирская жизнь» в начале декабря 1904 г. писала, что в деревнях с недоверием относятся к официальной информации о наших потерях и общем ходе боевых действий: «вестимо, не все показывают. Чего тут еще: всё отступаем и отступаем, значит, наша слаба сила, не берет японцев. А коли не берет, его верх, а наши потери». В этой же заметке сообщалось, что солдатские письма ходят из дома в дом, «их страшно любят лучше всякой газеты и безусловно верят каждому слову»⁵¹⁶.

К концу декабря в местных газетах отмечалось фаталистическое, уже почти полностью равнодушное отношение к войне: «война, вызвавшая сначала громадную скорбь и внимание, по отдален-

⁵¹⁵ Восточное обозрение. 1904. № 251 (21 октября).

⁵¹⁶ Сибирская жизнь. 1904. № 266 (4 декабря).

ности и неясности утратила свою необычайность и, как далекая, грозная туча с едва слышным громом, уже не вызывает ни надежд, ни страха...»⁵¹⁷ Газетные сообщения из городов Сибири полны невеселых чувств: «Война положительно измучила. Подумать страшно: что будет дальше?»

Падение Порт-Артура вызвало в обществе настоящий шок. Даже те, кто ожидали сдачи крепости, испытали удар. Реакция прессы на падение Порт-Артура демонстрирует уже всю гамму чувств – от пафоса до горечи и полной растерянности. Подборка, которую предоставила своим читателям «Сибирская жизнь», в этом смысле весьма показательна. «Русь», описав трагические дни обороны («льется последняя драгоценная кровь, нечем стрелять, нечего есть, остаток эскадры взорван на воздух»), тем не менее призывала не поддаваться малодушному унынию: «одно нам нужно ныне – единство мысли и дела!» «Русские ведомости» писали, что общество должно почтить павших героев, а тех, кто остался в живых, и семьи погибших обеспечить в знак памяти и уважения к их подвигам. «Новости» осмелились задать риторический вопрос: «Трагический исход обороны крепости давно предвиделся многими и давно напрашивался вопрос, надо ли допускать дальнейшее истребление горсти людей, отрезанных от всего мира и поставленных судьбой под выстрелы неприятеля, пользующегося над ними всеми преимуществами... Но кто посмел громко задаться такими вопросами в то время, когда не хотелось не только признать неизбежность падения нашей незыблемой твердыни на Дальнем Востоке, но даже думать о возможности такого печального исхода, когда большинству компетентных людей казалась еще возможной посылка на выручку Порт-Артуру не только 2-й эскадры, но даже 3-й; когда вполне компетентными деятелями в морской сфере допускалась полная возможность продолжения обороны крепости до прибытия эскадры. Задаваться такими вопросами было бы страшно антипатриотической ересью. И вот теперь поневоле повторяем: “Боже, сколько излишне пролитой крови, сколько излишних жертв!”»⁵¹⁸

⁵¹⁷ Восточное обозрение. 1904. № 305 (23 декабря).

⁵¹⁸ Сибирская жизнь. 1905. № 3 (5 января).

Показательно, что практически аналогичную подборку предоставило своим читателям «Восточное обозрение», добавив к ней цитату из «Русских ведомостей» о том, что жертвы Порт-Артура «должны нас образумить, должны убедить нас всех, что не там, на чуждом нам далеком Востоке, должны мы видеть наши задачи, искать наше благосостояние, оспаривать нашу гибелью чуждые и ненужные нам земли»⁵¹⁹.

Известие о падении Порт-Артура стало последним печальным штрихом к настроениям сибиряков и дальневосточников в первый год войны: «Тяжелое впечатление произвела горькая весть о сдаче Порт-Артура. Народ так сжился с мыслью о непобедимости наших героев-портартурцев, что роковую телеграмму встретил полным недоверием. С потерей Порт-Артура все повесили голову» (корреспонденция из Минусинского уезда, «Сибирская жизнь»)⁵²⁰. В Нерчинском крае, из которого было взято много запасных в Порт-Артур, сложилось «общее мнение народа, что Порт-Артур взят и войне конец должен быть; не понимают, из-за чего продолжается война, и даже интерес к ней пропадает»⁵²¹.

Военный писатель В. Новицкий писал: «С падением Порт-Артура все почувствовали, что утрачен какой-то внутренний смысл нашей борьбы с Японией, и с этого дня, несмотря на то что в материальных условиях войны, решавшейся на главном театре, не произошло никаких существенных перемен, вся страна стала отворачиваться от этой войны как от какого-то скучного, всем надоевшего и безнадежного предприятия»⁵²².

В прессе после падения Порт-Артура стали активно обсуждать причины его падения, и по мере того, как вырисовывалась безрадостная картина (недостаток снарядов, лекарств, продовольствия; недостаточная укрепленность сухопутной линии обороны; антагонизм между морскими и сухопутными офицерами и т. д.), началась

⁵¹⁹ Восточное обозрение. 1905. № 7 (9 января).

⁵²⁰ Сибирская жизнь. 1905. № 16 (21 января).

⁵²¹ Восточное обозрение. 1905. № 13 (16 января).

⁵²² Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб., 2005. С. 258.

собственно целенаправленная критика дел в армии и на флоте. Некоторые центральные газеты стали уже открыто писать о проигрыше всей кампании (и называть причины этого), а региональная пресса подхватила эти настроения. Так, «Сибирская жизнь» приводила на своих страницах перепечатки из газет «Русь» и «Наши дни», в которых критиковались действия А.Н. Куропаткина, а в качестве причин проигрыша кампании были названы неподготовленность к войне, дезорганизация высшего командования военными силами на Дальнем Востоке, неправильная работа в глубоком тылу армии, неправильное стратегическое развертывание сил, растерянность во время войны и т. д.⁵²³

Сравним это с позицией «Восточного обозрения», которое писало в феврале 1905 г.: «Причины неудач лежат не в том, что русский народ изменился по мановению жезла к худшему; наши войска проявляют беззаветную храбрость, несокрушимую стойкость... причины неудач не в самом народе, а в тех условиях, в каких он жил, живет и сражается»⁵²⁴.

В материалах печати января-февраля 1905 г. поднималась тема дальнейшей судьбы 2-й Тихоокеанской эскадры. Региональная печать тут разошлась: если «Сибирская жизнь» и «Восточное обозрение» перепечатывали на своих страницах статьи Н.Л. Кладо, который оценивал состояние 2-й Тихоокеанской эскадры весьма критически и сомневался в успехе войны, то «Дальний Восток», напротив, разместил на своих страницах статью Панова «Уничтожение паче гордости», в которой автор доказывал, что эскадра З.П. Рожественского вполне способна противостоять японскому флоту, впрочем, значение флота как такового вовсе не так важно, поскольку успех войны решится в Маньчжурии: «Несравненно важнее своевременное участие даже сравнительно слабейших морских сил 2-й эскадры в качестве хотя бы только вспомогательного орудия морального воздействия на врага в минуту, когда ему уже подготовлено полное крушение в Маньчжурии, нежели сбережение подавляющего превосходства нашего флота к тому времени, когда он как самостоя-

⁵²³ Сибирская жизнь. 1905. № 15 (20 января).

⁵²⁴ Восточное обозрение. 1905. № 43 (22 февраля).

тельная сила способен будет решительным ударом по японскому флоту довершить сухопутное поражение Японии». О потерянном Порт-Артуре Панов высказался без всяких сантиментов: «Последний всегда был и останется в этом грандиозном столкновении двух наций лишь мелкой деталью и перейдет к нам опять как простое следствие разгрома японской армии на берегах Шахэ и при ее отступлении»⁵²⁵.

Однако гораздо громче со страниц региональной прессы зазвучали предостережения о том, что продолжение войны слишком тягостно. Необходимость войны стала всё больше ставиться под сомнение. Думаем, не случайно в январском номере «Дальнего Востока» появились строки из дневника Вас.И. Немировича-Данченко о том, что русскому солдату глубоко чужды цели этой войны, и он это выразил словами одного солдата: «Гнали нас по Сибири, гнали-гнали, смотрел я по сторонам – Господи Боже мой, сколько у нас еще пустыря этого самого... Подавишься землей. Будто бы могли мы и не зариться на чужое. Хотя бы Маньчжурию взять: какая в ней корысть, когда тут каждая ладошка вспахана да засеяна. Село на селе, хозяин на хозяине. Кто нас сюда звал, зачем мы здесь зандобились?» Сам автор отреагировал на это рассуждение так: «И это – не исключение, сколько я слышался подобных рассуждений с начала войны – не сочтешь... Я не говорю уже об офицерах. Те прямо недоумевают, что им тут делать»⁵²⁶. В «Сибирской жизни» также в январе было опубликовано похожее рассуждение (и тоже из дневника Вас.И. Немировича-Данченко): «У Бога правды много... В чужую землю пришли – со своей не справимся! Вот и помираем»⁵²⁷.

Весьма настойчивыми стали и требования внутренних реформ, подобных тем, что страна получила после неудачной войны 1853 г. (собственно, параллель между Крымской кампанией и Русско-японской войной проводилась и раньше, но с началом революции требования коренных реформ, сопоставимых по масштабу с осво-

⁵²⁵ Дальний Восток. 1905. № 7-9 (11-13 января).

⁵²⁶ Дальний Восток. 1905. № 12 (16 января).

⁵²⁷ Сибирская жизнь. 1905. № 11 (15 января).

бождением крестьян от крепостного права, стали всеобщими). Причем требования реформ звучали уже не только из уст интеллигенции, вопросами государственной жизни стали интересоваться даже в глухих деревнях.

Разгром русской армии под Мукденом только усилил эти настроения. «Дальний Восток» в марте 1904 г. в статье под очень показательным заголовком «Кто ответственен за неудачи настоящей войны?» привел мнение генерала М.И. Драгомирова на этот счет. Главную ответственность за неудачи войны генерал возложил на А.Н. Куропаткина как бывшего военного министра и в целом на чудовищную бюрократическую систему военного ведомства (у нас не оказалось ни горных пушек, ни скорострельных орудий, ни судов, готовых к плаванию; к войне готовились несколько лет, а Порт-Артур так и не укрепили, и т. д.). Заканчивалась статья словами генерала: «В свое время севастопольский урок нас не вразумил. Будем думать, что, наконец, вразумят все эти Порт-Артуры, Ляояны, Мукдены»⁵²⁸.

Тем не менее Владивостокская городская дума 6 марта 1905 г. постановила послать Н.П. Линевичу (по случаю его назначения на пост главнокомандующего Маньчжурской армией) следующую довольно оптимистичную телеграмму: «Как славные сибирские полки, воспитанные под непосредственным Вашим руководством, явились на арену нынешней великой национальной борьбы нескоружимым авангардом русской мощи, пропускавшим врага только по своим трупам, так пусть да будет залогом нового счастья для всей армии появление во главе ее нового вождя, победно вступившего с русскими знаменами в Пекин и грудями вражьих тел остановившего атаки неприятеля у Кандолисана и Гаутулина. Население Владивостока, имевшее честь многократно принимать у себя Ваше Высокпревосходительство, гордится, что славному деятелю Приамурской окраины выпало на долю быть доблестным руководителем в дальнейшей национальной войне за славу и достоинство России»⁵²⁹.

⁵²⁸ Дальний Восток. 1905. № 71 (30 марта).

⁵²⁹ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 83.

А.Н. Куропаткину также послали телеграмму, весьма сочувственную: «В тяжелых испытаниях, постигших Россию в настоящую годину, суровая судьба поставила Вас лицом к лицу со всеми ужасами страшно напряженной войны, на передовом и самом ответственном посту защиты славы и чести общей нашей родины. В то время как мирные зрители этой колоссальной борьбы, проникаясь после несбывшихся надежд жгучею болью неслыханных неудач русской армии, переживали эти тягостные минуты разочарования вдали от непосредственной боевой обстановки, в сутолке повседневной жизни и в ее шуме находили забвение, Вы неизменно изо дня в день, с рассвета до сумерек и в нескончаемые бессонные ночи продолжали оставаться под гнетом окружающих Вас страданий, под тяжестью возложенной на Вас моральной ответственности без права, как руководитель армии, проявить наружно, что камнем ложилось на Ваше сердце, кошмаром угнетало Вашу мысль. За общий грех государства Вам досталось отдать в жертву без остатка душу и тело, и вместо бодрого, сильного волею человека, каким еще недавно встречало Вас население Владивостока, Вы сходите теперь изнеможенным, может быть, не столько от непосильного для отдельной личности бремени возложенной на Вас задачи, сколько от побочных препятствий того тернистого пути, каким приходилось Вам идти к ее выполнению. Примите же, Алексей Николаевич, от нас, людей окраины, ближе других стоящих к тягостям обстановки и потому осязательнее их чувствующих, сердечный привет и искреннее слово участия за понесенные Вами труды по выполнению долга перед Государем и родиной. Пусть это напоминание послужит Вам нелицеприятным свидетельством, что за событиями, в которых вы не могли быть властны, русские люди не забыли и не забудут принесенной Вами великой личной жертвы»⁵³⁰.

«Восточное обозрение», приводя на своих страницах обзор газет, отмечало, что даже «Московские ведомости» признают, что на войне имеет больший успех всё то, что носит в себе признаки движения и жизни; либеральная же печать стоит за немедленное прекращение войны: «Довольно жертв. Напрасно далее упорствовать

⁵³⁰ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 83–84.

из-за иллюзий. Отказ от колониальной политики на Дальнем Востоке сам по себе не составил бы никакого унижения для России... пора обновить собственную жизнь русского народа, обеспечить ему человеческие условия быта»⁵³¹.

В самом «Восточном обозрении» кроме требований мира (война не нужна с самого начала, мир немедленно) печатались заметки, явно призванные найти эмоциональный отклик у читателя. Образы, созданные газетой, пронзительны и печальны: тут женщина молится над детской кроваткой о муже, ушедшем на войну, там поле боя, смертельно раненый человек в последней молитве – муж и отец; другая женщина, сошедшая с ума после известия о гибели мужа, на руках грудной ребенок; воин, нашедший свою смерть на полях Маньчжурии, он мог бы остаться в живых, но между присягой и долгом перед семьей выбрал присягу, «если бы ты знал, кто тебя кинул на поле чужой далекой страны!»; картины с бивака, солдаты предстают как живые, а между строк читается: скольким из них предстоит погибнуть!⁵³²

В целом «Восточное обозрение» оценивало Русско-японскую войну и особенно ее влияние на жизнь региона исключительно негативно. Сибирь переживает «беспримерно тяжелое время», большинство семей лишилось своих кормильцев вследствие мобилизации, сократилась площадь запашки, во многих местах хлеб не был убран. Ожидали солдат к весне, но их не будет. Приближается начало работ, но сил и средств для них нет, запасы же истощились. «Редко в какой семье поэтому не царит мрачное отчаянье за близкое будущее; у порога некогда зажиточных стоят тяжелые лишения, и слышится мертвящее дыхание беспощадного царя, имя которому голод»⁵³³. По мнению газеты, Сибири нужно готовиться к обязательной государственной помощи населению, к продовольственной кампании, но опыт прежних лет показывает, что местная администрация не сможет с этим справиться, поэтому необходима

⁵³¹ Восточное обозрение. 1905. № 60 (19 марта).

⁵³² Восточное обозрение. 1905. № 14 (18 января), № 66 (27 марта), № 69 (31 марта), № 70 (1 апреля), № 71 (2 апреля).

⁵³³ Восточное обозрение. 1905. № 80 (13 апреля).

организация населения на началах общественной самодеятельности, только это «в состоянии облегчить тяжесть переживаемого народного бедствия»⁵³⁴.

Некоторую надежду, впрочем, официальная и либеральная пресса продолжала возлагать на Балтийскую эскадру. Довольно большой общественный резонанс имели статьи Н.Л. Кладо, широко публиковавшиеся в прессе. С одной стороны, Н.Л. Кладо вскрывал недостатки флота, слабость 2-й Тихоокеанской эскадры (за что даже подвергался дисциплинарным взысканиям со стороны морского ведомства), с другой – выступал горячим сторонником отправки 2-й и 3-й эскадр и считал, что «еще возможна деятельная и активная работа» по созданию и отправке на Дальний Восток мощного флота, сравнимого с японским.

По мнению военного журналиста В.А. Апушкина, русское общество возложило на эскадру З.П. Рожественского все свои упования: «Обольщенное газетной шумихой, поднятой некоторыми воинственными публицистами, не посвященное в порядки, царившие под шпилем нашего адмиралтейства, оно верило в эту армаду, полагая, что эта “последняя ставка” в нашей столь затянувшейся и злополучной войне с Японией хорошо рассчитана и достаточно сильна»⁵³⁵.

Весь апрель и половину мая пресса продолжала подсчитывать шансы японского и нашего флота на успех, апеллируя в том числе к иностранной печати (английские и немецкие газеты были на стороне Того, французские – на стороне З.П. Рожественского). Цусимское сражение развеяло последние иллюзии. Оценки прессы были на сей раз единодушны: это катастрофа, русского флота больше нет. Раскрывая масштабы поражения, пресса тут же поднимала и вопрос о его причинах, причем явлениями «частного порядка» дело уже не ограничивалось, виновником был назван самодержавный строй. Например, «Новости» со слов полковника Гедке утверждали:

⁵³⁴ Восточное обозрение. 1905. № 80 (13 апреля).

⁵³⁵ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. // Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб., 2005. С. 297.

«Не воздержанность в вине и любви, а гражданский и военный русский режим потерпели поражение на полях Маньчжурии»⁵³⁶.

Не ограничиваясь выдержками из центральных газет, «Сибирская жизнь» поместила специальную статью о поражениях Русско-японской войны, принадлежащую перу А. Мартынова. Он писал: «В настоящее время, после кровавых неудач наших под Ляояном, Порт-Артуром, Мукденом, после разыгравшейся на днях возле берегов о. Цусима ошеломляющей драмы, невольно у всех и каждого неудержимо встает вопрос о причинах этих сплошных поражений... В большинстве случаев указывают на неспособность, неподготовленность к делу лиц, на коих возложена была ответственная задача силой оружия охранять на полях Дальнего Востока достоинство русского государства, говорят, что Русско-японская война дала яркие, небывалые в истории прежних наших войн примеры профессиональной неосведомленности всех тех начальствующих лиц, от высших до низших, совокупность коих составляет офицерский корпус армии». Соглашаясь с оценкой о «небывалых примерах профессиональной неосведомленности», автор тем не менее указывал, что Русско-японская война не является единственной в своем роде – то же самое наблюдалось в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. За 27 лет ничего не изменилось, система осталась прежней и привела всё к тому же закономерному краху⁵³⁷.

Н.А. Немирович-Данченко на страницах «Восточного обозрения» приводил следующие причины нашего поражения: неготовность к войне, неразвитость солдат, развращенность армии произволом, протекционизмом и карьеризмом; «об успехе, требующем солидарности десятков полковников и генералов, мы можем только мечтать»⁵³⁸. Ту же характеристику мы можем встретить в «Пестрых письмах» офицера Маньчжурской армии: бич армии – бюрократия, канцелярщина, карьеризм, протекционизм; солдаты не развиты, забиты, в них убито национальное самосознание, гордость, патриотизм⁵³⁹.

⁵³⁶ Сибирская жизнь. 1905. № 105 (20 мая).

⁵³⁷ Сибирская жизнь. 1905. № 121 (11 июня).

⁵³⁸ Восточное обозрение. 1905. № 119 (3 июня).

⁵³⁹ Восточное обозрение. 1905. № 145 (6 июля).

Катастрофы Мукдена и Цусимы отозвались не только шквалом критики на страницах газет, но и повальной паникой, особенно на дальневосточной окраине. Так, в апрельской корреспонденции «Сибирской жизни» из Сахалина сообщалось, что жители спешно уезжают в Николаевск, уже уехало около 1000 человек поселенцев и крестьян из ссыльных: «Мы остаемся отрезанными, в ожидании японцев и в полной неизвестности относительно будущности. Вести с театра войны и из России очень печальны. У нас в виду кроме грусти тоже ничего. Японцы, по слухам, запродают или уже запродали Сахалин американцам – значит, надо их ждать сюда»⁵⁴⁰.

«Владивостокский листок» писал в мае, что «обыватели Хабаровска сильно волнуются в ожидании голода и японцев. С первыми пароходными рейсами по Амуру уезжает значительная доля хабаровского населения»⁵⁴¹. Паника, по сообщениям газет, охватила также Благовещенск и Владивосток, последнему так и вовсе прочили судьбу второго Порт-Артура.

В сибирской глубинке настроения также были весьма печальными, по сообщениям газет: «Деревенские обитатели все ждут “замирения”. Большие надежды возлагали на нашу эскадру, но, узнав о поражении ее 14 мая, страшно приуныли. Более трусливые высказывают опасения, как бы японец не пожаловал и в наши края. Начинают возвращаться с войны раненые серые герои Путиловской сопки, Ляояна и Мукденских боев, с 2-3 ранами. Есть и калеки, и инвалиды. Рассказы их полны грусти» (корреспонденция из Минусинского уезда, «Сибирская жизнь»)⁵⁴².

Само продолжение войны региональная пресса оценивала как смертельно опасное для региона. Например, «Сибирская жизнь» в мае 1905 г. дала положению дел в Сибири и на Дальнем Востоке следующую ужасающую характеристику: «На Сахалине голод. В Охотске не хватило рыбных запасов до весны, и население стало питаться собаками. Были случаи голодной смерти. Муки совсем нет. То же по всей Камчатке, которая брошена на произвол судьбы.

⁵⁴⁰ Сибирская жизнь. 1905. № 81 (12 апреля).

⁵⁴¹ Цит. по: Сибирская жизнь. 1905. № 106 (21 мая).

⁵⁴² Сибирская жизнь. 1905. № 119 (9 июня).

В Благовещенске нет самых необходимых лекарств. В Амурской области – полная безработица и всюду бродит нищета. Многие казачьи станицы почти опустели. Среди ороchon, живущих по побережью татарского пролива, голод уже давно. Это из местных газет. В действительности же положение края еще печальнее, и если война продолжится еще несколько месяцев, то настанет всеобщий голод во всей окраине. Краю грозит полное разорение, выйти из которого возможно будет только при многомиллионных затратах государства»⁵⁴³.

Были солидарны с данными оценками и местные органы власти. Так, Благовещенская городская дума на заседании 27 мая 1905 г. рассмотрела доклад городской управы, в котором Русско-японской войне давалась следующая оценка: «Вызванная авантюрой правящих классов война с Японией, непонятная и ненавистная русскому народу, начатая помимо и вопреки его желанию, отнявшая сотни тысяч дорогих для отечества жизней, легшая тяжким бременем на скудный достаток обнищавшей и без того народной массы, раскрыла вместе с тем такие глубокие язвы в нашем государственном организме, перед которыми бледнеют все ее ужасы»⁵⁴⁴. В докладе вина за войну возлагалась на бюрократию (стала между народом и государем, заменила закон своим произволом, разобщила население ограничениями по сословиям, вероисповеданиям и национальностям, тормозила народное образование, подстрекает темные силы для уничтожения интеллигенции, затягивает решение всех вопросов в комиссиях и т. д.). «Между тем терпению народа бывает конец. Жить при настоящем напряженном состоянии больше невозможно. Струны вот-вот порвутся... Теперь уже всякому мыслящему человеку понятны причины наших неудач в войне с Японией. Они коренятся в объясненном выше общем нестроении государства, в отсутствии политических прав, гласного заступничества перед Престолом за народные интересы в лице свободно избранных представителей из народа, в отсутствии других прерогатив, составляющих неотъемлемую принадлежность свободной

⁵⁴³ Сибирская жизнь, 1905. № 109 (26 мая).

⁵⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 122 об.

личности в свободном государстве. С получением этих прав проснется забитое бюрократией чувство собственного достоинства у страны. Народ не допустит унижительного для самолюбия страны мира и в случае необходимости найдет для ведения войны средства, которых российской бюрократии больше не дадут ни на Западе, ни у себя дома»⁵⁴⁵.

Далее городская управа Благовещенска предложила Думе принять адрес на имя Николая II о созыве народных представителей: «Мы, жители Приамурья, испытывая на себе особую тяжесть войны и внутреннего нестроения государства, просим Вас, Государь, отдать повеление о немедленном созыве народных представителей; эта мера возможна или легко исполнима при готовых уже организациях земских и городских общественных управлений, а там, где их нет, представители от мест и областей могут быть на первое время в потребном количестве указаны Вашим В-вом. Мы, как и весь русский народ, убеждены в том, что только при немедленном созыве народных представителей умолкнет вековая внутренняя распря и к благополучному концу будет приведена война с Японией»⁵⁴⁶.

На заседании 30 мая 1905 г. Благовещенской городской думой было решено послать в Совет министров следующую резолюцию: «Несчастливая война с Японией, начатая помимо и вопреки желания народа, крайне разорительная и кровопролитная, особо тяжело отразившаяся на благосостоянии населения Амурского края, настойчиво вызывает первейшую заботу Думы о благе мира, а поэтому Дума, считая себя нравственно обязанной перед населением города, находит необходимым выразить желание об окончании войны с Японией. Для устроения и умиротворения государства, а также для решения вопроса о войне с Японией необходимо безотлагательно созвать народное собрание на началах свободных выборов свободными людьми при общей, прямой, тайной и для всех равной подаче голосов, без различия религии, социального положения и национальности, причем предварительно необходима полная свобода

⁵⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 123 об. - 124.

⁵⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 125.

слова, печати, собраний и неприкосновенность личности и жилищ. Считая Амурскую область краем обширным, богатым и надежным фондом для будущей колонизации, Дума полагает необходимым предоставить всему без исключения населению области право избрания представителей в предстоящее народное учредительное собрание как для выяснения нужд общегосударственного характера, так и в особенности нужд местных ввиду отдаленности ее и незнакомства с нею органов центрального управления»⁵⁴⁷.

Представленные выше адреса весьма характерны. Здесь мы видим, с одной стороны, оценку Русско-японской войны как ненужной, ненавистной и возложение вины как за саму войну, так и за поражение на существующий строй; с другой стороны, возможное благополучное завершение войны возлагалось на политические изменения, а именно созыв Учредительного собрания (Государственной думы) с широким народным представительством.

Тем не менее война продолжалась, и продолжалось ухудшаться положение дел в регионе (см. главу 1), что нашло свое отражение в местных СМИ. «Никольск-Уссурийский листок» в июне 1905 г. писал, что влияние войны на положение «иностранцев» совершенно ужасно, многие из них уже погибли, но если война продолжится, то дальше «можно смело быть уверенным, что значительная часть инородческого населения вымрет»⁵⁴⁸. «Амурская газета» указывала на безвыходное положение области. Из-за войны доставка морем прекратилась, железная дорога почти закрыта для частных грузов, Маньчжурия и Забайкалье отдают всё армии. Запасы исчерпаны, еще 3-4 месяца – и область останется без всего необходимого⁵⁴⁹.

Тем не менее вопрос «мир или война» в общественном мнении Сибири и Дальнего Востока решался неоднозначно. Часть общества была за немедленное заключение мира, часть – за войну до победы. Региональная пресса, естественно, также не осталась в стороне. Причем издания, как правило, выражали свою позицию четко и недвусмысленно. В редакционной статье «Сибирской жизни»

⁵⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 31. Л. 127–127 об.

⁵⁴⁸ Цит. по: Сибирская жизнь. 1905. № 119 (9 июня).

⁵⁴⁹ Цит. по: Сибирская жизнь. 1905. № 126 (17 июня).

№ 117 от 5 июня 1905 г. читаем: «Мир – вот лозунг, который объединил в наши дни самые различные фракции, за исключением воинственных патриотов Страстного бульвара. Им – этим патриотам – нужна война и диктатура, диктатура больше войны. Бараний рог и ежовые рукавицы – это целая программа угнетения и порабощения, и она рекомендуется как единственное средство одолеть мужественного врага». Развивая далее свой тезис, газета писала, что «монополистам патриотизма» война была нужна, чтобы расправиться с интеллигенцией. Несомненно, мир подпишут («довольно полутора лет ужаса и неслыханных потерь»). Но что ждет Россию дальше? Будут ли проведены столь необходимые ей реформы? Получит ли она свободное развитие?⁵⁵⁰

Оценивая шансы на дальнейшее продолжение войны, «Сибирская жизнь» явно не торопилась верить оптимистичным заявлениям генерала Н.П. Линевиича о «блистательном положении нашей армии» и возможности нового русского наступления. Столь же однозначна была и позиция «Восточного обозрения»: необходимо немедленно заключить мир и заняться работой по переустройству «так ярко доказавшего свою негодность старого порядка»⁵⁵¹.

На Дальнем Востоке, как ни странно, звучало мнение за продолжение войны. Так, Хабаровская городская дума 12 июля 1905 г. приняла постановление послать Николаю II адрес следующего содержания: «Великий Государь! Всем сердцем страдая от тягостных испытаний, которые переживает Россия в виде ужасной внешней войны и жестокой внутренней неурядицы, болея всею душою о престиже великой России, который может быть поколеблен поспешным заключением мира, мы, жители Приамурья, дерзаем поднять и свой голос до высоты твоего престола и просить тебя, государь, не полагать оружия, пока не будет сломлено упорство врага. Мы убеждены, что враг этот напрягает уже последние силы, тратит последние свои и заемные средства, между тем как силы России еще далеко не исчерпаны. Войска твои, как нам известно, жаждут победы и готовы к ней, мы, твои верноподданные жители

⁵⁵⁰ Сибирская жизнь. 1905. № 117 (5 июня).

⁵⁵¹ Восточное обозрение. 1905. № 115 (29 мая).

Хабаровска, несмотря на близкую к нам опасность и переживаемые нами тяжкие лишения, готовы претерпевать их до конца, готовы отдать наше имущество и самую жизнь для блага родины. Не допускаем мысли, что Русское Царство признает себя побежденным и согласится на территориальные уступки и на уплату контрибуции. Ни пяди русской земли, ни рубля контрибуции – вот единственно возможные основания для начала переговоров о мире. Государь, с высоты престола твоего ты давно уже сказал, что русский Дальний Восток должен служить оплотом против волны желтой расы. Обширное Приамурье с его обильными и разнообразными богатствами несомненно может быть этим оплотом и будет им. Отныне ему суждено быть ареной борьбы и соперничества между Востоком и Западом, между азиатско-языческой и европейско-христианской культурой, хранителем и носителем которой до сих пор была по преимуществу великая славянская Россия. Обширен и своеобразен этот край, и нужды его не одинаковы с нуждами всей остальной части твоего Царства. Поэтому дерзаем надеяться и верноподданнычески просить Тебя, Великий Государь, чтобы при созыве избранников народа и наша далекая окраина не была забыта, и представители ее также были призваны к участию в земском соборе»⁵⁵².

Обратим внимание, что, высказывая решимость вести войну «до победного конца», Хабаровская дума, во-первых, ратовала за созыв органа народного представительства, а во-вторых, выражала надежду, что в этот орган войдут представители Приамурского края. По свидетельству В.А. Апушкина, подобные адреса были вызваны вполне прозаической причиной – русское общество волновали известия о требованиях Японии. Требования подкреплялись весьма недвусмысленными действиями: японцы заняли Сахалин (с ничтожными потерями и всего за 22 дня), бомбардировали Петропавловск-Камчатский, высаживались на Камчатке и Охотском побережье. Полная беззащитность нашей дальневосточной окраины стала очевидной. Опасения (и небезосновательные), что Япония по мирному договору получит Сахалин, Камчатку, а то и весь Уссурийский край и Приморье, заставляли многих требовать «войны

⁵⁵² РГИА ДВ. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 83. Л. 71-71 об.

до победного конца». Особенно это касалось, конечно, жителей Дальнего Востока⁵⁵³.

Примечательно, что уже после заключения Портсмутского мирного договора ведущее повременное издание региона, газета «Дальний Восток», продолжало публиковать на своих страницах высказывания как сторонников, так и противников мира. В № 190 «Дальнего Востока» за 3 сентября 1905 г. была помещена весьма характерная статья «Между войной и миром». Ее автор М. Горбатов предложил, отказавшись от наступательной войны, провести сухопутную, оборонительную войну с Японией, для чего оставить на Дальнем Востоке 300-тысячную армию, которая сможет сражаться еще 5–10 лет, в течение которых Япония либо будет окончательно разгромлена, либо попросит мира на выгодных для нас условиях. М. Горбатов доказывал, что содержание подобной армии не будет слишком обременительным для бюджета, так как война практически не затронет европейскую часть России и наш центр останется неуязвимым. Напротив, война будет способствовать развитию русской промышленности и увеличению торговых оборотов. Если не «добить» Японию сейчас, через 5–10 лет она снова начнет войну, вооружившись и усилившись на наши же деньги (контрибуцию). Поэтому войну следует продолжать, а чтобы не было убыли в рабочих руках, солдат, участвующих в войне, следует возвращать домой по истечении срока службы. Что касается необходимости реформ, то последние можно успешно проводить и в условиях войны, будет даже легче, поскольку война сплотит общество и умерит пыл враждующих политических сторон⁵⁵⁴.

Что касается общей атмосферы, в которой пребывало русское общество после Мукдена и Цусимы, то его, как нам кажется, наиболее точно характеризуют следующие строки из «Дальнего Востока»: «Неосновательная, беспочвенная уверенность в России перед началом войны, что борьба с Японией не представит для нас ниче-

⁵⁵³ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. // Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб., 2005. С. 315.

⁵⁵⁴ Дальний Восток. 1905. № 190 (3 сентября).

го особенно серьезного и не вызовет сильного напряжения с нашей стороны, после первых уже тяжелых уроков сменилась горьким разочарованием, а после Ляояна, Шахэ, Сандепу и Мукдена перешла столь же быстро в полнейший пессимизм в отношении конечных результатов. 18 месяцев сплошных беспросветных неудач, сдача Порт-Артура, гибель Балтийской эскадры совершенно подорвали в русском обществе веру в собственные силы и создали атмосферу такой растерянности, какая может явиться только при самом страшном кошмаре»⁵⁵⁵.

В целом за два года Русско-японской войны произошли значительные изменения в сознании русского общества. Общее восприятие войны прошло эволюцию от «ура-патриотизма» до полного пессимизма, горечи, растерянности, неверия в возможность победы. Причиной этого, как нам представляется, послужили не только сами поражения как таковые, но и та стратегия в изображении Русско-японской войны, которую выбрали правящие круги. Попытки создания и внедрения образа «маленькой победоносной войны» после падения Порт-Артура, а также катастроф под Мукденом и в Цусимском проливе привели к противоположному результату – падению доверия к правящим кругам, росту критических настроений практически во всех слоях общества и социальных группах. К лету 1905 г. общество уже не верило никаким оптимистичным заявлениям и победным реляциям, никаким «генеральным гениальным» планам и проектам⁵⁵⁶.

Парадокс ситуации заключается в том, что к сентябрю 1905 г. в Маньчжурии была сосредоточена 788-тысячная армия (130 батальонов), но она уже не желала сражаться⁵⁵⁷. Критичность общества в отношении войны оказала деморализующее воздействие и на тыл, и на армию. По мнению М.В. Алексеева, профессора Академии Генерального штаба, генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжур-

⁵⁵⁵ Дальний Восток. 1905. № 188 (1 сентября).

⁵⁵⁶ *Воробьева Э.А.* Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.

⁵⁵⁷ *Шаццлло В.К., Шаццлло Л.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. (факты, документы). М., 2004. С. 272.

ской армии, «если бы растлевающая мысль о том, что вся Россия жаждет мира, что драться бесполезно, безнадежно не коснулась бы нашей армии, то положение наше в Маньчжурии следовало бы признать вполне хорошим»⁵⁵⁸.

Другой участник войны, военный журналист В.А. Апушкин, писал о том удручающем эффекте, который произвела Цусима. По его мнению, именно потому, что на эскадре Рождественского к весне 1905 г. были сосредоточены «все упования русского общества», размеры катастрофы поразили всех и обнаружили «всю глубину разложения нашего старого строя»⁵⁵⁹.

Что касается региональной прессы Сибири и Дальнего Востока, то она на протяжении всей Русско-японской войны выступала в двух ипостасях. С одной стороны, отвечая запросам читателей, она неизбежно фиксировала существующее общественное мнение, с другой – служила его формированию. Общественное мнение Сибири и Дальнего Востока за годы войны претерпело те же изменения, что и русское общество в целом: от «ура-патриотизма» к унынию, горечи, неверию, полному падению авторитета власти. Попытки создать позитивный образ войны здесь натолкнулись не только на собственно военные поражения, которые уже невозможно было скрыть, но и на крайне тяжелую общую экономическую ситуацию.

С осени 1904 г. мы можем наблюдать в региональной прессе как бы два «течения». Первое из них – это голос самого общества, то самое «война положительно измучила, подумать страшно, что будет дальше»; второе – всё более усиливающаяся критика войны со страниц газет, причем она касалась не только общих вопросов (ведение военных действий как таковых), но и отрицательного влияния Русско-японской войны на положение дел в регионе. Переплетаясь, оба этих «течения» взаимно подпитывали и усиливали друг

⁵⁵⁸ Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004. С. 471.

⁵⁵⁹ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. // Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб., 2005. С. 297.

друга, приведя в итоге к общей негативной оценке войны. Вину за поражение в войне русское общество возложило на существующий государственный строй, и к концу войны главным врагом для русского общества стало самодержавие, а не Япония. Впрочем, если сибирское общество разделяло общий взгляд, то на Дальнем Востоке оценки были не столь однозначны, идеи «желтой опасности» и необходимости борьбы с ней продолжали жить. В ряде случаев присутствовало и желание «войны до победного конца», причем, подпитывалось оно не столько патриотизмом, сколько страхом аннексии русских дальневосточных территорий.

В целом правящим кругам так и не удалось представить Русско-японскую войну как необходимую и неизбежную. Сложные геополитические планы и расчеты элиты так и остались непонятыми для населения, которое недоумевало, зачем нам чужая земля. Первоначальный образ японцев как чуждой и враждебной расы, стремящейся к господству в Азии, а также к захвату Сибири и Дальнего Востока, образ самой войны как успешной и победоносной, с гениальным главнокомандующим, выдающимися военачальниками и прекрасной армией разбился о суровую действительность. Правда о войне, о действительном состоянии русской армии и флота, о положении защитников Порт-Артура, о трагедии Мукдена и Цусимы, о всех ужасах войны (масштаб боевых действий стал несопоставим даже по сравнению с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.) сначала просачивалась, а потом хлынула на страницы газет, раскрывалась в солдатских письмах и рассказах очевидцев, всё больше и больше возбуждала общество.

«Узкоглазые макаки» оказались первоклассными солдатами, превосходно обученными и вооруженными по последнему слову техники. Русская армия оказалась раздетой, голодной и непрерывно отступающей, причем исключительно по вине командования. Война, которую элита пыталась сделать народной, действительно стала народной: от своих частей ждали героизма и доблести, несмотря ни на что, и готовы были жертвовать для них последним. Но непонятная и ненужная обществу Русско-японская война вызвала позор и проклятие, а Сибири и Дальнему Востоку грозила экономической и гуманитарной катастрофой. Неудивительно, что

и в публикациях региональной прессы, и в постановлениях, которые принимали местные думы, содержалось требование немедленного прекращения войны, а вина за ее позорный проигрыш возлагалась на существующий политический режим. Как писал на эту тему С.Ю. Витте, «вся пресса обратилась в революционную, в том или другом направлении, но с тождественным мотивом “долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующей режим, доведший Россию до такого позора”»⁵⁶⁰.

Русско-японская война, которая продемонстрировала неспособность верховной власти ни добиться успеха в ходе военных действий, ни справиться с внутренними проблемами, которые она породила, вызвала в сибирском и дальневосточном обществе (как и в целом в российском) утрату доверия к власти. Задуманная элитой в том числе как способ отвлечь народ от внутренних проблем, война усилила их еще больше. Социальный кризис, помноженный на обнаруженную слабость верховной власти и вскрывшуюся ложь, привел к глобальному противостоянию между обществом и элитой. Таким образом, Русско-японская война стала провокатором социальных трансформаций в обществе и как минимум одним из источников начавшейся в стране революции.

⁵⁶⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 488.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распространенная оценка Русско-японской войны 1904–1905 гг. как незначительной (особенно по сравнению с Первой мировой) не вполне соответствует истине. Война, которая по замыслу правящих кругов должна была стать «маленькой и победоносной», в итоге превратилась в затяжной и довольно крупномасштабный конфликт и послужила катализатором Первой русской революции. Она породила целый круг проблем, которые наиболее отчетливо прослеживаются на примере Сибири и Дальнего Востока – регионов, которые война затронула в наибольшей степени. Причины возникновения этих проблем и то, как власть пыталась их разрешить, отчетливо демонстрируют и позицию правящих кругов, и взаимоотношения власти и общества (на всех уровнях), и то, как и почему власть утрачивает общественное доверие.

Прежде всего обозначим позицию элиты. Кроме геополитических целей, которые элита рассчитывала достичь в этой войне (установление контроля над Китаем и Кореей, ослабление Японии), война также задумывалась правящими кругами как средство для отвлечения народа от существующего социально-политического кризиса. Предполагалось, что война вызовет патриотический подъем, сплотит народ вокруг власти в единении перед лицом врага и т. п. Накануне и в ходе войны впервые была предпринята широкомасштабная попытка формирования общественного мнения в нужном для верхов ключе. Для этого создавался и образ врага (Японии и японцев), и образ самой войны. Японию рисовали как агрессора, изначально нацеленного на завоевание Азии, а в перспективе и русского Дальнего Востока; японскую цивилизацию – как чуждую и враждебную христианской культуре, а поэтому об-

реченную на столкновение с Россией; самих японцев – как коварных, лживых, двуличных, жестоких врагов, варваров, «узкоглазых азиатов», «макак» и т. д. Напротив, война позиционировалась как справедливая (мы защищаемся от враждебной цивилизации) и победоносная с нашей стороны, ход военных действий – как совершаемый целиком по планам русского командования, русская армия – как превосходная, героическая, с выдающимися командирами, гениальным главнокомандующим и прочее.

При этом элита в ходе войны старалась по максимуму переложить на плечи населения собственно расходы на войну. Население привычно использовалось как средство для подтверждения имперского величия, как источник ресурсов для осуществления своих (элиты) планов и т. д. Как нам представляется, элита при этом не учла изменения ситуации, а именно перевод армии с рекрутской системы комплектования на всеобщую воинскую повинность. Последнее означало, что теперь в боевых действиях будет участвовать не некое образование, существующее как отдельная часть социума, а люди, буквально вырванные из существующей системы экономических и социальных отношений. То есть война теперь действительно затрагивает всё общество, и ее влияние на внутреннее положение дел в стране неизмеримо вырастает. Рассмотрение этого процесса в настоящем исследовании было сделано на примере Сибири и Дальнего Востока как региона, фактически ставшего тылом Маньчжурской армии и на который война произвела наибольшее влияние.

Итак, какими перед нами предстают Сибирь и Дальний Восток в годы войны? Если начало Русско-японской войны было встречено с воодушевлением, то в дальнейшем отношение к войне у населения региона поменялось на нейтральное, а затем резко отрицательное. Этому способствовали как неудачи на фронте, так и те внутренние проблемы, которые были порождены войной, а также то, что власть совершенно неэффективно решала эти проблемы, а в ряде случаев даже не собиралась их решать. Так, рост цен и продовольственные кризисы, вызванные сокращением (местами прекращением) перевозок коммерческих грузов по Транссибирской магистрали, увеличением закупок для армии, прекращением поставок

продовольствия из Маньчжурии, приобрели в ходе войны катастрофические масштабы. Ситуации, когда цены вырастали в 3–5 раз, а на отдельные товары и в 10–15, когда месяцами население не могло купить важнейшие продукты питания вследствие огромных цен на них и / или отсутствия в продаже, стали для Сибири и Дальнего Востока обыденным явлением.

Ни местная, ни центральная власть не смогла справиться со спекуляцией и наладить снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости. Местная власть (вплоть до уровня генерал-губернаторов) постоянно оказывалась в роли просителя, вынужденная буквально вымаливать продовольственные ссуды, вагоны для провоза товаров и т. д. Снабжение городов и уездов региона превратилось в форменную «войну всех против всех», когда многочисленные органы, созданные для организации снабжения, буквально вырывали друг у друга имеющиеся запасы. Очевидно, что эта ситуация сопровождалась огромным количеством злоупотреблений.

При этом объективно критическая ситуация была создана исключительно действиями высших властей и ими же могла быть разрешена, но почти ничего сделано не было. Налицо кризис управления, и его причиной была несогласованность организационных целей (когда элементы системы ставят собственные интересы выше интересов системы): местная власть пыталась решить проблемы снабжения населения, но не имела реальных рычагов для этого, а центральная власть имела возможности (например, предоставить вагоны для перевозки грузов, разрешить закупки продовольствия для населения региона в Маньчжурии и т. д.), но очень неохотно ими пользовалась. Фактически населению просто предлагалось «потерпеть».

Но ростом цен и нехватками продовольствия проблемы не ограничились. Еще одной крупномасштабной проблемой стала ситуация со снабжением семей запасных нижних чинов, призванных на войну. Впервые со времени введения военной реформы 1874 г. этот призыв был настолько масштабным. Для Сибири и Дальнего Востока речь шла о десятках тысяч призванных запасных. Их семьи с уходом кормильцев оказывались практически без средств к суще-

ствованию. Существующая система государственного призрения таких семей оказалась неэффективной и недостаточной, само назначение и выплата пособий велись с массой нарушений и злоупотреблений. Недостатки в выплате казенных пособий предлагалось восполнять за счет общественной благотворительности (да и некоторые казенные выплаты должны были совершаться за счет средств городов и сельских обществ, как, например, выплата так называемых квартирных денег). Фактически власть переложила на общество и общественную благотворительность заботу о семьях тех, кого она (власть) мобилизовала на войну. А поскольку общественная благотворительность имела свой предел (в том числе потому, что финансовое состояние населения неуклонно ухудшалось), в итоге семьи запасных оказались за гранью нищеты. При этом элита совершенно не учла, что сформировала у населения патерналистские ожидания, десятилетиями (а то и столетиями) создавая жесткую систему государственного контроля и отучая подданных рассчитывать на свои силы. В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева в своем труде «Война, породившая революцию», исследуя Первую мировую войну, пришли к выводу, что Февральская революция была вызвана не столько тяготами, порожденными войной, сколько крахом патерналистских ожиданий общества. Думаем, в отношении Русско-японской войны это тоже верно.

Примечательно, что забота об армии (как о непосредственно воюющих, так и о раненых и больных) также была фактически переложена на плечи общества. Расписавшись в своем бессилии наладить удовлетворительное снабжение армии обмундированием и продовольствием, а также госпитальную работу и снабжение раненых, военные власти попросту поставили население региона и местные органы власти перед необходимостью самим заниматься решением этих вопросов. В отдельных случаях требования были чрезмерными и совершенно не соответствовали возможностям региона. Например, Иркутск, который к февралю 1905 г. оказался на пороге продовольственной катастрофы и имел весьма ограниченное количество помещений, обязывали принять 20 тыс. раненых (что превышало реальные возможности города в 3,5 раза).

На местные власти были переложены расходы по мобилизации и выплате квартирных денег семьям запасных нижних чинов, обеспечению квартирным довольствием армии, содержанию лазаретов и госпиталей, снабжению выписывающихся раненых одеждой, при том что общественная благотворительность Сибири и Дальнего Востока в годы войны достигла огромных масштабов (было собрано сотни тысяч рублей и тысячи предметов одежды, а также продовольствие), власть продолжала требовать еще. И это в условиях роста цен, резкого сокращения доходов городов из-за падения производства, ухудшения условий торговли и т. д.

В целом общество Сибири и Дальнего Востока даже в условиях падения престижа Русско-японской войны продолжало жертвовать буквально всем для своих воинов. Даже став ненужной и позорной, Русско-японская война оставалась народной: мысль, что «наши воины» могут побежать, отступить, струсить, оставалась неприемлемой для общественного сознания. Общество готово было пожертвовать (и жертвовало) буквально последним для своих воинов, от них ждали, что они проявят мужество и героизм. И действительно, части, мобилизованные в Сибири и на Дальнем Востоке, проявили себя в ходе войны более чем достойно.

Но ни общественный энтузиазм, ни мужество солдат не смогли компенсировать пороки существующей политической системы и полную бездарность командования. Поражения, которые русская армия и флот испытывали раз за разом (особенно на фоне предыдущей пропагандистской кампании), вызвали в обществе разочарование и шок, а власть всё больше теряла свой авторитет. Общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (как и общественное мнение всего российского общества) в годы войны менялось от патриотической эйфории до полного неприятия войны, требования мира и масштабных политических изменений, при этом оно не было однородным. Разным было отношение к созданию вольных дружин, призванных участвовать в мероприятиях по защите региона от японцев. Разным было и отношение к самим японцам и Японии (в Сибири – более сдержанное, уважительное и сочувственное, на Дальнем Востоке – более настороженное, вплоть до продолжения культивирования идеи о «желтой опасности», что

всемерно поддерживалось властями). Разным было и отношение к возможному заключению мира (в Сибири – требования немедленного заключения мира, на Дальнем Востоке – ведение войны до победы, поскольку существовал страх, что Япония в случае победы аннексирует дальневосточные территории). Но все общественные силы региона сходились в одном – в оценке Русско-японской войны как позорной, проигранной, катастрофической для внутреннего положения дел в Сибири и на Дальнем Востоке и в том, что существующая политическая система является главным виновником проигрыша войны и должна быть реформирована.

Игнорирование элитой возникших в ходе войны проблем, нежелание их решать, стремление переложить на плечи населения максимальное количество расходов, связанных с ведением войны (вплоть до снабжения действующей армии), вызвало резкую конфронтацию между элитой и обществом. Сокрушительные поражения (падение Порт-Артура, Мукден, Цусима) и позорный проигрыш войны после того, как общество месяцами уверяли, что «всё идет по планам командующего», вызвали полное падение доверия к существующей власти. К концу Русско-японской войны общество, пожертвовав буквально всем на войну, оказалось перед жестоким экономическим и социальным кризисом, а власть не нашла ничего лучше, как уверять, что всё будет хорошо, стоит только еще немного напрячься. Неудивительно, что Русско-японская война логично подвела русское общество к Первой русской революции. Жаль, что правящие круги России так и не извлекли из этой войны должных уроков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Периодические издания

1. Сибирская жизнь : ежедневная, общедоступная газета. – Томск, 1897–1917. – 1904, № 1–285 ; 1905, № 1–200.
2. Восточное обозрение : общественно-политическая газета. – Санкт-Петербург, 1882–1888 ; Иркутск, 1888–1906. – 1904, № 1–312 ; 1905, № 1–190.
3. Дальний Восток : газета, посвященная интересам Приамурского края / ред.: В. А. Панов, Е. А. Панова. – Владивосток, 1892–1917. – 1904, № 1–294 ; 1905, № 1–200.
4. Вестник Маньчжурской армии : издание полевого штаба Маньчжурской армии, 1904–1906. – 1904, № 1–70.

Публицистические материалы

1. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1994. – 556 с.
2. Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция : маленькие письма, 1904–1908 гг. / Алексей Суворин ; [сост., подгот. текстов, вступ. ст. А. Романенко]. – Москва : Алгоритм, 2005. – 751 с., 16 л. ил.

Мемуары

1. Апушкин В. А. Куропаткин : из воспоминаний о Русско-японской войне / В. А. Апушкин. – Изд. 2-е, доп. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1908. – 219 с.
2. Апушкин В. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / В. А. Апушкин // Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. : сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны / авт.-сост. Е. М. Османов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
3. Попов И. И. Забытые иркутские страницы / И. И. Попов. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. – 384 с.

Делопроизводственные материалы

РГИА ДВ

- Ф. 8. Временная канцелярия наместника его императорского величества на Дальнем Востоке. Г. Порт-Артур–Мукден.
- Ф. 87. Канцелярия военного губернатора Приморской области.
- Ф. 153. Управление вольными дружинами Приморской области. Г. Владивосток.
- Ф. 159. Владивостокская городская дума. Г. Владивосток.
- Ф. 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора.
- Ф. 704. Канцелярия военного губернатора Амурской области. Г. Благовещенск.
- Ф. 718. Амурский областной комитет по призрению семейств запасных нижних чинов, призванных в войска. Г. Благовещенск.

- Ф. 719. Временный Амурский областной продовольственный комитет. Г. Благовещенск.
- Ф. 766. Благовещенская городская дума. Г. Благовещенск.
- Ф. 1029. Петропавловское городское управление. Г. Петропавловск-Камчатский.
- Ф. 1116. Военный губернатор Забайкальской области. Г. Чита.
- Ф. 1133. Военный губернатор Забайкальской области. Г. Чита.
- Ф. 1259. Хабаровская городская дума. Г. Хабаровск.
- Ф. 1338. Начальник Петропавловской дружины. Г. Петропавловск-Камчатский.
- Ф. 1562. Николаевская на Амуре городская дума. Г. Николаевск-на-Амуре.

Список литературы

1. *Айрапетов О. Р.* На сопках Маньчжурии... Политика, стратегия и тактика России / О. Р. Айрапетов // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие : международный исторический сборник. – Москва, 2004. – С. 355–502.
2. *Баяндин В. И.* Русско-японская война : мобилизация и демобилизация войск в Сибири / В. И. Баяндин // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы областной науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., Новосибирск. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2004. – С. 38–45.
3. *Баяндин В. И.* Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны / В. И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 7–12.
4. *Баяндин В. И.* Военнослужащие в Сибири в годы Первой русской революции / В. И. Баяндин // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 2005 г.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 106–112.
5. *Воробьева Г. И.* Красный крест в Омске в период Русско-японской войны (по архивным материалам) / Г. И. Воробьева // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 23–25 марта 1995 г.). – Омск, 1995. – С. 135–137.
6. *Воронина А. А.* Русское военное духовенство в годы Русско-японской войны / А. А. Воронина, Ю. А. Фабрика // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. – Новосибирск, 2004. – С. 93–96.
7. *Гладкая Е. А.* Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Гладкая. – Ставрополь, 2008. – 26 с.
8. *Голик А. А.* Дальневосточное казачество в Русско-японской войне 1904–1905 гг. / А. А. Голик // Новейшая история России. – 2015. – № 3. – С. 22–28.
9. *Горелов Ю. П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века / Ю. П. Горелов. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. – 388 с.
10. *Гольдфарб С. И.* Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С. И. Гольдфарб. – Иркутск, 2003. – 78 с.

11. *Гольдфарб С. И.* Газета «Восточное обозрение» (1882–1906 гг.) / С. И. Гольдфарб. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. – 218 с., [10] л. ил.
12. *Дацышен В. Г.* Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг. / В. Г. Дацышен // Ежегодник «Япония». – 2007. – № 36. – С. 240–248.
13. *Жукова Л. В.* Формирование «образа врага» в Русско-японской войне 1904–1905 гг. / Л. В. Жукова // Военно-историческая антропология. – 2005. – Т. 2003/2004. – С. 261–263.
14. *Жукова Л. В.* Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны / Л. В. Жукова // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. – Москва : РОССПЭН, 2002. – Вып. 2. – С. 341–356.
15. *Зайцев Д. М.* Японцы во Владивостоке накануне Русско-японской войны / Д. М. Зайцев // Россия и АТР. – 2007. – № 2. – С. 125–129.
16. Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. : сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны / авт.-сост. Е. М. Османов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 470 с.
17. *Катцина Т. А.* Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны / Т. А. Катцина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2. – С. 68–79.
18. *Косых Е. Н.* «Сибирская жизнь» / Е. Н. Косых // Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н. М. Дмитриенко ; Том. гос. ун-т, Гос. архив Том. обл. – Томск : НТЛ, 2004. – С. 311.
19. *Косых Е. Н.* Макушин П. И. (1844–1926) / Е. Н. Косых // Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н. М. Дмитриенко ; Том. гос. ун-т, Гос. архив Том. обл. – Томск : НТЛ, 2004. – С. 199.
20. *Косых Е. Н.* Макушин А. И. / Е. Н. Косых // Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н. М. Дмитриенко ; Том. гос. ун-т, Гос. архив Том. обл. – Томск : НТЛ, 2004. – С. 199.
21. *Кутник А. К.* Сибирские казаки в Русско-японской войне / А. К. Кутник // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы областной науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., Новосибирск. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2004. – С. 114–116.
22. *Левицкий Н. А.* Русско-японская война / Н. А. Левицкий. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2003.
23. *Михеев Б. В.* Участие населения Забайкальской области в Русско-японской войне 1904–1905 гг. / Б. В. Михеев // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2012. – № 8. – С. 204–207.
24. *Окорокова О. В.* Формы и методы помощи Российского общества Красного Креста Томской губернии воинам-сибирякам в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) / О. В. Окорокова // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4, т. 2 (76). – С. 168–171.
25. *Молодяков В.* Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века / В. Молодяков. – Москва : Токио, 1996. – 182 с.
26. *Молодяков В. Э.* Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века / В. Э. Молодяков // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. – Москва : РОССПЭН, 2002. – Вып. 2. – С. 325–340.

27. Олех Г. Л. Русско-японская война как зеркало российской модернизации / Г. Л. Олех // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы областной науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., Новосибирск. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2004. – С. 7-14.
28. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.) : указатель газет и журналов : учебное пособие / Том. гос. ун-т, Проблемная науч.-исслед. лаб. истории, археологии и этнографии Сибири ; сост.: Е. Н. Косых, И. Г. Мосина ; ред. Э. И. Черняк. – 2-е изд., доп. и испр. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 93 с.
29. Петряев Е. Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1862-1906) : биобиблиографические материалы / Е. Д. Петряев. – Киров : [б. и.], 1987. – 54 с.
30. Ричардсон С. О Японии и японцах. Общественное мнение жителей Дальнего Востока в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. // Россия и АТР. – 2002. – № 3 (37). – С. 56-60.
31. Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы областной науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., Новосибирск. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2004. – 136 с.
32. Русско-японская война 1904-1905 : взгляд через столетие : международный исторический сборник / под ред. О. Р. Айрапетова. – Москва : Три квадрата, 2004. – 652 с., 8 л. ил.
33. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века : эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 288 с.
34. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке : исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 383 с.
35. Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках : исторический очерк-хроника / Н. Н. Смирнов ; под ред. С. И. Рябова, Ю. Ф. Болдырева. – Волгоград : Волгогр. ком. по печати, 1994. – 608 с.
36. Струк Н. К. Восточная Сибирь в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. К. Струк. – Иркутск, 1971. – 22 с.
37. Стрюченко И. Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861-1917 гг.) : аннотированный библиографический указатель / И. Г. Стрюченко ; Акад. наук СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Центр. науч. б-ка ; [под общ. ред. А. И. Крушанова]. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1983. – 121 с.
38. Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н. М. Дмитриенко ; Том. гос. ун-т, Гос. архив Том. обл. – Томск : НТЛ, 2004. – 438 с.
39. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н. М. Дмитриенко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 464 с.
40. Фабрика Ю. А. А для Сибири сугубо... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) / Ю. А. Фабрика // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы областной науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., Новосибирск. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2004. – С. 45-58.

41. *Фабрика Ю. А.* Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири) / Ю. А. Фабрика. – Новосибирск : Новосиб. полиграф. комбинат, 2001. – 252 с.

42. *Чернов К. А.* Военный гарнизон г. Томска в 1904–1905 гг. / К. А. Чернов // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 2005 г.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 112–117.

43. *Чернявский С. В.* Российская миссия в Хакодате. По материалам Российского государственного исторического архива / С. В. Чернявский // Международное научное совещание по историческим документам, связанным с Японией и Россией, Японская академия, Токио, 23 мая 2017 г. – Токио, 2017. – С. 80–92.

44. *Чибилова Т. В.* Развитие западносибирской легальной периодической печати и ее общественно-политическая проблематика в период 1905–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Чибилова. – Омск, 2004.

45. *Шацилло В. К.* Русско-японская война, 1904–1905 : [факты, документы] / В. К. Шацилло. – Москва : Молодая гвардия, 2004. – 470 с., [16] л. ил.

46. *Шахова И. А.* Периодическая печать и органы государственной власти Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX веков) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Шахова. – Владивосток, 2001.

47. *Шиловский М. В.* Русско-японская война и Сибирь / М. В. Шиловский // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России : материалы областной науч.-ист. конф., 26 марта 2004 г., Новосибирск. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2004. – С. 33–37.

48. *Шиловский М. В.* Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири / М. В. Шиловский // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 12–16.

49. *Ширшов М. А.* Организация призрения семей воинских чинов, призванных на действительную службу в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) / М. А. Ширшов // Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 6 (22). – С. 139–143.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Проблемы, порожденные Русско-японской войной, и попытки их решения.....	19
§ 1. Продовольственные кризисы в городах Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны	19
§ 2. Деятельность органов власти по решению продовольствен- ного вопроса.....	46
§ 3. Проблема семей запасных нижних чинов	81
§ 4. Помощь действующей армии: добровольная или вынуж- денная?	117
Глава 2. Общественное мнение Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны.....	151
§ 1. Образ Японии и японцев в общественном сознании Сибири и Дальнего Востока.....	151
§ 2. Организация и деятельность дружин на Дальнем Востоке.....	175
§ 3. Динамика общественного мнения Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны	202
Заключение.....	239
Библиографический список.....	245

CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. Problems caused by the Russo-Japanese war and attempts to solve them	19
§ 1. Food crises in Siberian and Far Eastern cities during the Russo-Japanese war	19
§ 2. Activities of the authorities to solve the food problems	46
§ 3. The problem of reservist lower ranks families	81
§ 4. Assistance to the army: voluntary or enforced?	117
Chapter 2. Public opinion in Siberia and t Far East in the years of the Russo-Japanese war	151
§ 1. The image of Japan and the Japanese in public conscience of the population of Siberia and the Far East	151
§ 2. The formation and activity of volunteer squads in the Far East	175
§ 3. Dynamics of public opinion in Siberia and the Far East during the Russo-Japanese war	202
Conclusion.....	239
References.....	245

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Воробьева Эвелина Александровна

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

Монография

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Художественный редактор *А.В. Ладыжская*
Корректор *Л.Н. Кишинт*
Компьютерная верстка *С.И. Ткачева*

Подписано в печать 03.08.2020
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 15,75. Печ. л. 15,75
Тираж 3000 экз. (1-й з-д – 1–50 экз.)
Изд. № 54. Заказ № 741

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Издательство Новосибирского государственного
технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Тел. (383) 346-31-87
E-mail: office@publish.nstu.ru

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20